

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

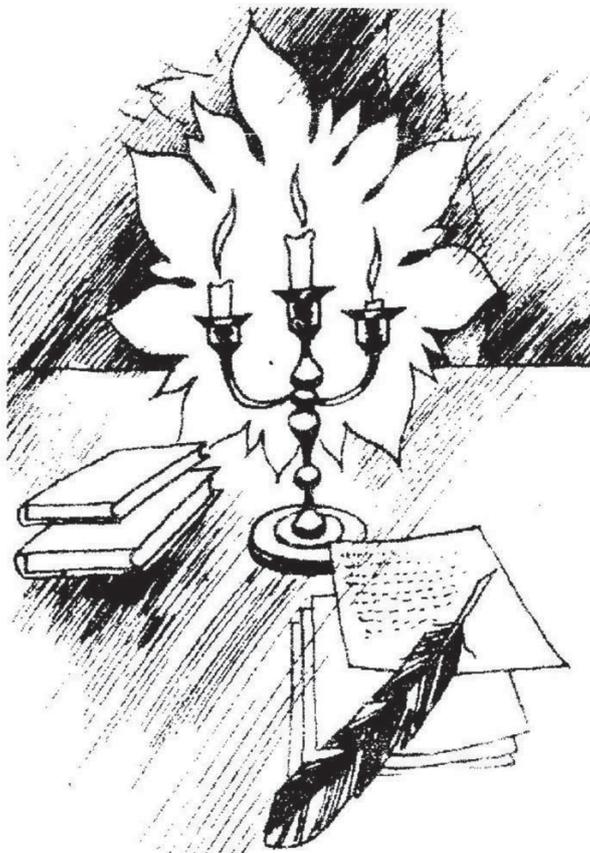
ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК
(история одной жизни)
Том 1 - Часть 1

г. Омск, 2015 г.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

(Итоговое издание, включающее материалы
более десятка различных книг)

Вступление

Уважаемый читатель!

Да, эта: книга сделана по законам жанра дневников, которых в российской литературе много. Дневники, в основном, пишутся прозаическим языком. А здесь для дневниковых записей использованы стихи. И не случайно. Мне нравятся короткие записи, сделанные эмоционально, быстро.

Даже в моих коротких рассказах и повестях (а их у меня более ста) чувствуется краткость изложения, желание душевного выражения, открытость и достоверность. А в стихах такая возможность намного естественней.

Первые дневниковые записи сделал в 19 лет. Так, случайно. Для себя лично. Не думая о серьёзной работе.

Старался найти в стихе для основной мысли одну-две строчки. Как у В. Макарова: *«Здесь, на могиле дедовой с роднёю побеседую», «Земля, которая в горсти и по которой крест нести».* Или у Е. Евтушенко: *«И твои руки тянет, тянет какой-то силой роковой. Земля темнее под ногтями, соединится вновь с землёй».* У Роберта Рождественского: *«На земле безжалостно маленькой жил да был человек маленький. И на всей земле не хватило мрамора, чтобы вылепить парня в полный рост?!»*

Да, это чёткие, глубокие мысли. Добавь 3-4 строчки – и стих готов. Но меня чаще привлекали слова о душевном настрое автора, так в стихах у Тимофея Белозёрова о Снегурочке: *«Шла она и плакала, трогая берёзы... Выросли подснежники – снегурочкины слёзы».* Или его стих, как он на осенней охоте лёг на холодную землю, накрылся плащом и старался заснуть, но вначале: *«Согрелся сам...»,* потом, ... *«стал согревать огромную, её...»* (прошу извинения у читателя, что стихи других авторов я часто привожу не с абсолютной точностью с их оригиналом).

С первых записей, мои стихи всегда были о простых людях, их ежедневной работе. Мне захотелось в обыденных делах увидеть чёрточки вдохновенной страсти людей к своему делу. Ведь, скажем, в работе строителя или крестьянина есть настоящая любовь к житейским делам, которая держит наплаву всю нашу жизнь. Одухотворить, поэтически приподнять эту страсть над бытом – вот это на долгие годы стало моей задачей. Особенно неиссякаемая тема для меня – любовь к природе. Всё своё детство и юность я провёл в лесах, на озёрах – восхищаясь красотой и мудростью дикой Природы!

Так прошло несколько лет моих увлечений стихами. Но однажды я показал написанное своим знакомым, они посоветовали отдать их в газеты. Что я вскоре и сделал.

Первые мои 4 стихотворения, о крестьянской жизни, (я же вырос в деревне) напечатал в омской газете «Молодой сибиряк», известный российский поэт Владимир Пальчиков (он не омич, но несколько лет жил и работал в Омске).

Было это в 1963 году.

Стихи – правдивые и очень жёсткие о тяжёлом крестьянском труде. На них сразу в Ленинском райкоме ВЛКСМ г. Омска появилась строгая критика, что я усложняю сельскую жизнь. Меня – комсомольца начали склонять, как антисоветчика. Смешно. В стихах была правда и только правда! Это, вообще – моё жизненное кредо. Я поклялся больше не связываться с изданием своих стихов. (Об этом у меня есть воспоминания в более поздних записях).

Итак, 30 лет (до 1991 года) я не помышлял о печатанье своих стихов, хотя по-прежнему делал дневниковые записи в разных тетрадках и блокнотах. Опять же, так, для себя. В чём и признавался: **«Что хотелось – то и пелось, просто так, в полголоса... Не заметил: пришла зрелость... Поседел волосы».** Мой знакомый – журналист как-то заметил мне, что я быстро, легко делаю запись стиха, на что я ответил ему стихом Ев. Евтушенко: **«...Лёгкость?.....И надо кусать себе локоть, но именно это – стихи...»** Да, я не трудился над стихом, а записывал его на одном выдохе. Как в песне у Булата Окуджавы: **«Каждый пишет так – как дышит...»** Надо отметить моё небрежное отношение к корневым рифмам, но тот же Ев. Евтушенко мог позволить себе рифмовать «солнце с собакой» лишь потому, что оба слова начинаются на букву С.

И вот, в 1991 году в стране началась «перестройка», произошли судьбоносные события для всех россиян и для меня лично. Я, потрясённый происходящим, впервые ощутил острую необходимость высказаться, сел плотно за письменный стол. Писал много, правил старые стихи, и в 1993 году издал книгу «Время и честь». Вот её предисловие:

«Время и Честь» – книга глубинных чувств и размышлений о сегодняшней непростой, трагической судьбе Родины, русского народа. Неоднозначность, противоречивость, конфликтность событий и сущности бытия ворвались с тревогой и болью в душу нашего современника. Непреходящие вечные ценности «Время и Честь» – главный мотив лирического сборника Владимира Зензина».

* * *

Позднее, за 20 лет повседневной, упорной работы мною подготовлено и издано более сорока книг стихов и прозы.

Я организовал и вёл, как редактор-составитель 4 омских журнала: «Природа Прииртышья», «Охота и рыболовство», «Физическая культура и спорт», «Экологический вестник». Да, объём сделанного очень большой. Но какова его творческая ценность? И нужно ли всё это кому?

Я обращался в личных беседах с этим вопросом к ведущим литературоведам Омска, но полного ответа почему-то не получал.

– **«Никому нынче ничего не нужно, а тем более твои книги и журналы?!»** – так, посмеиваясь надо мной, подытожил однажды наш разговор известный, старейший журналист Анатолий Грачёв. Он мой друг, постоянный редактор моих книг и журналов... И он абсолютно прав.

И возразить нечего? Сегодня в книжных магазинах пусто, нет покупателей. Во всех газетах давно (категорически) отказались от стихов. В учебных программах литературу поставили из обязательных предметов, в дополнительный (на выбор). Из перечня изучаемых авторов классической литературы – убраны некоторые основоположники русской литературы, а включены сомнительные произведения иностранцев. Ну, куда ещё хуже может быть в современной действительности?! Какая уж может быть любовь к книге.

Хотя стихи о «перестройке» говорят и о многом другом.

«ПРАВДА»

Слово «правда», и только –
«правду!» –
я вносил в заголовки
страниц...
И стихи, вылетая и радуя,
были очень похожи на птиц.
Что им надо?
Синь неба да ветер.
Ввысь взлетая, играя
крылом,

уносили меня в быль и
небыль...
Возвращался на землю с
трудом.
Но теперь – в дымах низкое
небо,
и «неправда» всем правит
вокруг.
И в глазах моих, тёмных от
гнева,

то – печаль, то – смиренность
разлук.
Зло и нечисть по улицам
бродят,
мутят прихотью души
людей...
И, сдвигая морщинисто
брови,
не пою о любви я своей.

* * *

Наверное, и современные литераторы виновны во многом, как и низкий уровень кинофильмов, музыки и многого другого? Да, так оно и есть. Всё поставлено ныне на самотёк, изменились нравственные позиции, всё ценится в ином измерении. А с чего началась «перестройка»? Писательские Союзы, литературные организации оказались не удел. Новые хозяева страны объявили их вне закона, отделили от государства, лишила финансовой помощи. Наверно, в чём-то власть и права. Ведь и писательские и художественные, и прочие Союзы, в основе свой – добровольные, общественные организации. А раз так – общественные, пусть сами и выкручиваются. Не зря же великая певица Галина Вишневская в одном интервью высказалась: **«Многое сегодня правильно сделано. Вот и писателей отделили от государственной кормушки. Гонорары, путёвки в санатории, квартиры вне очереди – и другие незаслуженные льготы убраны. А их-то, писателей, на учёте более десятка тысяч. Пусть теперь сами выкручиваются...»**.

* * *

Да, трудножато живётся сейчас писательским Союзам. Как недавно сказал мне председатель Омского отделения Союза сибирских писателей Александр Лейфер: **«Даже мало-мальской ставки хотя бы на секретаря, никто не даёт. Вести дела, учёт некому...»**.

Надо отметить, что и в лучшие годы советской власти писателем жилось далеко не сладко.

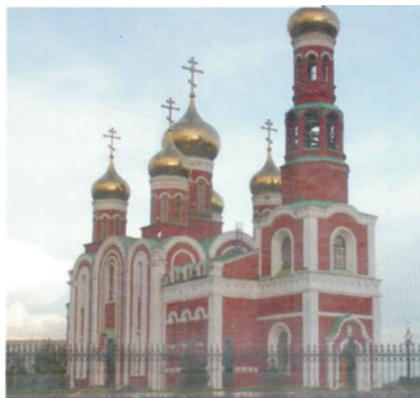
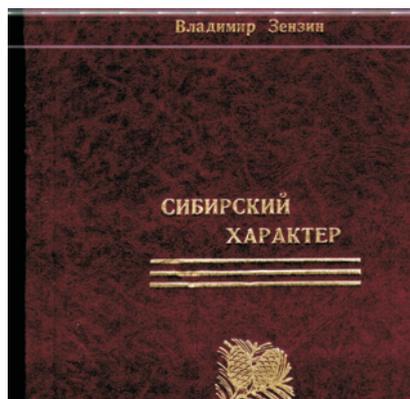
На примере Омской области, только Т.М. Белозёров мог профессионально зарабатывать на жизнь своей литературой. Общаясь с ним, я слышал от него: **«Вот перешёл на вольные хлеба, миллионные тиражи моих детских книг, а денег почти нет...»**.

Ему не верили. Но я знал про случай, когда председатель Облисполкома Бухтияров предложил Тимофею купить «волгу» из первого дефицитного поступления, на что тот отказался, сказав: **«Я на «москвича» еле-еле наскрёб, а здесь такую сумму надо»**.

Лично я в литературе никогда не зарабатывал, а наоборот, имел лишние расходы при издании книг, что очень выходило в дорогое удовольствие. А продать книги – большие проблемы. Мои книги есть на витринах в десятке книжных магазинов, но их, как и книги классиков, никто не покупает. Но что делать?.. Мне уже 80 лет!!

Собрал и разложил в стопки на столе свои книги и журналы, долго думал и решил выбрать из всех книг стихи разных лет для ПОЭТИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА.

1. КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (книги изданы небольшим тиражом)

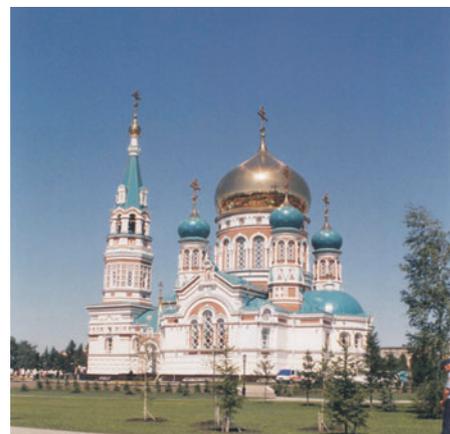
ГОРОД МОЙ

СИБИРЬ, СТОРОНА РОДНАЯ

ПРИРОДА и ЧЕЛОВЕК

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРИИРТЫШЬЯ

За последнее годы я издал несколько своих объёмистых исторических книг: «Сибирский характер», «Город мой», «Покровская крепость», «Природа и человек», «Сибирь, сторона родная» и 4-х томное издание «Возрождение Прииртышья».

Представляю книги и журналы, из которых составляю первый том ДНЕВНИКА. Как видите, возможность для выбора есть.

2. КНИГИ ПРОЗЫ И ПОЭТИЧЕСКИЕ СБОРНИКИ

(Из этих книг, в основном, составлен мой поэтический Дневник)

3. ЖУРНАЛЫ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

(Из них включено в Дневник всего два десятка стихотворений)

* * *

Просмотрел папки стихов, нигде ещё не публиковавшихся (а их подавляющее большинство), и как думается мне, имеющих определённую ценность для моего поэтического дневника. Из них я составил второй том, предварительно сгруппировав их в различные книги, предполагаемые (чем чёрт не шутит) в будущем к изданию. Конечно, на это я мало надеюсь.

ОМСКОЕ ПРИИРТЫШЬЕ (краткая справка)

Омская область по размеру территории превышает некоторые европейские страны. Она расположена в южной части Западно-Сибирской равнины. Её протяженность с севера на юг почти 600 км, с запада на восток – 300 км. Площадь области составляет 139,7 тыс. кв. км или, около 14 млн.га. Размеры и географическое положение её определяет разнообразие природных условий, включающих в себя тайгу, лесостепь и степную зону. Когда на юге области начинают журчать ручьи, появляются первые цветы, насекомые, птицы и пробудившиеся от спячки грызуны, на севере все еще лежит зима. На территории области насчитывается более 16 тысяч больших и малых, пресных и соленых озер, за это область называют краем озер. Многочисленна речная сеть, насчитывающая более 4000 рек и других водотоков протяженностью 15,5 тыс.км. Река Омь, давшая название нашему городу и, конечно, легендарный Иртыш- основная крупная водная артерия, протянувшаяся от гор Китая до Ледовитого океана на 4248 км. Разнообразие природных зон обуславливает разнообразие растительного и животного мира Омской области – от таежного обитателя тайги медведя до степного тушканчика, от сибирского осетра до коренного жителя озер – карася. Обитает 73 вида млекопитающих, 274 вида птиц, 31 вид рыб, 4 вида пресмыкающихся, более 30 тыс. видов насекомых.

По преданиям древних индусов в Омской области находится «пуп Земли», это начало из начал нашей вселенной. Поэтому так свято место около с.Окунево Муромцевского района. Это место пересечения разных религий, обладающее геофизическими особенностями и особой аурой. Муромцевский район достопримечателен и пятью озерами, по одной гипотезе – метеоритного происхождения, по другой – ледникового. Самое большое из них- Данилово, его глубина достигает 20 м, а вода содержит большое количество серебра – по преданию, это живое озеро. Есть еще – мертвое озеро Потаенное. Так вот, чтобы быть здоровым и оставаться на долгие годы молодым, нужно искупаться во всех пяти озерах. Омичи свято чтут древние традиции и ежегодно выезжают в эти реликтовые места. Кстати, Муромцевский район называют ещё «местной Швейцарией».

На территории Омской области в системе озер Ик-Салтаим-Тенис Крутинского района находится самая северная колония кудрявого пеликана и большого баклана. Действительно, чарующее зрелище, в Сибири увидеть таких экзотических птиц. Колония насчитывает до 250 особей пеликанов и до 350 бакланов. С помощью ученых-орнитологов проведены мероприятия по их кольцеванию с целью накопления данных о зимовке «сибиряков», занесённых в Красную книгу.

*МОЛОДЫЕ ПЕЛИКАНЫ В ГНЕЗДЕ
(озеро Тенис)*

ПЕЛИКАНЫ ПОДНЯЛИСЬ НА КРЫЛО

1. ВРЕМЯ И ЧЕСТЬ (Стихи для лиц среднего и старшего возраста)

1. С ЗАПРОКИНУТЫМ ВЗОРОМ РОССИЯ ЛЕЖИТ...

* * *

В небе мгlistом
штормит,
что ни день, то беда:
недороды, пожары, раздоры...
И притихли деревни, грустят города,
Даль грозит недоверьем, позором!
О великая Русь! Сказочная страна,
ты издревле сильна и богата,
ты сегодня больна
тебе помощь нужна –
где же прежняя вера и святость?
Сумерки по полям ошалело ползут,
укрывая пустые просторы,
и в потемках свистит сырмятный кнут:
вижу – тройка взбирается в гору...
Не сорваться бы в темный, глубокий овраг,
где схоронит нас лютая вьюга...
Если выдюжим:
беды отступят, как враг,
и пойдем мы весною за плугом...
С запрокинутым взором Россия лежит
на морозных снегах,
в тьме безмолвной.
Кто восстанет сегодня,
поднимет твой щит
над толпою раздетой, голодной....
...В небе мгlistом – штормит,
что ни день, то беда, –
и когда же настанет он, – продых?..
Сколько можно еще нам
в потемках блуждать?
Разве эту мы ждали СВОБОДУ?..

* * *

Ширь озерная раздвинулась
до предельной
той черты,
где синь неба в воду кинула
свет хрустальной чистоты!
Я смотрю вокруг
встревоженный,

мест родных не узнаю:
где деревне быть положено –
только тополь на краю.
Бугорки за ним да ямины,
сваленный в траве забор...
Ах, душа моя упрямая,
что увидела в упор?
Давней улицей-дорожкой,
меж крапивы, конопли
прохожу,
как огорошенный: –
Эх, вы,
люди, как смогли
распроститься с этим озером,
неоглядной синь-водой,
с этой гривово березовой
и небесной чистотой?
Смутной горечью охваченный,
я невесть куда иду,
в край иной –
переиначенный,
сердцем чувствуя беду!

* * *

Ощущаю сердцем,
чую кожей:
наплывает,
исподволь грозя,
ни на что другое не похожая
страшная,
кровавая гроза!
Вижу,
как глаза горят от гнева
у измученных бедой людей,
и не гром уж катится по небу:
выстрелы гремят среди ночей!
Лбом в стекло оконное вжимаясь,
молча в небо звездное гляжу.
Кто мы?..
И за что судьба такая
выпала?..
Ответ ищу, ищу...

Но куем ужасно плохо –
рассыпается эпоха...
Не с чем в «завтра» нам входить
этот день
 хотя б прожить!..
Вспоминаем мы «вчера»
вроде с руганью,
 с издевкой –
можно всех четвертовать,
но от памяти –
 не деться?
 Берегу свое «вчера»,
 надругаться не позволю...
В главном жизнь всегда права,
если ценим честь и волю!

* * *

Стараясь враз перекричать
друг друга,
 брызгая слюною,
 под флагом демократов рать
 на площадь движется волною.
А ей навстречу –
 коммунизм,
 уже опальный,
 присмирелый:
в ряды нестройные слились
все с сединой
 пенсионеры.
Но тех,
кто правил всей страной,
вольготно жил
и нынче выжил,
той партократии лихо
в колонне этой я не вижу...
Сошлись колонны:
 взмах знамен
 под грозные
 с надрывом крики.
И каждый верит,
 что силен
народной мудростью великой...
Смешной
и страшный маскарад
к суровым нашим переменам.
С экрана видеть я не рад
Москву –
 страны огромной сцену!

* * *

Сын строго сказал отцу:
«Хвалиться вам
 не к лицу,
 вам,
натворившим бед,
что застили нынче весь свет...»

Отец,
 понимая вину,
вступить в грубый спор не решится,
ведь спор разжигает войну,
а ссоры отец боится.
Да, было в России уже:
на брата шел брат,
злопыхая,
и виделась через прицел
черная месть
лихая!
И целился в сына отец
в разгуле смертельного ада.
Когда же мы все
 наконец
поймем,
что вражды нам не надо!

* * *

Я живу одним лишь днем...
Не подумайте превратно,
что не верую я в «завтра» –
сами мы судьбу куем.
Но куем ужасно плохо –
рассыпается эпоха...
Не с чем в «завтра» нам входить
этот день
 хотя б прожить!..
Вспоминаем мы «вчера»
вроде с руганью,
 с издевкой –
можно всех четвертовать,
но от памяти –
 не деться?
 Берегу свое «вчера»,
 надругаться не позволю...
В главном жизнь всегда права,
если ценим честь и волю!

* * *

Россия моя,
 ты в разрухе, остуде
опять призываешь из страшной ночи
к терпению, согласью...
 О добрые люди,
когда нас история будет учить?..
Живем в вечном страхе –
 от боли до боли:
Чернобыль, Армения,
 следом Уфа...
А вот перестройка...
 Народ подневольный
воспрянул свободно –
 и снова туфта!
Мордуют реформы...

Шараханье власти...
Пустеют прилавки,
а цены растут...
Бунтует нацизм,
и звериные страсти
на смерть и позор одичавших зовут
Осетия, Грузия –
дымы и взрывы,
и корчится в муках давно Карабах!..
О, сколько же, Русь,
этих гнойных нарывов?
Зловонием смертным простор твой пропах.
Я молча скорблю и молюсь неумело
за грешные души,
за светлую даль,
я в этой борьбе, признаюсь,
не у дела.
Армии, ингушей –
всех соседей мне жаль!

* * *

Горек августовский путч
вместе с летом уходящим.
ГКЧП был невезуч?..
Но возмездие –
разяще!
Белый дом торжествовал,
охраняемый Россией, –
кто-то встал на пьедестал...
тех врагами окрестили...
Кто раздавлен,
недвижим
там,
на площади бурлящей?..
Имена их затвердим,
как героем» настоящих!..
Горек августовский путч
среди разрухи,
обнищании.
Белый дом,
как яркий луч,
дарит людям обещанья!

* * *

Возле рожицы березовой
в недалекие года
па ветру плескалось озеро...
И сверкала синь-вода!
Чайки радостные
с криками
здесь кружили в вышине...
Был карась...
И утки дикие

в стайках плыли по волне...
Нет воды в низине илистой,
нет берез и камыша...
Есть канал... –
По чьей же милости
не осталось ни шиша?
Кто хозяйничал бульдозером
и куда ушла вода?
Неизвестно...
Было озеро
и исчезло навсегда.
Лишь в сторонке
невысокие
ивы – чахлые кусты,
небольшой кочкарник около.
От былой
той красоты!

* * *

За огородами
в полыни
зияют ямы –
силос был.
И в них июльский вечер стынет...
Мой край,
тебя я не забыл!
Мне вновь напомнил конопляник
тех дней несладкое житье:
с войны пришел сосед израненный,
над полем кружит воронье.
И голод
страшный,
беспощадный –
и нет страшной могильных ям!..
Ах, ямы, ямы!..
Безотрадно
смотрю с тоской по сторонам.

Свинцово-пыльный цвет
полыни,
пахучий, влажный чернозем
в моей душе живут поныне
с послевоенным,
тяжким днем.
Я эти запахи деревни
там, в городе, позабывал –
и жизнь другим аршином мерил,
забыв колхозный сеновал...
Стою,
грущу...
Но свежесть мяты
мне ветерок с полей донес...
Мы запоздалой мукой платим,
когда душа болит до слез!

* * *

Я стою в степи
на семи ветрах,
продувных, лихих,
гарью пахнущих.
А в груди моей
то ли боль, то ли страх,
а глаза мои вдаль таращатся.
Перекресток тих...
Пыльный след дорог
во все стороны
смутно тянется –
от былых страстей,
радостей и тревог
что в наследие нам останется?
Погляжу на юг:
вижу даль в огне –
там жнивье горит, кровью метится...
На восток взгляну:
страшно мне вдвойне-
в черном облаке солнце светится.
Я на запад свернул:
след в ковыль залег –
с каждым шагом моим он теряется...
И стою опять в поле я одинок –
угасает день,
в чем мне каяться?
Угасает степь...
На семи ветрах,
продувных, лихих,
гарью пахнущих..
Забываю боль,
прогоняю страх.
Даль расчерчена
всюду пашнями.

* * *

В небольшом городке районном,
где на улицах вырос камыш,
я гуляю, для всех посторонний,
а над городом – вечер и тишь.
Через рельсы дощатым мосточком
прохожу под гудки поездов...
Вот и центр.
Клуб – культурная точка,
и с десяток кирпичных домов.
Двухэтажный домик – больница –
с четырех облупился сторон,
но зато здание милиции –
самый пышный, большой бастион
В плиточках четырехэтажное –
выситя, как хороший дворец.
Да, преступность – самое важное,
На виду теперь вор и подлец?!

Вижу: входят, выходят старшины,
лейтенант, а за ним майор,
полные – боровки, не мужчины,
толстозадые, как на подбор.
Ну, а рядом с крылечка больницы
ветеран с костылем скок да скок –
лысоватый и тощий, как спица,
кашляет и в испарине лоб.
Следом женщина вышла с ребенком
и, ступая с крылечка в грязь,
голосочком дрожащим и тонким
шепчет: «Боже, не дай упасть?!»

* * *

С утра сомненья беспокоят
и сводят к вечеру с ума,
пожалуй,
время уж такое –
в себе самом
сплошная тьма.
И что ни день,
то перемены
правительств,
судеб и границ...
И мнится всем во всем измена –
не узнаем родимых лиц!
По стенам дома шум долдонит,
а в окнах призрачный закат,
пожалуй,
время уж такое,
да и возврата нет назад.
А впереди открыты пасти
пустых прилавков
и ларьков...
Какие нам еще напасти
готовят козни дураков?..
Жратва дороже денег стоит,
лишь грош –
достоинство и честь!
Наверно,
время уж такое...
И кто мы в этом мире
есть?

В ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

Лица съежились,
опрыщавели,
и во взглядах царит немота...
Шепчет бабка:
«...Зачем, православные,
вы прокляли,
забыли Христа?..»

Седовласый,
в дырявой фуфайке,
в ботах стоптанных,
весь в грязи,
старичок,
словно бы попугайчик,
вторит бабке:
«О Боже, спаси!..»
Очередь в магазин растянулась
вдоль по улице
в скверик пустой.
И вдруг –
женщина мне улыбнулась
Анна?!
Как не узнал –
одноклассница,
литераторша школы одной...
В старомодном,
поношенном платье
и с седой уже головой...
Я иду к ней навстречу,
не зная:
с чем поздравить
и что ей сказать...
...И бидон мой
в авоське дырявой
начал странно скрипеть
и пищать.

* * *

Пёрышки стальные
ними встретишься –
дырвят кирпичи,
в притоне с молись, и не кричи!..
Босс – с немецкой бритвою
ходит на толчок,
он у них за главного,
и о нем – молчок.
Вышел вор в законе-амнистии дружок,
Дьяка за икону
приговорил в висок
стонет Русь от нечисти – зеки валом прут,
зря, брат, мыслью тешишься:
пройдут не оберут!
Обдерут, как липку,
не зеки, так цыган.
– Что, братуха, всхлипнул?
Ты, гляжу я,
пьян.
Рэкет где,
где мафия –
не сразу и поймешь.
Сходны биографии –
эх, ядрена вошь!..
Жаждали свободушки,

рай для всех людей –
обагрили кровушкой
купола церковей.

* * *

В вечерних улицах нет света...
Как нынче жить,
чем дорожить?
Как в душах святость сохранить?..
Молюсь, не находя ответа.

* * *

Напрасно дерево скрипит
в ночи,
пророча непогоду,
напрасно ищешь ты защит
у тех,
И ты, как я,
себе судья,
и только Родина подскажет
слова,
чтоб, горечь затая,
счастливой доли тайно жаждал.
Я жизнь измерил до секунд,
стремясь душою воплотиться
в святую Русь!..

Но дни секут
сомненьями:
а чем гордиться?
Да, столько сложено голов
за совесть матушки-России,
и веры нет.

Как нет богов,
мы святость кровью оросили.

* * *

Где же настоящие купцы,
не торговцы –
деловые люди,
что годились городу в отцы
и казной делились в жизни трудной?
Да, они построили дворцы,
улицы с нарядными домами...
Из народа выходцы –
Дельцы
с ясными,
практичными умами.
А аристократы,
а князья?
Тот же граф –
все высшее сословье –
дармоеды!..
Званья им зазря
Нет, не им из бездны, из дерьма
надо было век наверх стремиться,
чтобы силой страсти и ума
к этим званьям как-то причаститься!

... Русь,
не ставишь в грош давно умы,
звания, достоинства и почести.
Все сравнила знаком полутьмы:
ни преданий светлых,
ни пророчеств.

* * *

В чистом поле,
 вольном поле
гусеничные следы...
И болят глаза невольно
от куриной слепоты.
В грустном поле,
 в пыльном поле
слышится моторов рев:
это танки раскололи
тишину родных краев...
В магазинах нету хлеба
закрома везде пусты –
как же глупо,
 как нелепо
видеть новые кресты...
Трактора стоят –
 заглохли,
нет солярки,
 запчастей...
Надо ли в ладоши хлопать
на собраниях
 в честь вождей?
Возмущен я до предела –
сотни танков мимо прут...
В чистом поле,
 в поле бедном
тракторов напрасно ждут...
Ах,
 была бы моя воля –
сжег бы танки всех мастей,
чтоб гудел в широком поле
трактор высших скоростей!
 пос. Армейский Омской области

* * *

И раньше были на поверку
одни лишь голые слова!..
От указаний «свыше»,
 «сверху»
тупела часто голова. ...
Сегодня равенство
 и гласность
проезгласили.
 В чем?
 Не ясно!

* * *

И слышу крик я,
 вижу боль...
И не укрыться,
 не уйти...
Шепчу себе:
 «Судьба, доколь
 крест тяжкий мне еще нести?»
Жизнь подгоняет,
 плетью бьет –
и не видать вдали ни зги.
Молюсь я тайно на восход:
«...О Господи,
 убереги!»
И лишь во сне раскован я
и улыбаюсь,
 и творю...
Проснусь –
 мир громом на меня,
и страшно мне встречать зарю.
В окне, за стенкой ругань, крик –
день
 не взошедший
 потускнел...
О, Боже,
 вырви тем язык,
 кто в ругани осатанел!
Чужого не пойму греха...
Морщину лоб, скорбя,
 грустя, –
за что под дых мне,
 в потроха
жизнь больно бьет?
 Не знаю я.

* * *

Пожаром три дачи вчера сожжены.
«Случайность...» – соседи сказали.
А может,
 раздоры огромной страны,
как эхо, и здесь отозвались?..
Спросонок петух у деревни орет,
а хмурое небо в накрапах...
Безлюдье –
 на дачах никто не встает,
за стенками слышатся всхрапы.
И кажется:
 вымер огромный простор,
лишь запахи гари да дыма,
как будто горящий прошел метеор
от Крыма до тундры Нарыма.
Распался Союз...
 И затлели костры
вражды,
 неурядиц
 и споров...

И злость,
что таилась до этой поры, –
открылась,
взорвалась,
как порох!

* * *

Как ноют шея с поясницей –
аж боль до хруста позвонков!
Погоде,
видно,
измениться,
шум в голове,
как от гудков.

Я стал барометром –
и только,
уже на пенсию пора...
Ну, а спросить у вас позвольте:
«Бывает старость ли добра?
Жалел ли кто себя до срока
и дней своих не торопил?»
И я летел в рассвет,
как сокол!

И я без страха в мире жил!
Уйду без грусти и печали
росой в рассветные поля,
где в зыбке жизнь меня качала,
где даже нет небытия!
И превращусь во злак,
в былинку –
и встану ивой на лугу...
И это небо,
лес,
тропинку –
всё-всё во мраке
сберегу!

* * *

Все солоней от пота и от крови
родимая
российская земля!
Какой бедою новый день откроем?
Чем встретят нас
бесхозные поля?
Во взглядах наших,
в гулких наших нервах
отчаянье,
безверие,
испуг...

А наверху –
правители,
там первым
назваться кто-то хочет,
он всем друг!
Но нет друзей на царственном престоле,
есть повелитель,
деспот –
новый вождь!
Любому дай без меры власть и волю –
и неизвестно, что потом пожнешь.
Быть не должно ни первых,
ни последних –
ни в матушке-столице,
ни в селе.
Жизнь делит на богатых нас
и бедных,
но совестью равны –
так Бог велел!
Равны перед законом и строною
вождь, я и ты,
и каждый человек...
Какой еще бедою, болью новой
доказывать иное
будешь век.

ДЕПУТАТЫ

Что ни съезд –
то великая драчка
за портфели,
за кресла,
чины...
Оскорбленья,
обиды в горячке
вы наносите из-за спины.
Вы,
избранники,
совесть народа –
с каждым днем тяжелей нам дышать
от разрухи,
вражды,
недорода...
В демократию хватит играть!
Как шальные,
с трибуны кричите,
обещаете все изменить.
Съезд прошел...
Я, старейший учитель,
не пойму,
как же дальше жить?..

* * *

Жженые пятна сквозят на рубаше,
скорчившись,
 тело ползет по золе...
Пламя Нагорного Карабаха
вижу на черной земле!
Я приглушаю слегка телевизор:
взрывы в Армении вновь...
снова в Молдове парламентский кризис,
в Грузии выстрелы, кровь...
Сколько напастей в страдающем веке,
землетрясений и войн!
О незнакомом молю человеку –
хватит вражды,
 страшных боен!
Тихо твержу я:
 «О Боже всевышний,
если на свете ты есть,
как же молитвы мои ты не слышишь?
Наших страданий не счесть.
Боже всевышний,
 души исцелитель,
нас в тяжкий миг – не покинь.
Поздние,
 грешные наши молитвы
 ты не отринь!..
 Ты не отринь!..»

* * *

*«Нам нужны миллионы собственников,
а не сотни миллионеров».*
Б. ЕЛЬЦИН

Давно пора нам троны сжечь –
греми эпоха!..
Замри, замри, пустая речь, –
от слов оглохли.
И руки просят землю,
 плуг –
они отвыкли
хозяйничать...
 Вершил все плут
да в морду тыкал.
Пора делам,
 сердцам пора
объединиться.
Довольно,
 кончена игра,
добрее лица...
Мой двор с березкой белой в нем
с утра приветлив,
и я вхожу в свой новый дом
с улыбкой светлой.

Мое!
 Стена, и потолок,
 и двери!
Ура!
 Я в мир тревожный
 смог
теперь поверить!
Ничье
ушло в небытие,
и безвозвратно!
Мое!..
 Все кровное –
 мое!..
Вот мой характер.

* * *

В строгих лицах суровых,
 без лести,
узнаю я рабочий класс!
Эти люди добротны и честно
дело делают не напоказ.
От станочного нудного гуда,
от железа, бетона
 внутри
затаилась к улыбка остуда.
И за строгость таких не кори.
Взгляд прикован привычно к деталям,
плюнуть некогда –
 это ж завод,
а под вечер настолько устанут,
отдохнуть бы –
 не до красот...
Я-то больше от леса,
 от поля, –
где растения,
 птицы,
 зверье...
где так дышится...
 где на приволье
есть любимое дело мое!
Потому я ценю в лицах строгих, –
пусть не добрых,
 но честных, прямых, –
их заботы,
 надежды,
 тревоги...
И, особенно, сдержанность их!
 ЛЕЖАТ...
Лежат стихи,
 покрывшись пылью,
неизданные сотни лет, –
они светились яркой былью,
от них сегодня –
 лишь скелет...

Чем умен,
 чем силен –
 тем гордись,
а чего не сберег –
 не поплачешь...
Я пришла к тебе,
 новая жизнь,
начинать надо много сначала.
За порядочность,
 совесть – держись,
видишь,
 нечисть вокруг одичала...
Я пришла к тебе,
 добрая жизнь, –
не хули ни сестру
 и ни брата,
что ты лучше других,
докажи.
За добро люди сердцем заплатят...
Я пришла к тебе,
 умная жизнь,—
не нужны нам чужие подачки.
Денно,
 ночно трудись
 и трудись,
для начала
нельзя нам иначе!

* * *

Привокзальная площадь...
Вот нищий с сумой,
слепой баянист вальс играет,
мальчик с нечесаной головой
в шапку рубли собирает.
Мальчик, зачем они, эти рубли,
на них даже хлеба не купишь, –

как листья сухие, что в кучку сгребли,
они – как голодному кукиш? ...
Кто-то под музыку пьяно запел,
качаясь,
 пускается в пляс.
Собрался народ.
 Шутят: «Во, опупел!..»
У бабушки слезы из глаз.

* * *

Заметелило поле...
 И нет ни души.
На озябшее сердце дыши не дыши,
не согреть его,
 если бы только мороз
проморозил меня
 и страну всю насквозь.
Ах, Россия, Россия!
 Мерещится мне:
в поле хлебном иду по родной стороне,
и лугами бредут на восходе стада,
в речке плещутся с рыбой мои невода...
Нет ни мяса, ни рыбы –
 прилавки пусты.
Боже праведный, ты нам грехи отпусти.
И не хочется жить,
 и глаза не глядят
на бесчестье и злобу –
 на страшный разлад.
Кто поможет, утешит тебя и меня
от разора души в этих сумерках дня?..
Ах, Россия,
 страна дорогая, поверь –
так на сердце погромно и душно
 теперь!

2. ПРОСТИ, ЗЕМЛЯ, МНЕ ЗА ИЗМЕНУ (ПОСВЯЩАЕТСЯ БРАТУ НИКОЛАЮ)

* * *

Я вижу спелые колосья
в вечернем поле у леска,
их золотит пыльюю осень
от стебелька до волоска!

Осот,
пырей и повилика
теснят пшеницу,
 тянут вниз –
и волнами колосья никнут,
с травой накрепко сплелись.
И грустно мне смотреть на поле,
и не могу найти ответ:
другой –
 высокой, чистой –
 помню
пшеницу в дымке дальних лет.
Давно уже я горожанин,
мне подавай горячий хлеб!
Все из села поуждали –
за счастьем бросились в побег.
То счастье

 с длинными рублями...
Остались пьянь да старики.
И вот сорняк в полях упрямо
сжимает,
 душит колоски.
Прости,
 земля,
 мне за измену,
что не живу твоим трудом...
Мы все не знаем хлебу цену.
Мы все раскаемся потом...

* * *

Молюсь я стенам в старом доме,
молюсь полночному сверчку...
Смотрю в забор с дырой огромной,
в мир детства крохотный лечу!
Там даль близка и высь понятна,
плывут все те же облака...
Но просыпается невнятно
в глазах ребяческих тоска.
Уже в той жизни несмышленной
мне трудно многое понять:
зачем косить овес зеленый
и сено даже в дождь метать?

Сгниет и то, и это...

 Помню:
валки пшеницы снег закрыл.
Еще пожар той ночью темной,
он двор колхозный весь спалил...
И так бессчетно,
 как проказа:
гниет зерно,
 горит жнивье...
«Добро общественное, –
 скажет
колхозный сторож, – не твое!».
«Ничье, ничье! –
твердят мне с детства. –
Общественное – не моё!».
Я рос,
 мужал...
 Но по соседству
не изменялось бытие!

* * *

Говорят с телеэкрана
откровенно, честно нам:
«Не пора ли вам, крестьянам,
Землю всю прибрать к рукам!
И бесхозную,
 пустую
пораздать в наделы всем,
не за плату дорогую...
и не на год –
 насовсем...»
Говорят с телеэкрана:
«Непонятно, что сейчас...
вот вам номера...
 и прямо
спрашивайте все у нас».
Позвонили...
 Обсудили...

Но не верится всерьез,
чтоб землю дал на милость
аш совхоз или колхоз.
Свыше все ж пообещали:
разберется срочно власть –
раз вы так пообнищали,
государство все отдаст...

Как хотелось бы поверить
в эту правду
 этим днем!..
Слева берег..
 Справа берег..
Все плывем..
 не пристаем!

* * *

Над деревней сумрачный покой,
словно вымерли в дворах собаки.
Глажу ствол березоньки рябой...
обнимаю..
 хочется заплакать...
Я пришел сюда,
 на божий свет,
от голодной жизни,
 от разрухи.
Город обнищал:
 разут, раздет..
Вот чем обратилась показуха!
Я спешу в заветный дом,
 былой,
верю в пашню
 и в леса грибные,
буду сыт морозною зимой,
буду весел
 в праздники святые!
Грабили деревню
 кто как мог,
за бесценок всю ее скупали:
госзаказ..
 поставка..
 продналог..
растащили,
 все поотнимали.
Ни двора не видно,
 ни кола,
и повсюду ветрено и голо..
Все,
 чем жизнь гордилась,
чем цвела –
черная корова заколола.

* * *

Болотная,
 застойная вода
слегка гнильем в округе отдавала,
но сосны зеленели..
 И всегда
брусника алым соком наливалась.
И вот канал прорыли отводной,
кочкарники весною распахали –
не видно даже ягодки одной!

А сосны па корню повысыхали..
Багульник лишь зацвел
 и отгорел,
по пахоте – осоки малый пучик.
Посеяли подсолнух –
 он сопрел,
и к осени подрос бурьян колючий.
Так поле бросили..
 Ну, а позднее
мох загорелся –
 дым до снега в ямах.
И думал я:
 какой же дуралей
творит со зла трагедию упрямо?
Зачем природе душу ворошить
и выворачивать нутро наружу?..
Иду тропинкой прежней –
 не попить,
ни ягод..
 даже птахи не послушать!

* * *

Опахали!..
 Совсем опухали
вкруг деревню,
 и негде ступить.
Всюду грязь..
 Ну какому нахалу
надо луг деревенский чернить?
Если испокон веку знакома
Зелень улиц и зелень оград.
Если нам
 перед окнами дома
с детства виден
 родительский сад!
Эти вишни,
 крыжовник с отрадой
я любил по утрам поливать..
Пахота подступила к ограде,
где буренку из стада встречать?
Нет лужайки,
 и нету теленка,
нет играющей стайки ребят..
И иду я родимой сторонкой –
и овраги печалят мой взгляд.
В поле сорные травы
 повсюду,
ноги колет нещадно осот..
– Ну когда мы научимся,
 люди,
жить без глупых
 вот этих
 забот?

Опахали!
Совсем опахали
вкруг деревни –
слезятся глаза.
Зря, наверное,
землю мы хаем,
что не хочет она
хлеб рожать.

* * *

Клуб совхозный над речкою светлой.
Огороды вокруг,
городьба...
И три тополя,
статных, приметных...
Это многих поселков судьба.
За околицей –
узкое поле,
здесь под вечер проходят стада,
а левее –
луг длинный, привольный,
там повсюду стога и стога...
А правей,
за березовой рощей,
пораскинулась грива с овсом,
ветер тучную ниву полощет –
зелень светится тихим огнем!
Пусто в улице.
Где старожилы,
чтоб спросить, может помнят,
кто я?
Сколько б мы где-то в мире ни жили,
а вернемся в родные края.
Будут вечными небо
и речка,
и тропинка в зеленых полях...
Снова
травы раны излечишь,
дорогая
моя
земля!

* * *

Скучнеет пыльная дорога
в лучах закатных у села...
Я вспоминаю понемногу,
куда она тогда вела.
То за грибами в редколесье...
То на рыбалку в ранний час...
Один – молчком,
толпою – с песней!

С желаньем страстным всякий раз!
И босиком в жару по пыли
легко шагалось по полям.
О, как родимый край любили!
То чувство вряд ли передам.
Неомраченные закаты,
рассветы дивной чистоты!
В том детстве сиром,
небогатом,
познал я цену красоты.
Та красота земли извечна –
скворчиной песней на лугу
в тяжелый час мне душу лечит...
Ее навеки сберегу!

* * *

Низкие тучки над лугом
сеют свинцовую пыль...
Мечутся чайки с испугом.
Резко так пахнет полынь.
Пахнет осокой и тиной,
дождик все травы полил.
Запахи лютика,
тмина
в городе я не забыл.
Дышится полною грудью –
как я люблю тихий дождь!
Скоро пойдут уже грузди...
Заколосилась уж рожь!
Как посвежела клубника,
ведь отгорала она,
и под ногою,
взгляни-ка:
ягодка даже красна!
А в стороне,
под березой,
мокрые птахи сидят:
смокли,
нахохлились грозно...
Как-то с опаской глядят.
Вмиг просвистел над поляной
сокол-малыш, пустельга...
Чавкает громко
и странно
грязь
под пятой сапога.

* * *

Плотину окончательно размыло...

А помню:

речка берега топила

весной –

на луг раздольно выходила,

плоты и бревна на волне кружила...

А нынче –

по колено воробью.

* * *

Вспоминает дедуля: «Когда-то...»

Вторит бабка:

«Прошли времена...»

Смотрят оба они слеповато,

как нищает родна сторона.

Хлеб исчез

почему-то

с прилавка...

Нет ни спичек, ни соли

нигде...

За крупую овсяною –

давка...

Нет картошки...

И это к беде.

Голодали и раньше бывало,

но такого

не помнит и дед...

Смотрит он отрешенно,

устало

на обманчивый

белый свет.

Озверели на улицах толпы –

всюду драки и пьяная брань...

И не знает никто

нынче толком:

где она, та

спасения грань?

ДЕРЕВНЯ КУМЫРА

Тишина под обрывом,

чуткий сон поплавка,

больно жалит крапива,

жалит, словно тоска.

День томительно дремный,

тени белых гусей.

Старый, рыжий Ерема

в лодке спит у сетей...

Плещет Оша спокойно,

видны камешки дна,

слышен говор на дойке

и мотор допоздна...

Убывает Кумыра...

Лет так тридцать назад

я в заплатках и дырах

шел сюда

наугад.

Мальчуган-непоседа,

шел я с дедом слепым...

Некого мне проведать

над порогом пустым.

Только та же речушка;

стадо лугом бредет.

Тот обрыв...

Та избушка...

Ну, а я-то не тот!

Ну, а я-то не тот!

ДОМ КУЛАКА

То березовые рощи,

то осиновые

обступают путь-дорогу

с двух сторон,

деревушки –

Карбаинова, Совиновое...

А над ними стаи черные ворон.

На отшибе грива чудная – Копытиха –

разметала золотистые хлеба,

дом стоит один – калека недобитый,

а над ним преданий тайных короба!

В тех тридцатых, распроклятых, по Сибири

раскулачивали всех середнячков:

дед мой, Павел, не носил одежды в дырах,

был зажиточнее многих мужиков.

Меньше спал, вставал до зорьки с петухами,

сильным был, хозяйство умно вел:

раньше сеял, раньше жал, –

но с потрохами

раскулачили его –

в тайгу ушел...

Дом его перевезли вот на бригаду,

И порою на охоте, я здесь спал,

На полатах и на стенах я разглядывал

знак родства –

наследство мне он завещал!

Бревна в стенах толщины-то необхватной –

прилегают друг на друга без щелей...

Говорили: дед мой был с хорошей хваткою,

мастерить любил,

любил детей, коней.

Памятники, как обычно, мертвые,

этот дом особый –

он живой!

Снова я на Родине,
и черточки
оживают старины былой.

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Перегрелся день,
звенит –
жарко, словно в печке!
Солнце вылезло в зенит
и стоит там вечность.
Травы жухнут...
Горячо
на губах от пота,
и литовку на плечо –
кончена работа...
Между пней гудят шмели,
кружит овод нудно.
Десять верст брести в пыли
по жарище трудно.
До деревни бы скорей,
окупаться в речку!
На дороге от ветвей
тень, и в ней – не легче.
Красный высунув язык,
пёс плетется сзади.
Вот и луг. И напрямик
подхожу к ограде.
Что за счастье!

Край бадьи,
стёртой и замшелый...
Пью прохладу в забыты
из планеты целой!

* * *

Жалится больно крапива
в дырах косога плетня...
Кот изогнулся лениво,
шерсткой холеной дразня!
Банки сверкают на кольях
солнечным
резвым лучом...
Всем я в ограде доволен,
в стареньком доме
родном.
Ласточки тихо щебечут
песенки на проводах...
Теплится розовый вечер...
В речке густеет вода...
Мостик в две плашечки,
узкий,
лодочка наискосок...
Меж пальцами струйкою грустной
сыплется счастья песок...

* * *

Шел я лесом,
шел и полем, –
узнавал места,
был рад
подышать забытым вволю...
Вышел к речке наугад.
Динь-динь-динь! –
звенит пичуга.
Звень-звень-звень! –
с ветвей роса,
Фыркнул трактор,
и за плугом
чернела полоса.
Прохожу среди деревьев
к чистой заводи речной,
куличок к цветистых перьях
взмыл ракетой надо мной!
«Здравствуй, речка,
рыба,

птицы!
Здравствуй, полевой рассвет!»
А вода у ног струится,
шепчет:
«Где был
столько лет?»

* * *

Ночь и вправду с ума сошла:
на стога сыплет звездные искры!
Добела раскалилась луна
и над речкою низко зависла!
Коростели бессонно трещат,
и сверчок вторит им в сеновале.
В избах темных натружено спят
до зари,
как войска на привале!
Двери настежь –
и все ж не заснуть,
ухожу в сеновал
за ограду...
Низко-низко блестит Млечный Путь,
и струится медово прохлада.

* * *

Божья краса,
ты иконой красна...
Снова над рекой
в зорьке июльской
изба мне видна –
над нею дым вьется колечком.
Неомраченный небесный покой
с облаком сонным...
Я возвращаюсь с рыбалки домой.
Луг – словно в песне стозвонной.

Сотни кузнечиков
в мягкой траве
всюду стрекочут...
Вот подлетел один –
на рукаве
усики точит.
Птахи из веток, взлетев не спеша,
вслед мне щебечут...
Ворон кричит,
над березкой кружа:
«Кар!
Ты далече?»
С луга доносится гарь от костра,
ржание, топот...
О, разудалого детства пора,
шутки и хохот!
Божья краса –
ты иконой красна
с бледной божницей...
Мне же по нраву полей тишина
с яркой зарницей!..
Неомраченный
небесный покой
милого края!
Вот красота моя,
рядом,
со мной,
вечно живая!

* * *

Облачко весеннее плывет,
белое, прозрачное –
как венчик!
День погожий
синевою лечит
среди крестьянских
полевых работ.

* * *

В сумерках поздних
струится река,
паром негреющим дышит...
Ты мне напрасно судьбу предрекал –
время иное нам пишет.
Здесь,
над обрывом,
в густой тишине
щелкают перепелята...
Вот отдаленно гудок прозвенел...
Скачут вдали жеребята...
Мчатся игривые на водопой,
пыль над тропинкой клубится...

Вновь на рыбалке, но я здесь –
чужой...
Прошлому не возвратиться!

В ЭТОМ ТИХОМ ...

В этом тихом краю
я душою светлею:
то с кукушкой пою,
то с березкой немею.
Мил опять у реки
косогор лопуховый –
косогор лопуховый –
две болячки с руки
свел я этой травой...
Вдоль забора растет
молодая крапива –
мама суп подает
очень вкусный, на диво!
Высока конопля –
полудикая, впрочем.
Помню:
маленьким я
молотил ее ночью.
Жарил в печке потом
в сковородке чугунной
и глотал жадно ртом
запах жаркий и чудный!
Ел саранки в лесу,
и медунки, и щавель.
Дикий лук на лугу
мне казался слащавым.
Подорожник ложил
с троелисткой на раны...
И покуда я жив –
мне любить эти травы!

* * *

В валках
разбросанных
солома
чуть золотится на стерне...
И слышу я
до слез знакомый
крик журавлиный в вышине.
Легко иду в лесу багряном,
где тихо сеет листопад
и где таинственно и странно
за мной,
как черти,
пни следят.

Петляет узкая дорога,
ползет дугой на косогор...
И эта вечная тревога
за хлеб
 близка мне с давних пор.
Уж вечер...
 Влажная прохлада
встает туманом от озер...
И звякает кольцо приклада,
и плавится в заре простор!
По самой кромке желтой рощи
волнушки грядками у ног...
Мне ветер волосы полощет,
и махнет мятой каждый стог...
Пронёсся вмиг тетеревиный,
и смолкли птахи на кустах.
И шепчется листва невнятно
о безвозвратных
 теплых днях.

В ТУМАНЕ

Все сокровил полупризрачный сон:
в белой дымке всплывают
 кустарники,
стог возник,
 шевелинулся,
 как слон,
и исчез –
 на боках блеск испарины...
Пар плывет,
 и густая волна
меня сносит то влево,
 то вправо...
Травяная дорожка пьяна –
кружит,
 кружит по лугу лукаво.
И течет из-под ног колея,
и ступаю в какую-то яму.
Заблудился...
 Не знаю, где я,
но идти продолжаю упрямо!
Где-то озеро рядом,
 кричат
утки дикие –
 где же ты, пристань?
С камыша белым пухом зайчат
облетают пушистые кисти.
На осоке искрится роса,
и за мною дымится след рваный...
Розовеют слегка небеса.

Мир плывет,
 изменяется странно.
Жнивье и роща –
 в позолоте,
 кочок соломы –
 в серебре...
Иду осокою к болоту
в прозрачной,
 стынущей заре.
Луга, озера,
 перелески –
мой несравненный
 вольный край!
Чернеет пашня тихим блеском,
на ней копна –
 как каравай!
Роса мгновенно стынет в иней,
и ветки в хрустале горят,
а лес озябший,
 он не вымер –
 полно в нем птиц,
 мышей,
 зайчат.
Я трогаю неслышно ветку,
губами иней с листьев пью...
Люблю я дикий мир рассветный
и пробужденья звон ловлю!
В талах крик куропат рассыпал,
забулькал тетерев в
 рямке...
Озябший ворон громко, сипло
зовёт кого-то вдалеке...
Последний лист с ветвей слетает,
грустят продрогшие поля...
В синь уплывает с птичьей стаей
свобода летняя
 моя!

* * *

Мужичок с пшеничными усами
выпил лишку
 и поёт, склоняясь!..
И звенят белесыми овсами
кудри...
 И в ладони въелась грязь!
Дождик льет уже вторые сутки,
с крыш ручьи несутся с пеной,
 вскачь –
в небе беспроглядный сумрак мутный..

А без дела мужику –
 хоть плачь!
Нехитра житейская премудрость:
дом, пригон –
 все на виду, как есть,
в тихий вечер,
 в заревое утро
мужику здесь некогда присесть...
И поет мужик,
 как в чистом поле
колосится голубой ячмень...
Как сучает лодка
 на приколе...
И про этот серый,
 мокрый день... –
Спой, мужик,
 как лошади в ночное
с колокольчиком бредут,
 звеня,
как над дальней заводью речною
вьются чайки, белизной маня.
Спой, мужик, про лучшую нам долюшку,
разогнись,
 степенно улыбнись!
Сядем рядом,
посудачим вволюшку про дела,
 про нынешнюю жизнь...

ПОГОЖИЙ ДЕНЬ

Мелкий дождь из свинцового неба
и холодный туман по утрам
гнут к земле пожелтевшие стебли
спелой ржи по окрестным полям...
На лугах почерневшие копны –
не успели сложить их в стога.
И в разгаре картофеля копка –
липнет вязкая грязь к сапогам!
Вновь с утра в небе сыро и хмуро –
только ветер сильнее
и сильнее!
Расползаются тучки понуро,
и просветы на небе –
 светлей!
А в обед –
 долгожданное чудо!
Солнце выплыло,
 нет облаков –
появились веселые люди:
крик в проулке,
 из ближних дворов!

Мчат машины...
 Комбайны на поле
вышли строем!..
 А солнце палит!
И грачи раскричались довольные –
кружат низко
 у самой земли!
Я смотрю на простор обновленный –
все короче у ног моих тень!
Как разведрило!
 Бабка Алена
шепчет: «Дал Бог погожий день!..»
И душа моя приободрилась,
На спине от лучей –
 горячо!
День погожий, продлись ты
на милость и на завтра.
Порадуй еще!

* * *

То в осиновый колок
за костянкой бегу..
То заката осколок
я ищу на лугу..
То с темна поджидаю
на разливе зарю.
Вверх срывается стая –
прижимаюсь к ружью!
Спозаранку с ведерком
за брусничкой
 в рямок
по зеленым иголкам
топаю без сапог..
Уйма желтых листочков
липнет к пяткам
 босым...
Мне сверчки темной ночью
светят в травах густых...
Нежность зорь и закатов,
свет цветов на лугу
как святое богатство
до сих пор берегу!

* * *

Себя все чаще возвращаю
в воспоминаниях туда –
где дикий лук,
 и дикий щавель
в лугах...
 А в речке синь-вода.

Там под обрывом
 бьет холодный,
в песке светлейшем,
 звонкий ключ...
Там с неводом подолгу бродим...
Плывун вдоль берега зыбуч...
А в неводе карась да щуки,
их выбираем мы в ведро.
Дружок мой,
 Сашка,
 парень щуплый,
ныряет,
 плещется ершом!
Идем домой...
 И у проулка
встречают бабки –
 ох да ах...
«Вот молодцы!..» –
 и долго гулкий
их говор слышится в домах...
Открыты в окнах створки настежь,
на подоконниках –
 цветы...
Ты, время,
 дымкою не застишь
видений этих чистоты!

* * *

И пахнет рыбой,
 няшей,
 тиной
в лугах озерная вода...
На ветках ивы паутина
блестит,
 играет,
 как слюда!

На кольях сучковатых сети
развешиваю не спеша,
а желтый берег тихо светит
полной высокой камыша.
Невыразимо терпкий запах
разносит заозерный рям,
зелёная его папаха
так нравится тетеревам...
Я слышу,
 как они токуют
в той,
 недалекой стороне.
Мне кажется:
 они тоскуют
уже по будущей весне.

А на пороге только осень,
не вся сыпалась листва...
И сердцу
 ветерок
 доносит
иные
 теплые слова.
Да,
 мне любимей и дороже
жнивье,
 и озеро,
 и рям –
в осеннем свете
 с тихой дрожью,
с туманами по вечерам...

* * *

Живу отшельником который день...
Брожу с ружьем,
 любуюсь разнотравьем,
но кажется:
 за мной крадется тень
ведет игру жестокую без правил.
Не раз меня пугали треск и свист –
я замирал
 и вслушивался долго, и
понимал:
 что лес безлюден, чист –
и не способен мир лесной на подлость.
Я понимал:
 Остались те во мне
воспоминанья городских несчастий,
где ночью,
 в непроглядной, жуткой мгле
приходится с опасностью встречаться.
И где меня стращали много раз
расправую...
 Но время пощадило,
отодвигая мнимый страшный час...
А вот опять смятение ожило!
Чу!
 Шевельнулся за кустами пень,
и даже различаю я дыханье...
Кто это:
 оборотень,
 чья-то тень?
И отхожу подальше с содроганьем.

* * *

Плес озерный дымится в тумане,
ретранслятор мерцает вдали...
А в душе,
 опьяненной дурманом,
все кричат,
 все зовут журавли!
Расставание с Родиной бедной
протрубили –
 и грусть принесли...
И не первый я,
 и не последний,
кто томится в печали любви!
Из неведомой сини небесной
льется песней пронзительный звук.
О, молва,
не тебе ли
А вокруг – золотая безбрежность,
до озноба холодный туман...
Вот осока мне пальцы порезала –
Кровь сочится из крохотных ран.
Камышом пробираюсь до плеса,
Вот и лодка –
 за весла сажусь...
И плыву по воде сонно-блеклой,
 Сам себе непонятым кажусь.
Крячут утки
 и с шумом взлетают,
но туманом закрыта вся высь...
Слышу вновь журавлиную стаю.
О душа, от раздумий очнись!

* * *

А. Н. Кочкину

Дробовик 10-го калибра,
шомпольное,
 древнее ружье,
на пристенке
 затаилось хитро,
это дедовское – не мое.
Он тяжелый,
 длинный
 не прикладист,
а отдача,
 что не устоишь,
для стрельбы рогатину дед ладит:
 если стрелишь –
 стаю всю сразишь...

У меня же
 легкая берданка,
и калибр всего лишь 32.
У нее затвор...
 Я спозаранку
в лес иду,
 на ток,
 к тетеревам.
Заряжу патрон с литою дробью,
выстрел бахнет –
 дробь в ветвях свистит...
Глажу я берданочку с любовью,
если птица камнем вниз летит.
Мне и лет-то нынче
 только десять,
но без дичи не хожу домой...
А сегодня тетерев увесист –
бережно держу его рукой...
Я держу его за шею крепко,
ноги волочит он по стерне.
Ведь я ростом
 меньше метра
 с кепкой,
Но охотник признанный вполне.

* * *

Гильза подгоревшая дымится,
брошенная под ноги в песок...
И смертельно раненная птица
как-то странно, боком.
 вверх стремится.
Тщетно –
 оборвалась, как комок!

* * *

От леса до леса
по полю,
 по лугу
петляет машина,
надрывно рыча,
и мечутся зайцы прыжками в испуге,
под фары к колесам летят сгоряча!
Жнивье ослепляя,
 деревья и травы,
свет фар между колками ночь колесит...
Напрасно охотник грешит на потраву –
вот так, браконьерски,
 весь зверь перебит.

А стайка косуль
в полутьме на зеленке
сверкает глазами...
Все ближе мотор,
И вот из-за леса,
пугая козленка,
влетает машина,
и фары –
в упор!
И свет не щадящий,
пугающий,
яркий
сжимает поляну –
вокруг темнота.
Ружейные выстрелы...
Стоны подранков...
Вот фары погасли, –
вокруг немота.
Во тьме непроглядной
встревоженной ночи
дыхание ярое черных людей...
Копытцами бьется козленок
и хочет
из кузова выпрыгнуть
в сумрак полей!

* * *

Даль посветлела,
пожелтела,
в полях соломы серебро...
Мне так на зорьку захотелось –
охота бесом под ребро!
Спешу на дальнее болото,
там,
до отлета, крикаши...
И чую я,
как шепчет кто-то:
«Смотри,
денечки хороши».
Петляет узкая дорожка,
в заре – осиновый лесок...
Подсолнечник на поле брошен:
остался целый островок.
Отцвел давно.
И шляпки грустно
согнули головы свои.
Я подхожу,
ломаю с хрустом,
и семечки летят –
лови!

В карманы полно насыпаю...
Иду...
Щелкаю...
И грущу...
Прости меня,
земля родная,
что здесь без дела я гощу!
Я стал прохожим в отчем крае,
охота –
праздничная блажь.
Тебя беречь я не стараюсь,
а ты до крохи все отдашь.

ЗАСУШЛИВОЕ ЛЕТО

Пыль...
Прогорклая трава...
Солнце жарит вволю.
Рощиц тихих
острова
разбрелись по полю.
На березах жухнет лист...
Нудное жужжанье комарья...
Лишь птичий свист
тешит мирозданье!

* * *

Гусиной травкой
ворсистой
выстелен берег речной.
Мостик...
Разлив камышистый.
Белый песок лег косою...
Нуют от «цыпок» ноги,
к воде я неспешно иду...
Лодыжкой водицу пробую:
Теплынь,
где такую найду?
Неограчанный свет утра
Льётся на берег и луг
Кряквушка –
дикая утка
взлетела и сделала круг.
Села в камыш на разливе...
Рядышком чибис
взлетел...
Шесть годиков мне –
я счастливый:
ведь нет ни забот
и ни дел...

* * *

Царство лесное...
Внутри озерко
с бликом рассветным.
Мне одиноко
и странно легко
в проводах лета.
К пристани тропка ведет в камыше,
еле заметна.
Тихо,
уютно с утра на душе –
кончилось лето!
Солнцем сочится
березы листва
в каплях росистых!
Как беспредельна вверху синева
осени чистой!
В синей пустыне,
в небесной дали
кликают стаи,
словно по морю плывут корабли,
белым блистая.
В царство лесное
зовет озерко
чаячьим криком...
Мне одиноко,
приятно,
легко
в сне полудиком.
Сети проверю,
ушицу сварю
с перцем душистым.
Я одиночество боготворю
осени чистой!

* * *

Изба, поросшая травой...
Цветы растут на крыше!
Свисая с крыши земляной,
лесной поляной дышат!..
Как режут круглые пласты
в лугах из дерна летом,
я помню с детства...
Красоты
пласты все – многоцветной!
В них – ландыш,
лютик с желтизной
и василечек синий...
В них – запах мяты луговой,
такой необъяснимый!
Пласты уложены внахлест,
срослась трава с лужайкой...

Без стекол окна –
вот вопрос:
мертво все, как ни жалко!
Изба пуста, и нет дверей,
есть накрест две дощечки...
Ах, прошлое,
вернись, согрей!
На сердце станет легче.
Я в отпуске, со мною –
сын,
встречай, родное небо!
Все те же дали,
та же синь...
Ах, как давно здесь не был!
Зарос крапивой, лебедой
весь двор, и огородик...
И всё же мир вокруг чужой.
Лишь речка та же вrede.

* * *

Краткие радости:
света полоска
от народившейся только луны,
в рожице – тени на узкой дорожке,
утро встает из густой тишины...
Зорька
проклюнулась в озере сонном,
в незамутненной осенней дали.
Холодно...
В сердце же –
лето стозвонное!
Где-то печально кричат журавли.
Радость мгновенная первых снежинок,
иней слетает с деревьев,
как пух...
И отгоревшие листья жасмина...
Стадо у речки, лошадка, пастух...
Клясться не стану,
и каяться не в чем –
я на другом берегу.
Ночь с новолунием раны излечит
и забинтует в холодном снегу.
Дивные радости –
вы мимолетны
в вихре летящих страданий,
разлук...
Там,
в синеве,
не видать самолета –
слышен далекий
тоскующий звук!

* * *

Горит солома в кучах с треском,
шипя,

дымит вокруг жнивье...

Иду по кромке перелеска,
над полем кружит воронье.

Солома –
корм,

а в нашем крае
нехватка вечная кормов.

Солому сохранить старались
порой по несколько годов.

С ней – биокорм,
с ней – концентраты.

Нет ничего –
скота падеж!

В конторах есть дегенераты:
сожгут,

сгноят все

ни за грош!

Горит солома...

В клубах дыма

мне видится в деревне дом,
где я – пацан, в краю любимом
то с вилами, то с топором.

Косил камыш своей буренке –
травы ведь не давал колхоз,
старался изо всех силенок
помочь везти ей

тяжкий воз...

О нищая моя Россия!..

Когда же поумнеем мы,
чтоб хлеб за морем не просили,
не замерзали средь зимы?

* * *

Я кланяюсь полю,

росою омытому,

илу травяною дорожкой к ручью...

Почто, россияне,

мы богом забыты

и землю считаем свою

как ничью?

Свою ли?

Навряд ли...

Есть общее поле,

есть общее пастбище,

общий загон...

Ничейное это,

чужое до боли!

Нелепый, суровый,

как цепи, закон

Веками ты, Русь,

завещала мне пашни

и тучные нивы,

большие стада...

Исчезли богатства в усобицах страшных,
лицо мое нынче горит от стыда.

Почто, моя Русь, мы судьбой не счастливы,
такой ли нам предки сулили удел?

Я сын твой,

покорный слуга молчаливый,

но время пробило,

и я осмелел!

Да здравствуют ныне свобода

и воля!

Иду, как хозяин,

надеждой прозрев.

О русское поле, бескрайнее поле,

ты снова,

как в древности,

в чистой заре!

* * *

Нынче фермер просит оружие,

а не сеялку и не плуг...

Возле хутора ночью кружит

газик с будкой –

в ней пьяно орут.

Домик фермера в рощице тихой

затаился без света,

не спит...

А машина проносится лихо

за дворами...

И стадо мычит.

Неспокойное,

смутное время

сны тревожит не только людей.

На охоте ночной здесь гремели
выстрелы обнаглевших гостей.

Из-под фар браконьеры успели
перебить всех козлят и зайчат...

Но какое задумали дело

нынче,

если всю ночь колесят?

Фермер встал,

взял фонарь,

осторожно

вышел в жуткую темень,

во двор.

И от страха –

мурашки по коже,

и мерещится в темени вор.

Да,

на хуторе и на заимке

нет соседей,

милиции нет.

Обкрадут, подожгут, всадыт финку...

В поле вольном

ищи ветра след.

ЗИМНЯЯ БЕРЕЗА

Л. В. Королёву

Зимняя береза в мир волшебный
приглашает:

«Подойди, взглядишь!..»

Я доверчивым давно уж не был –
обними, сверкающая высь!..

С веток бахромою иней светит:
от фаты иль платья
кисея?

На сережках
в веточке заметен
блеск хрустальный –
словно бы заря!

Белое нечаянное чудо

из сказаний...

вьюг...

из серебра!

Да, живым,
нам не понять покуда:
чья ты дочь, снегурочка, сестра?..
Дышат ветки призрачно метелью,
непорочной

детской

чистотой.

Я стою...

не ухожу...

я медлю...

Словно перед девою святой!
Прикасаюсь вкрадчиво губами
к веточке,
к сережкам ледяным...

Пахнешь ты
ветрами и снегами,
обжигая божеством своим!

* * *

Жить нетерпимей все в городе:
есть нечего,

нечем дышать...

И вновь о деревне,
о родине
я начал в ночи вспоминать.
Зеленое майское царство
полей и березовых рощ!
Саранки, язычки
лекарством

глотаем...

Хорош всякий хвощ!

А в речке плывут между льдами
сладчайшие чудо-бобы...
Мордушки полны карасями...
И первые в роще грибы!

В военные годы не сладко
жилось –

но был свой огород,
скотины и птицы в достатке
в подворьях...

– А город что ждет?

Что дал мужику он на долю.
чем нынче и сеять,
и жать?

Мы все из деревни,
из поля
стремились когда-то сбежать.
Пора бы домой возвращаться,
и родина, верно, простит...
Мы в поисках лёгкого счастья
ей делали столько обид.

верно, простит...

Мы в поисках легкого счастья
ей делали столько обид!

* * *

Я приду в этот дом,
я вернусь
обязательно –

поздно ли, рано!

Незамеченным тихо пройду
по тропинке
вдоль речки туманной...

Я вернусь,
поздней ночью вернусь,
а вернее всего –
на рассвете.

Подойду
и вокруг оглянусь:
где ты,

детство зеленое,

где ты?

Встретят те же ворота, забор...
и ночные

пролетные ветры.

Может, ждет меня до сих пор
взгляд собачий,

как прежде приветливый.

Может, та же скворечня в ветвях
тихо дремлет над серою крышей?
Постучусь...

Мамин голос в сенях

близко-близко

с любовью услышу.

Загорится в окне огонек
за простой занавеской

цветастой...

Я вернусь!..

Как бы ни был далек

этот дом...

И скажу тихо: «Здравствуй!..»

3. ПОСВЯЩЕНИЯ

Вы в кресле величавы,
 как на троне,
и недоступны в суеде суеет –
спокойным взглядом Вы меня хороните,
и до моих проблем Вам дела нет.
Но вот позднее
 в кабинете людном,
чужом, сидите, грустно наклонясь,
и Незнакомкой, в думе беспробудной,
в окно глядите,
 где заря зажглась.
Видения мои –
в них нет согласия...
Вновь вижу Вас на кухне колдовской,
где все варенья и соленья – яства!
Витает запах чудный, неземной...
Преодолев и мнительность, и робость,
вхожу к Вам снова
 в строгий кабинет:
вершите уйму дел...
 я у порога...
звон телефонов...
 дан был мне ответ.
Да, всей судьбы моей
 разгадка – в книге,
замешанной на плоти и крови,
переплелась в ней жизнь в едином миге:
в горенье, в унижение и любви!
Вы к этому причастны так, случайно –
вся наша жизнь из случаев, из снов.
И даже в белом платье, в час венчальный,
всегда ли открывается любовь?
Вы в кофточке предстали предо мною,
в косыночке цветастой – ох и ах!..
Так девушка невинная весною
идет в лугах с ромашками в руках!
Признаюсь: Вас почти совсем не знаю
и не узнаю, верно, никогда,
но тайно в снах зарю я обнимаю
и – ослепительно горит ЗВЕЗДА!
Я не ищущу давно в стогах иголок,
сегодня больно мне смотреть на свет.
Не прорицатель я и не филолог,
не экстрасенс...
 и даже не поэт.

МАЭСТРО

*Заслуженному учителю РСФСР,
заслуженному работнику
культуры Хохову И.И.*

А музыка всегда жива!
И в дни войны,
 в дни лихолетья

Звучат напевные слова,
Звучит оркестр
 надеждой светлой.
Как тяжки нынче времена
От неурядиц и разрухи,
Но вновь звенит,
 звучит струна,
И льется песня силой духа!
Пусть даль в пожарищах,
 крови,
И провода протяжно
 стонут,
Но в сердце есть
 искра любви,
И сам Христос глядит
 с иконы.
Поет ли птаха на заре,
кузнечик ли в траве
 пиликает:
Я слышу песню о добре,
Я слышу музыку великую!
И чем бесхитростней
 напев.
Тем откровенней
 льются звуки.
... От ожиданья посветлев,
Душой я замер
 в сладкой муке.
Спасибо дудочке за грусть
И балалаечке за пляски –
В дворце я этом нахожусь
У музыки живой
 во власти!..
Вновь зал притих,
 как выдох наш,
Лишь слышен тихий звон
 оркестра...
Ваш выход вдохновенный,
 Ваш!..
Распахнут занавес.
 МАЭСТРО!!

В СТАРОМ АЭРОПОРТУ

В. И.

Голые ветви черемух
сверкают снежинками искр...
В инее полудремном
 утренний Новосибирск.
А синева,
 как синоптик,
регистрирует плюсы тепла.

Аэропорта оптика –
облупленные купола!
Март ждет новизны пробуждения,
антенной возносится шпиль,
над зданием ветхим –
свечение

зорьки...

И полный штиль.

Погода

весенняя,

летная!

И в сердце,
похоже,
капель –
которая звонко прольется
в рассвет синеоких недель!

* * *

*Терлееву В.М.,
зав. заочным отделением ОТТС*

Вы, самобытнейший интеллигент,
по натуре поэт и песенник.
В расцвете творческих лет
взбираетесь вверх по лесенке.
Шатки лесенки в вихрях страстей
межусобиц и землетрясений!
Вы – добрейший из многих людей!
Вы – чудной,

в том особая ценность!

Вы простой –

Вам по нраву ростки
светлых чувств и правдивых раздумий,
только вспомним денечки-деньки
в нашем прошлом недобром,
угрюмом:

*По Сибири, по урману
без дороги, в бурелом
шел вперед не атаманом –
комсомольским вожаком!*

*В справедливость веря свято,
нараспашку,*

в доску свой,

*ты делился с юным братством
и буханкой,*

и мечтой!

*Ты боялся лжи и лести,
глупых лозунгов газет,
не хотел в начальство лезти
и не верил в партбилет.*

*Очень часто бюрократы,
казнокрады правят всем.*

Бунтовал он,

твой характер,

*несговорчивый ни с кем!
Жизнь – она такая штука:
непокорных больно бьет,
своевольных вяжет круто
и пощады не дает!*

*И нередко в дни разноса
угасал весенний свет.*

Было:

кровь текла из носа!

Ни наград,

ни званий нет...

Что мечталось –

отмечталось

в той гнилой,

былой поре,

*но душа живой осталась
в новой нынешней заре!*

*Пятьдесят лет, золотую
оттесненные каймой,*

есть в них грусть,

но я не скрою:

я б хотел судьбы такой!

*И желаю в эту дату
дописать еще с полста
лет задорных*

и крылатых –

лишь душа была б чиста!

* * *

Вы появились так внезапно –
что мир невольно засверкал,
от клумб повеял нежный запах
и день светлее, шире стал!
Улыбка Ваша излучала
Ум,

Благородство,

Чистоту!

И показалось мне сначала:
Я вижу просто Красоту!
Не знал тогда я, к сожаленью,
тот горький и святой секрет:
есть сердца Вашего горенье
и восхищающий нас Свет.
О, Вам непросто быть красивой
в заботах разных и делах,
еще труднее стать счастливой
и скрыть печаль в своих глазах.
Вы все смогли!..

И вновь, как прежде,
с улыбкой смотрите в рассвет.
Пусть не обманутся надежды
и не погаснет в сердце свет!

ПРАЗДНИЧНЫЕ СТИХИ

С. Д.

Писал сонеты,
 поздравленья
и всех на небо возносил,
он в тостах черпал вдохновенье
и тамадой повсюду был.
Шумели свадьбы,
 юбилеи,
и мчались дни –
светлы,
 лихи...
Теперь в альбомах лишь
 черствеют
те однобокие стихи.

* * *

Вас не узнаешь,
 Вы так располнели,
у Вас уж двое милых пацанят...
Да, незаметно годы пролетели,
от той девчонки –
 только синий взгляд.
А Тюкалинск,
 он зелен,
 добр, как прежде,
лишь обмелело озеро чуть-чуть...
Сюда я к дядькам,
 словно в юность, езжу,
и здесь наш снова пересекся путь.
Смущенно, тихо:
«Здравствуй...»

И ни слова...

Я погружаюсь в воду и плыву,
а надо мной
 стрижи букашек ловят
и чайки уплывают в синеву.
Ну точно так же и тогда
 здесь было:
у озера камыш,
 утиный крик,
но только сердце
 тяжело не билось,
и от воды я, кажется, отвык.
Сам пополнил,
не та уже фигура...
Устал
 и на спине плыву назад,
от солнца яркого
 глаза прищурив,
припоминаю вновь девичий взгляд.

* * *

Помню юного,
 страстного,
во главе,
вожаком,
в майскую демонстрацию
на ветру,
под дождем!
Сколько лет промелькнуло,
и дорог,
и тревог?
Память в сердце стрельнула,
словно школьный звонок.
Не узнать:
 стал ты грузный –
раздобрел,
 словно «туз»...
Изменилась наружность...
Сверху – модный картуз.
Видно, пост занимаешь:
рядом «Волга», народ...
«...Подойти,
нет ли?..» – маюсь,
и на лбу моем пот.
Я проездом,
случайно
в этих бедных местах,
по пылице печальной
топаю в сапогах!
Ничего мне не надо...
Просто нравился так
парень умный и ладный –
комсомольский вожак.

* * *

А ты ничуть не постарела,
еще прекрасней расцвела.
Бровей смолистых, жгучих
 стрелы
летят над краешком стола.
И откровенность плеч открытых,
улыбка губ,
 движенье глаз –
возникли тайной позабытой
в далекий тот,
 прощальный час.
Степей хакасских,
полинялых
ковыль ласкает мне лицо...
Я захотел,
 ты поменяла
позолоченное кольцо.

Горбятся,
с седовласой пеной,
унёс волну вдаль Енисей...
И забывал я постепенно
ТУ красоту в угаре дней.
И Абакан,
 как бы в тумане,
все растворялся
и мельчал,
и, словно камень на кургане,
я высыхал,
белел,
дичал...
Но горделивые Саяны
и храп коней,
 твой тонкий стан –
опять возникли сном случайным,
и, как тогда,
 тобой я пьян.
Да,
 ты ничуть не постарела
еще прекрасней расцвела!
И беспощадно,
 жгуче стрелы
 летят, разят...
Как ты мила!

* * *

Есть слово мужское «Надежность» –
оно в дефиците теперь,
и если услышу «Обознов»,
ответу: «Такому поверь!..»
Не любит он треск многословья
и молча подставит плечо!..
Он наш, закадычный, по крови –
и нас не предаст ни за что!
Поет он застольные песни,
да так –
 что ликует душа!..
Мужчина вполне интересный,
особливо стать хороша!
Как юноша –
 стройный, подтянут...
Что годы –
 всего шестьдесят?!
И все же походка не та уж,
и кудри давно не шумят!
А если по делу, серьезно –
мужик он и вправду хорош!
Умерен во всем
 и тверезов,
а дачник –
 каких не найдешь?!

Не верю, кто скажет: «Обознов
такой-рассякой, скупердьяй –
Не выпросишь снега в морозы,
не даст и копейку на чай...»
Я знаю, не жаден Обознов,
он лишь – экономом осторожный.

* * *

Шестьдесят!
Много это
иль мало?
Не ответишь так просто зараз.
Для одних ты подруга и мама,
Для кого-то
 бабуля сейчас!
Валентина Паисовна!
 Годы
нас не старят,
а старит беда.
Пусть пройдут стороной все невзгоды,
Сохрани свет в душе навсегда!
Вот Иван,
словно витязь на страже,
твои дети –
порукой в любви!
Ничего, что завистники скажут:
«Как стройна она в годы свои!..»
Валентина Паисовна!
 Милая!
Жить тебе поживать лет до ста!
Добрая
 и в работе трехжильная,
 и красивая ты неспроста!
Говорит Иван-свет восхищенно:
«Ах, баска ты, моя...
Баска!»
Ты запела... Глядим мы влюблено –
и куда подевалась тоска!
Что ни праздник –
 то песни и пляски,
в доме гости почти каждый день.
Над тобой светит солнышко ясное,
в твоих песнях краса деревень!

* * *

На этой земле,
где родился ты, рос –
промчались твои полстолетья,
солono было от вдовичьих слез,
от засушливых лихолетий.
Но, трудом приближая
 весны светлый день,
шел ты к людям,
 душою приветлив.

Из родимых, печальных,
 глухих деревень
приезжали к тебе за советом.
Помогая чем мог,
 защищая всегда,
славил русскую удаль Ивана!
Сколько раз пред тобой отступала беда,
сколько трудных прошло испытаний!
И сегодня за праздничным,
 шумным столом
мы тебя заверяем с любовью: все,
что в сердце хранишь своим –
то скреплено и нашей кровью!

ЛЮДМИЛЕ И ВЛАДИМИРУ МАСЛОВЫМ В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

Не убывает нашей жизни ход!
Весна влилась в распахнутое лето:
в нем дождь июньский
радуги плетет,
в нем запах спелых ягод на рассвете.
И первый винный запах
по садам,
и первые невинные объятья –
звучаньем слов
 всех чувств не передам,
что в глубине груди моей теснятся!
Вот ветви молодые на стволе:
они прикрыли шрамы и морщины,
а вот отдельно –
 бог им повелел – два молодых побега
 в росной сини.
И я шепчу:
«Любви сердечной
 Вам!...»
Я повторяю:
 «Долгих лет согласия!..
К серебряным и золотым годам
Вы бережно растите
Древо Счастья!...»

* * *

Молодоженам В. и Т.

Что рождает рассвет?
Что рождает зарю?..
Молодым по ночам не спится,
слышит он:
«Я люблю,
я тебе подарю...»
«Да!...» – в ответ,
и в глазах блеск зарницы.

Новый день! Новый свет
с миром ясных надежд,
сердце с сердцем
так близко стучатся.
Этот день обещающе
молод и свеж –
зарождается новое счастье!

ЗНАКОМОЙ КРАСАВИЦЕ

А в тебе
 на глубине
 жуткий,
 темный омут,
быть с тобой наедине
не желал б любому.
Где-то рядом ясный день,
лес и птичьи трели –
а в тебе ночная тень,
холодок метельный.
Рядом запахи лугов,
росы и рассветы,
рядом свет живых цветов, а в тебе их нету.
Нет в тебе любви ручья,
нежной, светлой песни...
Тем горда, что ты «ничья»?
- Не хочу быть вместе.

ПОЖЕЛАНИЕ

НОВОБРАЧНЫМ А. И Т.

День на солнце повернуло,
уступает свету тьма.
Равновесие мелькнуло,
проронило:
 «Чья взяла?»
Совпадение?..
Возможно.
День сегодняшней велик.
Первым светонаступленьем,
первым брачным озареньем,
новой жизни зарожденьем –
будь прекрасен этот миг!

* * *

В. Г.

Слышу в длинном коридоре
зычный голос, громовой.
Может, кто-то в жарком споре
разошелся, сам не свой?
Нет! Я этот голос знаю,
отличу от ста других –
это лишь привычка злая
из расчета на глухих.
Если правды нету в мыслях
и беспомощность гнетет,
и к тому ж душою нищий –
человек тогда орет!

На трибуне ль, в кабинете,
принародно иль вдвоем,
недовольный белым светом,
извергает брань с огнем!
Седовласый, словно беркут,
криком рвется с высоты...
И глаза людские меркнут,
и надежды враз пусты.
Он начальник, силой власти
наполняет хамский рык –
и к беде он безучастен,
и от доброты отвык.
На лице овальном красном
выступает липкий пот,
мне и многим очень ясно
отчего В. Г. орет.
Властомания и дурость
слиты в голос громовой,
шепчут люди: «Вот натура...»
Ори, ори, городской!

* * *

Может женщина преобразиться
из красавицы в бабу-ягу,
может нежность переродиться
в холодок на январском снегу.
Есть картина:
снегами России
катит призрачно в санках лихих
боярыня, чье злое им
наводило страх в душах любых...
Вы – красавица,
это бесспорно:
гордый профиль,
 таинственный взгляд,
только гордость –
 жестокая гордость,
только взгляд –
 неразгаданный яд!
Вы на бабу-ягу не похожи
внешне,
 внутренне – также хитры.
Не люблю за колючки я розу,
не люблю я без правил игры.
Вы боярыня,
 пусть не Морозова,
и в глазах Ваших видится злость!
На снегах предзакатных,
 на розовых
солнце низкое разлилось.
И мне видится сердце прозрачное,
ледяное... И белая кровь.
Ваше сердце от нежности прячется,
и не ведать ему про любовь!

* * *

С Рождеством, Ангелина!
Здравствуйте на года!
Мы в судьбе неделимы
и сейчас, как тогда.
Сколько зим просвистело
за оконным стеклом,
сколько весен звенело
в Иртыше серебром...
Вы по-прежнему ясно,
смело смотрите в жизнь.
Вы душой прекрасны.
Чужд вам женский каприз.
Зная радость в работе –
отдаетесь ей вся.
Да, года с позолотой,
нелегка и стезя.
Время бедами метит
каждый день, каждый час,
но ведь счастье же светит
иногда и для Вас!
Этажом живем выше,
этажом живем ниже –
Ваше сердце я слышу,
Вашу горечь я вижу!
Как Вам хочется верить
в близость преданных душ
и светить в жизни серой
огоньком давних дружб!
В чистый день сокровенный
тайного Рождества
Вам желаю
 везения,
женских чар
божества!

* * *

Для меня
 Вы – земная богиня,
а не звездная,
 там – в небесах.
Вы явились над бездной
 гордыней
наяву
 и в таинственных снах.
Вас нельзя ни обидеть,
 ни выдать,
Вы встаете везде предо мной.
Вы – мой свет и задумчивый выдох.
Вы – горенье и бред мой ночной!
Лишь подумую только:
 «Богиня!» –
сразу жар ударяет в виски.

Отсвет синий, и запах полыни,
и поляны лесной васильки...
А когда жар в висках поостынет,
приоткроется звездная высь,
Вы уходите в дали святые,
оставляя мне серую жизнь.
И молю я вослед Вам:

«Богиня,
я не знал о любви,
я не жил».
И на счастье ли,
иль на погибель
это чудо
в себе я открыл?!

* * *

Милый приятель,
Вы, как профессор,
среди дипломированных мужей!
Вы всезнающий,
мы же в креслах
годимся в доценты
кислых щей...
В стороне от чинуш,
на отшибе,
в комнатухе холодной с утра
Вы с лукавым взглядом,
улыбчиво
раздаете рецепты добра!
Чините
то цветной телевизор,
то приемник...
а то керогаз...
Все идут к Вам без подписи, визы,
вот бы Вам депутатский наказ?!
Только Вы без наказов,
приказов
за «спасибо» творите добро...
Чародей,
как бы труд Ваш не сглазить,
будь Вам счастье
в седьмое ребро!
Вы шутник
и отменный проказник,
а года –
уж за семьдесят жмут!
Не сидится ни в будни,
ни в праздник:
внуки,
дача,
на свадьбу зовут!
Вы охотник,
а может и сказочник:

«Дядя Рома!..

Романыч!..

Наш Свет!...»
Не болеть,
не хандрить Вам ни разочку,
припеваючи жить до ста лет!

* * *

Прощай,
февраль!..
Ушла печаль,
день повернул на лето.
С утра в лучах
сверкает даль,
сосулька с крыши светит!..
Мне по ночам
который год
в лицо метель метет,
метет...
Все тот же город,
тот же дом,
и не видать ни зги кругом...
То вниз,
то вверх! Круговорот
судьбы – где выход, а где вход?!
Не отвернуть лица...
Смотрю:
по всей земле –
метель!
Я не предаю,
не изменюсь в любую карусель!

ДОЧЬ МОЯ

1.

В комнатке порядок прежний,
и, дыханье затая,
обвожу я взглядом нежным
стены, вещи –
дочь моя!
Нет тебя... Стол аккуратный:
стопки книг, магнитофон...
И сидит зайчонок ватный,
и глядит на телефон.
Телефон молчит бездушно,
покрывает книги пыль...
И рояль, как колотушкой,
за стеною...
Быль как быль!
Фотография простая
на столе,
и вижу я:
оживает, прорастает
тонкий профиль –
дочь моя!

2.

Рвутся нити, рвутся связи
нашей дружбы и родства.
Кто, кому, за что обязан?..
Клятвы вроде баловства!
В мире сложном и тревожном
в неоглядном далеке
ты трудом успехи множишь –
ты с синицею в руке!
Старят годы, горбят версты –
наш покой порой крадут.
И разлука –
мучит остро,
мысленно к тебе иду.
Будь удачливою трижд
и не гнись перед бедой.
Ты обязана мне жизнью,
я тебе –
своей судьбой!

3.

Четкий путь по школьным классам –
в долгих десять лет,
лишь «пятерки» –
жизнь прекрасна,
словно майский цвет!
Сколько грамот и дипломов,
поздравлений...
Помню, как
ты старалась в полночь дома
чтобы получить «пята
ведь здоровья очень
Груз общественных нагрузок
на плечах, как неба хмарь...
В прошлом школа,
ты уж в вузе,
в Ленинграде.
И, как встарь,
вновь «пятерки»,
лишь «пятерки»,
вдохновенный, честный труд!
И одно немножко горько –
долго письма в Омск идут.
Быть отличницей бесценно
вот уже двенадцать лет!
Согласись,
он стал бесценным,
комсомольский
твой
билет!

4.

Школьный юный секретарь,
комсомольских дел затейник –
зубришь, словно пономарь,
свой доклад на понедельник.
В понедельник –
классный час
и дискуссия о чести
Твой рассказ
и твой наказ,
твой пример –
все будет вместе!
Не слова,
не разговор
просто так
о долге, чести,
а жестокий приговор
ханжеству,
вранью
и лести!

5.

Над седым,
вечерним Ленинградом
всполохи прожекторов,
огней.
В небе приоткрылась моя радость
в ярком свете звездочки твоей!
Может, виновато в том сиянье
северное –
не могу найти
ни Венеры,
ни Тельца мерцанье,
только россыпь Млечного Пути.
Да звезда Полярная сияет
где-то над заливом вдалеке...
Я дремлю,
мираж все это – знаю,
тихо бьется жилка на виске.

6.

Снова слышу звуки флейты
в тихих сумерках двора,
и мотив-то незатейлив –
может каждый так сыграть.
Но бередят душу звуки
нежным голосом твоим
через дали и разлуки,
через стужи долгих зим.
Дует в форточке открытой
холодок, тоску тая...
Ни на час
не позабыта
мною ты,
дочь моя!

7.

Нет ни писем, ни звоночка –
телеграмму срочно шлем:
может, что случилось, дочка?
Беспокоимся вдвоем.
И раздельно шлем втихую
переводы и гонца:
– Что, забыла мать родную?..
– Рассердилась на отца?..
Наконец в ответ открытка,
в ней три строчки вкось
и вкривь:
«Я здорова, дел с избытком,
город сказочно красив!..».

8.

То грустишь одна порою,
то смеешься, то поешь –
в тучке черной так слезою
вызревает чистый дождь!
Как не по годам взрослела,
мне не трудно рассказать,
в Ленинград вот улетела,
чтобы волю показать!
Ты – психологом по духу
родилась и
вверх к мечте
зримо шла,
а не по слухам.
Твердо шла, не в темноте!
Ты сама себя учила
книгой, жизнью и мечтой...
Ты добра была, учтива
с малышом и с сединой!
Знаю: силы не истратишь
просто так, по пустякам,
и залог тому – характер
твердый твой, не по годам.

9.

Помнишь узкую полоску
той, картофельной, ботвы,
деревеньки вид неброский
на закате синевы.
Мы с тобой вдвоем копаем
в поле, убранном давно.
Рядом здесь прошли комбайны,
и картофеля полно.
Ты сказала мне сурово:
«Нам себя не прокормить,
коль на семь дворов –

корова
и картофель брошен гнить...»
Вспоминала:
в дальнем поле
стадо вытоптало рожь...
И твердила с грустью,
болью:
«Все уйдет под снег и дождь!..»

10.

На даче зелень и цветы,
и яблони цветут..
— Кому цветы мне поднести,
кто мой оценит труд?
Жена сюда не поспешит,
и сыну все равно,
какой у сада нынче вид –
я здесь один давно.
Вдыхаю яблоневого цвет
над озерком моим,
закат – рассвет,
закат – рассвет.
Я с именем твоим.
Шумят над домиком листвою
большие тополя,
жду весточки твоей с мольбой.
Я верю –
дочь моя!

Август 1989 г. – май 1990 г.

СЫНУ

Недоедали мы в войну,
недосыпали, замерзали...
Не ставили себе в вину
потерь,
не вынесших экзамен.
В конечном счете каждый стал
сильнее духом,
крепче телом.
Чем жарче,
тем прочней металл –
мы доказали это делом!
И нынче тянем честно воз
под захвалившие нас речи!..
Куда?..
Зачем?.. –
иной вопрос,
но тянем мы
и не перечим.
А что же остается вам?

Что хочешь ешь и пей...
Забота,
которая досталась нам,
вас оградила всех от пота.
Не нужно ничего хотеть,
не нужно никаких усилий...
И вот вы начали хиреть,
и жить,
и делать все вполсилы.
Нет, в чем-то вы способней нас,
культурнее
и выше ростом,
но многое в вас
напоказ,
и с вами в трудный час непросто.
Случись, что вам предъявит счет
дурное время: зло, разруха –
жизнь вас безверьем обожжет
за вашу лень
и показуху!..

ЛЮБИМАЯ, ПРОСТИ...

Аэропорт...
Рекламные огни...
Турбины отгремели,
ставят трапы...
Слежу я издали за профилем одним –
он ближе, ближе –
как огонь из мрака.
Подходишь...
«Что же, здравствуй»... –
говоришь,
в глазах усталых
чистота и нежность, –
«...и не смотри так строго,
не ревнуй,
я прежняя, не надо быть железным...»
Целую,
вещи медленно беру...
Бреду к машине...
О какой измене
я грезил?..
Сам теперь, как на духу,
готов встать на колени!
«Любимая, прости!..» – шепчу себе,
но холодны мои движенья, речи...
Проходим в взбудораженной толпе,
и близостью своею лечишь,
лечишь...

«Любимая, прости!..» –
твержу,
твержу,
из плена тяжких бредней вырываясь,
и с прежней нежностью
тайком слежу,
как прядь волос
ты тихо поправляешь.
«Любимая,
прости меня,
прости!..»
...Закрыла дверцу,
мне в плечо уткнулась:
и по щеке,
блеснув,
слеза скользнула,
и вспыхнул свет на вздрогнувшем пути!

* * *

Мне грустен стих –
пусть он и звонок,
когда в него водицу льют...
Бездонным кажется бочонок
дырявый. А тебе: «Салют!»
Мне грустна похвала любая
лишь за красивые глаза...
От скромности ты не страдая,
себя возносишь в небеса!

* * *

*Голдобиноя Галина Ивановна,
преподавателю ОТТС*

Вы, литератор-педагог,
а выпускник ваш –
он строитель.
Но инженер ему не Бог,
лишь Вы души его спаситель!
Как не летели бы года,
на БАМе, в Братске,
Усть-Илиме
вас помнят, любят навсегда,
и Вы от них неотделимы! ...
Вам – шестьдесят,
и все светлей прическа,
медленнее речи...
Какой по счету юбилей
на завтра Вам намечен?
Случилось так,
что нету званий,

и нет заслуженных наград,
но свет души и сила знаний
о многом больше говорят!
Вновь утром ранним –
в снег ли, в дождь ли –
спешите вдохновенно в класс,
с сердечной,
затаенной дрожью,
ведете мудрый свой рассказ!
Я вижу, вижу как сгораете
на этом жертвенном огне
и как мучительно стараетесь
за каждый день.
прожить вдвойне!
Талант!?
Конечно, я не скрою,
но и с талантом нужно все ж
перевернуть большие горы –
когда вот так, как Вы,
живешь!

* * *

Стоишь,
полей родных
изгнанник,
ты пацаном отсель убег.
И терпко пахнет конопляник,
и в поле светит огонек.
И вроде
слышен звук мотора...
Гниет в крапиве городьба.
Исчезнет жизнь в деревне скоро,
замрет последняя изба.
Остались –
дед да две старухи,
пастух порой ночует тут...
А были в агропроме слухи,
что здесь коровник возведут.
Что даже есть молодожены,
две-три семьи,
хотят здесь жить...
А ты,
в родимый край влюблённый,
как смог вдали его забыть?
Твой дом досками заколочен,
ещё добротный... Есть и двор...
Листвой осенней позолочен
широкий Северный простор!!

4. ТВОЯ ЛЮБОВЬ

Твоя любовь –
не легкая пыльца,
что веет с яркой розы золотистой,
твоя любовь –
не красота лица,
хотя и ей могу вполне гордиться!

Твоя любовь –
не синий небосклон
и прелести всего земного рая...
Твоя любовь –
от бед любых заслон,
когда хожу по острому я краю!
Твоя любовь –
высокой чести долг,
в ней материнство,
женственность,
забота,
и если я чего-то в жизни смог,
то это ты мне помогла,
не кто-то.
Твоя любовь –
рассветный,
ясный свет
и луговое
майское цветенье!..
И без тебя,
Пожалуй,
 просто нет
меня, семьи –
 всей жизни продолженья!

* * *

Светясь,
 вошла в дворцовый зал
с улыбкой, за минуту
он изменился, заблестал –
духи вздохнули чутко!
Открытость платья –
 нежен блеск
заснеженностью плеч!
Вступил оркестр,
 и вальса всплеск
готов в круженье сжечь!
Потом,
 в такси, – твои глаза,
смеющиеся долго...
Зачем, не знаю,
на вокзал
нас прикатила «Волга».

Коржас,
поселок за рекой,
где прятались закаты,
ругал я транспорт городской,
шагая в путь обратный...
Поздней нашел велосипед,
росой колеса вымыв,
я прикатил к вам на обед
с цветами полевыми.
По майке потной,
голубой
меж платьев и костюмов
ты, нежно проведя рукой,
спросила:

«Как придумал?..»
Кричали в ночь перепела,
туман дымился смутно...
А ты со мною шла и шла,
и проступало утро.

* * *

Солнце светит над поляной,
а подснежников все нет...
Ты опять непостоянна, как ручьи,
как вешний снег.
То смеешься,
то ревнива...
То добра,
а то строга...
Вечером была счастливой –
ночью выпали снега.
Ты проснулась,
брови хмуришь,
отвечаешь невпопад,
у окна сидишь понуро.
Вновь под снегом тихий сад.
Кто в глаза твои заглянет,
душу кто твою
поймет?
...Ты со мной непостоянна,
как ручьи,
как вешний лед!

* * *

Днем ты –
свет в оконце!
Ночью ты –
луна!..
Проживу без солнца,
обойдусь без сна.
Лишь была бы рядом,
улыбалась мне –
много ль счастья надо
людям по весне?

* * *

Майский,
теплый вечер.
Близка твоя рука.
Оранжевым отсвечивают
большие облака!
За речкой незнакомо
мерцают фонари,
свободно и легко мне
о прошлом говорить.
Дымит костер под кручей,
столпились рыбаки,
спокойно и могуче
дыхание реки...
Талы пеньками острыми
грозят со всех сторон,
на безымянном острове
тобою я пленен!
Из глины всюду корни
топорщатся у ног.
Поверь,
таким покорным
я раньше быть не мог.
Туман, как выдох,
легок,
в руке – твоя рука...
Поплавками лодок
маячат берега.

* * *

Ночь над крышей металась, билась
под раскатами грома с небес,
тьма на мелкие части дробилась
в свете молний...
И виден был лес
И виден был лес...
На твоём
на крылечке резном –
радостных ручейков перезвон!
В темноте,
иссеченной молнией,
платье мокрое, груди вылепленные
груды вылепленные,
губы влажные,
руки безвольные...
И берез счастливое всхлипывание.
Ты озябла,
прижавшись ко мне,
а лицо твое
словно в огне...
Первой майской грозой опаленный,
может, был не в тебя –
в ночь влюблён я.

* * *

За вербной желтизною
над талою водой
ведет игру со мною
забытый голос твой!
То в согре вдруг аукнется...
То лугом проплывет...
То отзовется утицей...
То иволгой всплакнет...
На дне оврага сумрачно,
и малый ручеек
звенит,
 поет задумчиво –
как чей-то голосок.
Спустился...
Пью.
Обветренным
губам прохлада влать!
И взгляд в воде приветливый,
как твой...
И что сказать?

* * *

Каждый вечер без тебя мне горек,
если бы сейчас узнала ты:
как мне стыдно вспоминать о ссоре,
как мне тяжело средь пустоты!
И хожу весь вечер неприкаянный,
собственные слушая шаги.
За окном вверху фонарь качается,
тени веток на стене легли...
– Помнишь,
 ночью в комнатке уютной
нас будил его тревожный свет,
просыпаясь,
думали мы:
утро.
Я ворчал, смеялась ты в ответ.
А сейчас фонарь мне не мешает,
светит тихо
 ночь всю напролет...
Все вокруг тебя напоминает
и забыть минуты не дает.
Может, догадаешься,
 Приедешь
раньше –
 ну хотя бы на день, два?
Я грущу
 и даже начал бредить:
слышатся в ночи твои слова.

* * *

Оттаял город –
 солнца злость,
 всепобеждающая синь...
По лужам,
в брызгах,
 мчится сын:
«Ну, хватит,
 что это за шалость,
смотри,
ты вымок,
не остынь!..»
Но брызгами меня задело,
сто солнц
 ударило в глаза!
Даль зазвенела
и запела,
и невесомым стало тело,
и жаль,
что пробежать нельзя!

* * *

Вот и пристань уже позади,
ритм прощального вальса стихает...
Только долго обида в груди
заблудившею птицей порхает.
За заплаканным серым стеклом
тихо теплится вечер,
волны глухо ворчат за бортом,
полумрак опустился на плечи.
Низко, тяжело плывут облака,
рассыпая дождливые нити,
Бьётся пенная в берег вода –
будто в поле ей хочется выйти...
Впереди за кормою огни
маяков, что горят неустанно.
Как ни хочешь, а все эти дни
думаю о тебе постоянно.

* * *

Опять за сотни вёрст вдали
не нахожу себе я места,
в душе сомненья залегли,
хотя давно ты не невеста.
Пожалуй, прежней нет любви,
но ведь она не испарилась –
Она, как первый свет зари,
в улыбке сына отразилась!
А раз есть сын –
в нём ты и я,
и значит, мы – неразделимы!
И смех его, как звон ручья,
нас согревает в стуже зимней.

Тебе я верю,
но опять
вдали от дома нет ответа,
и снова трудно засыпать –
молчаньем ревность подогрета.
Терзаю за полночь себя:
а вдруг, ты в чём-то изменилась?..
Но ты не сможешь не любя,
и даже – если б полюбила.

* * *

Тупая мгла нависла
на улицы, дома...
И дождик лёгким ситчиком
всё сыпет у окна.
Ветрами дали выдуло,
оборвана листва...
И кто-то взял и выдумал
попынные слова.
Подтёки на карнизах и сырость из кустов...
Ты до того капризна –
заплакать я готов!

* * *

Август полон печали,
доброты и тепла...
Журавли прокричали
над дымками села.
Осень – скучная осень
за околицей ждёт.
Обо мне кто здесь спросит,
в гости кто позовёт?!
Посижу,
помечтаю
о своем,
дорогом...
Кулички причитают
над речным рукавом.
Отлетать скоро к югу,
в степь соленых озер...
Ранний месяц с испугу
прячется за забор.
Скоро выглянет, знаю,
и засветится ночь...
Я бессонницей маюсь,
некому мне помочь.
Ни жены и ни друга,
дом пустой,
что же ждать?
Хорошо бы до юга
вольной птицей слетать.

* * *

Ты на море –
стихли споры...
Опускает ночь крыло:
за твоей спиной горы,
за моим окном – бело.
Через ночи,
через горы,
через снег,
сомненья,
тьму
раздвигаю тихо шторы –
очень грустно одному.
...Ты сейчас идешь по пляжу,
на лице твоём загар,
на песок привольно ляжешь,
ощущая нежный жар.
Любишь вечером купаться,
волны вечером, как шелк,
не забава –
исцеляться
в них душою хорошо!
Если нервы на пределе,
если жизнь сечет
и гнет –
поживи еще с неделю,
моя
ревность
обождет.

* * *

Ну,
как живешь на берегу у моря,
как отдыхаешь,
лечишься и спишь?
Сбежав от суеты,
забот и споров,
ты окунулась в голубую тишь.
Хороших снов тебе,
еще погоды
– позагорать,
поплавать на волне...
У нас снега перемели дороги,
и спит река в холодной белизне.
Сейчас под вечер попритихла вьюга,
и к Иртышу иду я поскучать,
а ветер,
подзаигрывая другом,
за ворот снега хочет набросать! –
Как чувствуешь себя,
что вспоминаешь,
чего теперь желала бы еще?
Мне чудится,
как в волны погружаешь
позолоченное слегка плечо.

Плывешь...
И силуэт твоей прически
все так же гордо светит над водой...
Иду домой.
Свинцовые полосы
у горизонта выгнулись дугой...

* * *

Я встречи жду,
а ты меж тем:
не предала –
так лжешь...
Который день я глух и нем,
и ты молчаньем жжешь!
Сижу за праздничным столом
знакомым, шутки, смех...
От этих шуток в горле ком,
и обижаться грех.
Сосед хотел бы подбодрить –
да все неловко так...
Пойду-ка в город побродить,
меж них я,
как чудак...

Нет,
не прощу я никогда
тебе таких обид!
Как торопил сам поезда,
чтобы с тобою быть!
Бросал друзей,
бросал дела,
спешил скорей к тебе,
а ты?

Кого ты предпочла
сейчас в своей судьбе?
Быть может, с юга самолет
вот тот –
спешит к земле...
Кто?
Кто сомненья разведет,
кто правду скажет мне?

* * *

Обняла меня за шею дочь
тоненькою
ласковой ручонкой –
и забылась сразу злая ночь,
и дорога долгая,
крученная.
Столько дней безверием тоска
растворялась в перегаре винном...
Этот детский трепет голоса,
он для сердца –
как в жарыщу
ливень!

* * *

Кого искать в свидетели,
зачем тебя винить?
Как все, в счастливицы
метил я,
все надо пережить.
Поверю,

что обманут,
себе наговорю,
и чувства наши канут
в вечернюю зарю!
А ты чиста,
хрустальна,
чиста, как первый снег,
поверить в идеальных
не хочет нынче век!
Не знаю,
что и будет –
я сам, видать, хорош,
тебе со мною трудно,
и ты
грустя
живешь!

Я сам неполноценен
и знаю боль утрат...
Смешны мои сомненья – каких ищю я прав?

* * *

Горят леса!
Не пламенем, о нет!..
На ветках листья светятся багрово
с оттенком желтым,
рыжим –

красный цвет,
главенствующий –
он первооснова!..
Грустят леса...
Как женщины в летах,
они одели красочные шали,
их завораживает красота,
их зори напоследок
целовали!
Срываю с ветки ягоду –
красна,
в ней солнце,
запах меда,
росы лета
перебродили в капельку вина,
и счастлив я,
огнем ее согретый!
Леса хмелеют.

Не страшна зима,
весенние уже им снятся дали...
И сводит злость губ твоих
с ума,
которые лишь зори целовали!

* * *

Идут осенние дожди с утра и допоздна,
дороги нет –
меня не жди,
побудь пока одна.

Плывет дождливый полумрак
от дальней городьбы.

Смотрю я на дверной косяк,
не выйти из избы...

Блестит машина во дворе,
промытая дождем,
и кот мурлычет на ковре,
с утра мы с ним вдвоем.

Глаза уставшие прикрыв,
я вижу вдалеке:

Иртыш,

береговой обрыв

и ты там,
на песке.

Бежишь по кромке босиком,
и платье парусит:
каскады брызг летят дождем,
песок в лицо летит!

Кричишь,

но слов не разобрать –
сизу я не дыша...

И вот ко мне ведешь опять
за ручку малыша.

Но отчего туманен взгляд –
не слезы ли опять?

Не я ли в чем-то виноват –
ты можешь рассказать?

Хочу спросить,
но, рот раскрыв,
я вижу только дождь...

Сизу, дремлю:

Иртыш, обрыв,

песок...

Ты вновь идешь.

* * *

Прав ли я?

Пусть рассудит нас жизнь,
мир сегодня так хрупок, изменчив...

Дом, семья – ты со мной согласишься,
это всё-таки больше для женщин.

Ты моей не оценишь борьбы
каждодневной, мучительной, тайной.

Не такой ты хотела судьбы,
повстречавши меня неслучайно.

Да, я знаю – как хочешь домой
ты уехать в своё Подмосковье,
где удобства и климат иной,
где тебя ожидают с любовью.

Не нужны мне комфорт и уют,
чужаком пусть помру – не сменяю
на Москву или солнечный юг
дорогого, сурового края!

* * *

За окошком завывает выюга-
в форточке гуляют сквозняки.

Занавеска, вздыбленная туго,
дотянулась до моей руки.

Встать бы

да закрыть окно плотнее,

влесть под одеяло с головой:

не меня ли кто-то там жалеет

в длинной скуке ночи ледяной?

Вижу вновь: высокие обрывы,

в снежных шапках над рекой кусты...

На твои ресницы лёг игривый

иней, самой дивной чистоты!

Варежкой отряхивая ветви,

ты смеёшься – с веток снегопад!

Кружит снег –

он радостен и светел...

И снежинки мне в лицо летят.

Снег затих...

Мы одеваем лыжи

и уходим рядом полыжне.

... Я дремлю –

но близко ясно вижу:

с веток – снег,

ты в снежном мираже...

* * *

Заснеженность, заснеженность...

Берёзок бахрома.

Из холода и нежности

Сугробы – терема.

Свекает поле белое,

а дальше – гребни крыш...

И что с собой поделаю,
когда в глазах стоишь?!

Не ты ль поёшь полозьями,

щеглами метишь путь,

не ты ли с веток гроздь

ссыпаешь мне на грудь?!

Сквозь призрачную сетку

ветвей и куржака

следишь ты, незаметная –

ревнива и строга!

Ты дальняя, ты светлая,

как эта белизна,

приходишь безответная

из дымчатого сна.

Летят снежинки, кружатся,
скользят в сугроб, скользят...
И дарит силу, мужество
твой
негасимый взгляд

* * *

Умру –
одиноким поплачешь!..
Жить буду –
поплачешь вдвойне!..
Ты дорого очень заплатишь
за то,
что понравилась мне.

* * *

Нет, не смешно:
жизнь научила
тебя ругаться,
даже лгать...
А ты была скромна на диво –
чего еще
осталось ждать?
Ведь с каждым днем
дышать труднее.
«Что пить и есть?» –
с утра
твердишь,
и в очередь не к Мавзолею –
а в магазин полдня стоишь.
Не думал я,
что будет горше,
когда смеялся:
«Проживем!»
Ведь помогали Чили,
Польше...
Теперь и сам с чужим пайком!

ДРЕВО ЖИЗНИ

1. ДОЧЬ

Просыпается тихо дочь,
тянет сладко ко мне ручонки...
Золотистый
солнечный дождь
вновь в окошко стучится звонко!
Птичий щебет колышет синь –
зеленеет утро планеты...
Заклинаю: «Радость, не сгинь!»
Только это молю,
только это.

* * *

«Залюблю, зацелую!..» –
с детских
ласковых губ.
И присказку ловлю я:
«...чет не чет,
люб не люб...»
Взгляд трехлетней дочурки
словно лазера луч!
Сердце мне он врачует,
сколько б ни было туч.
Отдыхая от споров
и от вьюг за окном,
все забыв – час который
с ней играем вдвоем!
И на пальцах считает...
Четко пишет слова...
Шахматы расставляет...
Лепит хобот слона...
Как ей все интересно,
как ликует она!
И звенит чудной песней
голосок допоздна:
«Залюблю, зацелую!..»
И – кольцо детских рук...
И ловлю я, ловлю я
уплывающий звук!

2. МАТЬ

Родину не выбирают,
Родина – это мать!..
В необъятном
сибирском крае
звездам моим сиять!
Судьбы но свету нас несут,
но сквозь дождливую сеть
вижу я мамину проседь –
в ней моя совесть и честь!

* * *

Еще война...
Весенние поля,
и рев коров у плуга,
с палкой мама,
от пашни пар...
И, пятилетний, я
ищу колосья затхлые упрямо.
Стерня колюча,
я бреду босой...
Мать плуг толкает,
проклиная «клячу»,
а вечером, во тьме придя домой,
над похоронкой долго-долго
плачет...
Теперь, когда бессонно по ночам,
ворочается мать в уснувшем доме –
я знаю:

никаким уже врачам
ей не помочь –
она с тех пор надломлена.
«Куда мне деть,
не знаю, свои руки,
так ломит их...» –
лишь скажет иногда.

3. СЕСТРЕНКА

Было время тяжёлых утрат,
И в наш двор принесли похоронку,
плакали мы всю ночь до утра,
не плакала только сестренка.
В темный угол забилась она,
маленькая... Смертельная бледность
покрыла лицо... Май, весна...
Голод, холод –
щемящая бедность.

* * *

В огородах сошли снега...
Лопатами с братом дотошно
рубим землю, шатаюсь слегка,
прошлогоднюю ищем картошку.
Пар пригретой земли веселит,
а желудок пуст, и тошнит...
В дом приносим десяток картошек,
затопили жестианку-печь,
жмем лепешки между ладошек –
ах, скорее бы только испечь!
Печь гудит, накалившись, лепешки
шипят, пригорают –
и вот:
обжигая блаженно ладошки,
наполняют голодный рот!
С глазами блестящими,
худенькая,
сестренка жметя к нам,
смеется счастливо –
ей чудится
лакомством
серый крахмал...
Тычется тоненьким пальчиком,
робко
вдыхает прель...
Отщипнувши крошку,
Отчаянно
глотаает, как маленький зверь.

4. ДЕВОЧКА

Вся радость: конопля да семечки,
поджаренные на костре...
К нам приходила часто девочка
играть к сестре.

* * *

По траве густой, зеленой,
не касаясь и земли,
мчимся мы гурьбой веселой
с криком: «Ну-ка, осали!..»
Голенастая, с цветастым
мячиком, взмахнув рукой,
хочет девочка угнаться
за хохочущим, за мной.
Я нарочно замедляю
бег, пусть только попадет...
Мне голить...

Лаптой махая,
мой соперник Сашка бьет!

5. ДЕВУШКА

Повзрослела,
похорошела –
стала девушкой,
с подружками тайнами делишься...

* * *

Девушка спешит
тропинкой на свиданье,
девушке неведомы ни горе,
ни страданье.
Вслед глядит старушка
с доброго улыбкой,
шепчут губы вялые:
«Ишь, какая пряткая!..»
Вяжет сети белые
вечер над рекой,
струйка дыма серого
гаснет над трубой.
Потемнело небо...
Лес затих в гаданье...
И луна выходит
к звездам на свиданье.

6. НЕВЕСТА

От зари майским светом горю,
в ней кристальность и веры,
и чести!
Мир рассветный благодарю –
тот, что встретил с тобою вместе.
В подвенечный вплелось наряд
целомудрие, мая цветенье...
Лучезарный,
единственный взгляд
подарила ты тайной бесценной!

* * *

Крики чаек вблизи над рекой,
белый всплеск
над привольным разливом.

Мы одни... О, какую мольбой
переполнено сердце счастливо!
За окном предрассветная синь.
Синь,
как доля,
как воля,
как радость!

Шепчет синь:
«Растворись,
сердце вынь...»
Не пойму,
что сегодня всем надо?
Воробьиный неистов напев,
надо ж, как
воробьи-то распелись!
И дразнила-скворец,
охмелев,
щелкает,
как кнутом, по апрелю!

7. ЛЮБИМАЯ

Любимая моя –
огонь и лед!
Влюбленность –
это тоже опьянение.
– Люби меня! Люби меня! –
зовет
весенняя
цветущая, вселенная.
Любимая –
никем не заменимая,
доверчивая,
нежная
ранимая...
Ну, обними меня,
люби меня, любимая!

* * *

Ты, как эти дни,
непостоянна,
как ручьи, как вешние снега.
То смеешься звонко,
неустанно...
То, вдруг,
молчалива и строга...
Я ловлю лучи твоей улыбки,
я ловлю твой тихий, нежный взгляд.
За окном в просторе ночи мглистой
разразился сильный снегопад.
Верю я:
придет пора –
растаят
все снега,
мы будем солнце пить!
Но какие холода пугают,
если ты не можешь
не грустить?

8. ЖЕНА

Все понятия воедино
Слились – величава, нежна
ты проходишь со мной горделиво
по жизни –
хозяйка, жена...
В трудный час
ты готова помочь
всем друзьям и знакомым –
любимая...
В час сомнений,
в глухую ночь
светят звезды
твоим мне именем!

* * *

Любое зеркальце воды –
как чистота твоя...
Ручьи и малые пруды
свою звезду таят.
Когда в ночи,
когда вдали,
и сон уходит прочь,
на самом краешке земли
ты можешь мне помочь.

9. ЖЕНЩИНА

Все, что было когда-то завещано,
потускнело,
уменьшилось,
отделилось трещиной...
Вольна,
никому не обещана,
возвышенной страстью увенчана
– женщина...

* * *

Женщина с нелегкою судьбою –
ты нежна и снова весела!
Ты опять любишь себя собою,
прошлое тебе – как трин-трава!
Жарче полыхает поздним летом
разнотравье,
и крупней роса!
Зря гадала бабка: песня спета,
озорные отцвели глаза.
Нет!
Еще сильнее сердце бьется,
и стройнее величавый стан,
не духами –
медом сада льется
лед...

Шелка легки, как шелест стай!
Словно манекенщица нарядна,
ты проходишь,
чутьочку строга...

И мужчин признательные взгляды
плавают давней горечи снега!

10. ЛЮБОВНИЦА

Ну, а все ж, что такое любовница?
Ни химера, ни ангел –
так кто?!

- Блудница?..

Легковерная модница?.

- Может, чертово божество?..

Нет!

Распятая богородица,
попиранье заветных святынь:
надо низости уподобиться,
на себя, на весь мир озлобиться –
стать подобьем рабынь!

* * *

За окном догорает заря,
погружаясь в холодный Иртыш...
Откровенен вечерний наряд,
взглядом цепким за залом следишь.
Как сова за добычей ночной,
устремляешь глаза к пьяным лицам...
Рюмка выпита,

вялой рукой
ковыряешь остывший шницель.
Бледность щек,
стылость плеч,

синь у глаз,
а в глазах – серый пепел пожара...
Лейтенант приглашает на вальс,
ты ему: «Отстаньте, пожалуйста!...»
У него пристыженный вид,
он отходит, забыв извиниться...
Догорела заря

Иртыш спит.

В пальцах длинных
окурок дымится...

* * *

Глазами – в небо!..

Сердцем – в небо!..

И легче думать

и дышать.

Лечу над вечностью...

Ах, где бы

мне лик земной твой отыскать?

Любовь не только возвышает,
но оставляет в сердце след
тяжелых пятен...

Ощущаю

в них свет тревожный давних лет.

Побаливают,

отживают

те пятна –

копят горький счет,
как на вершинах Гималаев,
в них самый первый
луч живет!

Глазами – в небо!

Сердцем – в небо!..

Яснее лик твой различать.

Лечу над вечностью,

и немо

уходишь ты...

И не позвать.

* * *

Люблю тебя в воскресный день

и в будни

и майским утром,

и в осенний дождь...

Люблю,

когда ты в хоре многолюдном

опять на сцене празднично поешь!

Но сколько бед

осталось в тех морщинках

у глаз,

порой печальных и святых?

Я мало помогаю

как мужчина,

и, словно извиненье,

этот стих.

Прости,

прости за грубость,

невниманье –

я пропадаю где-то целый день,

и только к ночи –

весь устав, измаясь,

в дверях я появляюсь,

словно тень.

Я – «квартирант»,

так ты мне говорила

не раз, не два –

и я согласен с тем.

Твоя любовь не только дарит крылья,

она

и свет домашний,

верность стен!

Любовь! Любовь!

Великое терпенье,

а радости –

они наперечет,

мне тяжело видеть,

как без сожаленья

сегодня жизнь кнутом тебя сечет!

Как убережь

и заслонить от боли,

чем оплатить за ласку и уют?

Ведь часто мы бессильны и безвольны

перед судьбой.

А дни идут, идут...

5. МОИ СТИХИ – МОИ ДОРОГИ

* * *

Жестокий Май!
Там, в сорок третьем,
погиб отец...
Цвела сирень...
И ныне грустью давней светит
тот солнечный весенний день.
...Мои стихи –

мои дороги!

Из них не выбросить теперь
раздумий и сомнений многих,
как память горькую за дверь.
Как есть –
таким мир принимаю:
едины «радость – боль»,
«свет – мрак».

Иду всю жизнь
навстречу к Маю
и не могу дойти никак.
И обелиски,
монументы
отчетливей весной видны,
мне не вплетать цветные ленты
венками в праздничные дни!
Признаюсь –
по душе мне осень
за скромность,
хмельную красу,
но, если откровенно спросят, –
я в детстве
потерял весну!

* * *

Качнулась белою постелью
волна степного ковыля,
мне показалось,
что метелью
уже окутана земля.
Щит пограничный...
С Казахстаном
граничит здесь Сибирь моя,
и в этом утре чистом,
раннем
звонят раздольные поля.
Мой край родной –
Сибирь лесная,
но только к югу отступи
чуть-чуть...

И сразу даль степная,
и вдоль дорог везде сурки.

Я не делил бы земли эти,
они сплелись –
и нет границ.
Здесь на охоте я...
В рассвете
плывут вверх армады птиц...
И вот,
на звенья распадаясь,
снижаются –
за кругом круг...
И на стерню садятся стаи...
И ищет зерна птичий клюв...
В соленых плесах – неуютность:
ни кустика,
ни камыша.

Но на озерах –
столько уток!..
И страстью полнится душа.
И я смотрю вокруг с любовью
на холмик,
юрту,
дальний стан...
Мы связаны судьбой и кровью
навек – Сибирь и Казахстан.

* * *

Великий мудрец
тот чудака,
что лицом на зарю,
на восток
поклоны бил так и сяк –
сжавшись,
словно сурок.
Лбом горячим
касаясь земли,
устремляя взгляд в небеса,
дождик у бога молил,
и вблизи громыхала гроза!
Теперь над равниною душевной,
упав головою в цветы,
я сам на коленях послушно
молю небеса снизойти!
Не верю ни в бога,
ни в черта,
и все ж заклинаю:
«Дождя!..»
И вижу:
над самым пригорком
свет молний –
и гром, погода.

* * *

Кокчетавская
майская степь –
воздух мятой настоян,
приятен...
Можно ехать
 и днями смотреть
на простор с синевой необъятной!
Бугорочек земли...
В нем сурок
привстает,
 как монгол из могилы.
До охоты путь дальний пролет
по полям одичалым,
ковыльным.
На холме остановка –
пьем чай...
Ну, а небо заполнено звоном,
хором песен...
Поди сосчитай,
сколько птичек над склоном зеленым?
Устремляясь попарно в синь,
жаворонки высь заполнили...
Вслед за ними ты руки раскинь –
и лети в несказанные были...
Чистота... новизна...
 глубина...
И для взора
 и мысли заветной.
Здесь чужая совсем сторона,
но как близкого
 могут приветить!

* * *

Транзитный поезд мчится вдаль...
Поет Ненашева Галина,
и снежная плывет печаль
меж перегонами пустынными.
В купе холодном –
никого.
Под грусть сердечную Ненашевой
как хорошо мне и легко
тоску о Родине вынашивать!
Тоску по рощам и снегам,
и полю,
 светлому, как песня...
Тоску по серым облакам
в холодном,
 низком поднебесье...
Новосибирск:
 под снегом Обь,
и рыбаки вдали,
 как точки...

Дым стелется,
 как чья-то скорбь,
и разрывается на клочья.
А город весел и упрям,
февральской вьюгой побеленный!
К многоэтажным корпусам
вплотную подошли вагоны...
Прощай, Ненашева!..
Прощай,
купе,
 на лучшее надеемся –
Сибирь – не медвежатный край,
здесь есть балет
и академия!

* * *

Там,
 где волны сбрасывают пыль,
где черта свиданий проходила,
там, на волнорезе, ждать любил,
чтоб тебя
ко мне
 волной прибило...
Появляясь в брызгах предо мной
ты на камень скользкий выплывала.
Он,
зеленый,
 с мягкой травой,
становился, вроде пьедестала.
И твой тонкий
профиль над водой
в бронзовом загаре,
под лучами
отливал такую чистотой,
что в висках
 прибоем кровь стучала!
Волнорез от берега вдали –
волны бьют,
шипят,
стекая,
пенной.
Рядышком проходят корабли.
Нам с тобою море по колено!

НА ЯХТЕ

Сижу я за столиком...
Море
таранит гранитный причал,
и брызги блестящие
роем
о стенку веранды стучат.
Гречанки старинное имя
припомнить я сразу не смог,
лишь видел песчаные линии
и синий, воздушный грибок.

И девушка в платьице синем
бежит по откосу волны,
а волос роскошный,
как ливень,
летит...

словно годы и сны!

А снов было много за вьюг
являлась гречанка в них юная,
в загаре,

смущенно строга.

И волос дымком невесомым
на плечи струился,
взлетал...

И вот я на море,
как дома,
воочию все увидел.
Всех линий ее окрыленность –
от икр загорелых
до плеч –
рождала во мне ту влюбленность
зовущую душу поджечь!

МАЛАХОВ КУРГАН

Вечерет...

Причудливей тени...

Высоко розовеет курган.

Осторожны наверх ступени
по виткам, по кругам.

Меркнет свет

в полумгле бастионов,
канониров у пушек нет,

стынут ядра –

орехи каленые,

словно плуг,

порыжевший лафет...

Вот вершина...

Вечерний город

опоясал огнями залив,

где на рейде спокойно и гордо
свою вахту несут корабли.

Потемнело...

Отчетливей вижу

панораму далеких дней:

матрос Кошка меж взрывов рыжих
и Корнилов с трубою своей.

Пирогов, перемазанный кровью,
рядом раненый дико кричит,
клубы дыма...

Ход снизу роют,

и сверкают штыки в ночи...

Неостывший от близкого боя,

вниз спускаюсь

наискосок.

Ресторанчик шумит под землю –
бывший пороховой погребок.

О, кощунство!

Какой-то парень

в тельняшке стоит у дверей

и, шатаясь, совсем не от раны,

с руганью окликает друзей...

* * *

Звонят неистово цикады,
на небе светел Млечный Путь...

Ночь медленная,

без прохлады,

наваливается на грудь!

Спят омичи –

мои соседи,

и, одеяла разметав

они во сне неслышно бредят

про край родной

раздольных трав...

Турбаза,

камень побережья,

медуз береговой припай.

Я вспоминаю дом свой нежно,

нетронутый туризмом край.

Мой край лесной,

глухой,

озерный,

птиц стоголосый перезвон,

где дышится светло, просторно,

где воздух медом напоен...

Всю ночь я слышу тихий рокот –

то море о причал стучит,

а пред глазами черный локон

туристки юной из Читы!

И локон схвачен красной лентой:

разочарованно,

без сна,

давно уж ждет того момента,

когда домой взлетит она!

Она грустит

и безутешно

мне говорит:

«Была мечта

о море ласковом и нежном,

приехала и –

пустота...».

* * *

Опять штормит на темном море,

и с треском бьет волна в причал.

В раздоре я с собою, в споре:
от многолюдья я устал.
Моя душа летит к озерам,
прозрачной
голубой воде:
люблю сибирские просторы
и не забуду их нигде!
Мне даже солнечные пляжи
у моря
не заменят их...
И мучаюсь я не от жажды,
хочу,
чтоб вечер мой был
тих.

* * *

Рассердилась,
а в ресницах
синь весенняя сквозит...
Ты не хочешь согласиться,
что душа твоя болит.
Слушаешь,
глядишь в смятенье,
как плывет по речке лед,
луг в огромном наводненье
отражает небосвод.
И по грудь в воде
две ивы
у оврага расцвели...
Говоришь:
была счастливой, –
гусли счастье унесли.
Говоришь,
а слезы градом
по щекам уже текут.
Ты красива и нарядна,
а таких годами ждут.
Он не ждал,
уехал сразу
в дальний,
снежный Магадан,
написав: «Кончаем связи...»
Почему другим он стал?
Говоришь,
а слезы льются
из девичьих,
чистых глаз...
В речке – солнце,
льдины бьются,
не на счастье в этот раз!

* * *

Зеленым ковриком весна
поляну принакрыла.
Стройна березка, как княжна,
мой взгляд заорожила...
Зовут на бой тетерева
и бьются на поляне,
и распускают веера
хвостов, в бровях – багрянец!
На плесах розовый закат
расплескан резвой рыбой,
и чайки радостно галдят –
богатой будет прибыль!
Мне мнится сеть и наплава,
их дрожь на светлой глади...
Все шире, выше синева
в просторе неоглядном.
Но коршун медленно плывет
над луговым простором.
Вот сложит крылья, упадет –
и стихнут птичьи хоры.

* * *

Кто последний,
когда
целовал твое платье?
Кто сгорел, как звезда,
в твоих страстных объятьях?
Каждый шаг,
каждый вздох –
нам ниспосланы небом,
а во мне –
есть свой бог,
невозможного требую!
Эти
линии ног,
уводящие в полночь!
Этот взгляд,
как клинок,
как призывы на помощь!
Есть движенья сродни
чуть раскрывшейся розе,
часто лучшие дни
понимаются позже!
Дивный бред,
стыд и страсть
вновь бросают в смятенье...
Снова тайна сбылась –
расцвело вдохновенье!
Целовать тонкий край
невесомого платья!
Где он – ад,
где он – рай
и за что жизнью платим?

* * *

В центре Тобольска
среди новых домов
с мощью бетонной,
есть теремок из сказаний и снов,
в зелень влюбленный!
Ставни, наличники
с тонкой резьбой
кружева дивного...
Флюгер из жести...
конек расписной...
Орнаменты –
ливнями...
А под стрехою –
 узорчиво вязь
вниз ниспадает,
как кисея,
что у шали сплелась,
снежно блистая.
А в воротах голубых
 слышен звон
тонких колечек...
Кажется:
домик в лучах устремлен
в тихую вечность!
Светом сочится любое окно
в радужных блесках
В мире непрочном не суждено
 слышать великое!
Ремезов позже опишет Тобол
с крепостью гордой...
И губернаторства пышный престол.
 Ярмарки, торги...
А мастеров,
 что тогда без гвоздя
славили зодчество,
 нет в письменах...
Но они
 сквозь года
светят пророчески!

* * *

И затоскую я под вечер
от белых лепестков в саду,
и ту тоску унять мне нечем,
к соседу выпить
 не иду
А все хожу один –
 с отрадой
смотрю по сторонам,
углам...
Да, красоту такую надо б
делить хоть с кем-то пополам.

Какие запахи!
Шептанье
высокой яблони
 лиственной...
Пчелы веселое жужжанье,
и свист пичуги надо мной.
Берусь за труд любой попутно:
забор подправлю,
лук полью...
Но мир зеленый,
перепутанный
границами я не делю.
Не обрезаю веток длинных –
пускай касаются лица,
не рву от хмеля шлейф былинный,
что нависает у крыльца...
Клубника грядкою сплошною
везде по саду разбрелась...
Малина высится стеною:
не прорезаю –
царствуй всласть!
Я не мешаю жить природе:
пусть облепила здесь и там,
пусть вишня рвется ввысь свободно...
Цветущий мир я не предаю.

* * *

Веточка сирени забелела,
раздвигая теплый полумрак.
Майская заря вдали алеет
и не может догореть никак.
Миг сомнений,
грань прикосновенья
тайного с насущным...
Звездопад...
Ты в себя уходишь постепенно
и не возвращаешься назад.
За рекой расцвечен ярко город,
и гудит всю ночь аэропорт.
С грустью говоришь,
 светло и гордо:
«Не забыть его мне до сих пор!
Я тебя немножечко задела,
извини,
 неловко вышло так...»
А заря колючая все рдеет,
не желая догорать никак!

* * *

По селам глухим,
 словно беглый острожник
опять проложил одиноко пути.

Тоской бездорожья,
тоской безнадежной,
о Русь,
я с тобою так часто грустил...
Сиж у дороги в пылище кювета,
мучительно жду –
может, кто подвезет?
Уж вечер...
И солнце усталое светит
над лесом так низко –
исчезнет вот-вот...
Дорога – шоссейка,
поросшая травкой,
идет от деревни,
где десять дворов.
Россия русалочья –
я ли не правнук
твоих хлебосольных
лихих мужиков?
И дед мой,
и прадед здесь жили безбедно,
имели наделы: поля и леса...
Имели кошевки, ходки и телеги,
отличных лошадок, амбары овса...
Ах, дальние дали!
Куда распродали,
зачем разорили былое житье?
А деда исчезло наследство святое мое...
Сиж у обочине пыльной дороги
и жду не дождусь я –
авось подберут.
А в сердце все копят злость и тревога...
О Русь,
мой родимый и бедный приют!

* * *

Домик-развалюха вновь встречает.
Путь не близок,
делаю привал...
Мартовское солнышко отчаянно
греет двор,
дырявый сеновал.
С южной стороны,
на солнцепеке,
на бревне я у стены присел...
Ах,
когда здесь в днях былых, далеких
кто-то жил в заботах разных дел?
Все вокруг мертво и непонятно...
только вижу: на бревне ледок
вдруг затаял...
И за каплей капля,
лучиком играя, вниз потек.
Снег под каплями мгновенно ожил –
задымил парком,
дырявым стал.

Шли минуты... Я взглянул попозже:
под бревном снег лужицей блистал!
А лучи все жарче пригревали...
И в стене из трещины, из мха
мелкие букашки выползали...
Сыпалась мне на рукав труха.
А вверху, взлетая над стрехою,
закружились птахи, щебеча...
Жизнь проснулась, вея теплотою,
каждую кровинку горяча!
То, что мне казалось мертвым, серым
оживало прямо на глазах.
То, во что вчера еще не верил,
стало явью – а не в тайных снах.
Да, виденья эти неслучайны –
ведь природа –
живности всей

мать!

Силу жизни, что покрыта тайной,
смертным, нам вовек не разгадать.

* * *

Розовеет утром ранним
плес озерный на лугах...
Нет, живу я не напрасно,
коль с зарею на ногах!
В руки – грабли, вилы-стрелы,
и шагаю меж ветвей...
Вот и иволга запела
возле диких голубей!
Приоткрылась в дымке грива
с перепелками во ржи,
высоки хлеба на диво
вплоть до самой, до межи!
Как прекрасно это небо
в мирном зареве лучей,
с запахом цветов и хлеба,
с грустным кликом журавлей!
Едет с дойки на машине
с песней девичий отряд.
Вспомнил детство, ток старинный,
деда, женщин и ребят...
Где теперь все эти люди,
с кем в войну все беды снес?
Правду жизни, веру в чудо
вознесли они до звезд!

* * *

Тихое кладбище в поле
с рощицей старых берез.
Рядышком с ним,
на приволье,
чистый,
зеленый овес!

Серое небо неслышно
сеет дождинок пыльцу,
ветки развесисто дышат
паром...
и жмутся к лицу.
Изгородь поразвалилась,
сырость сквозит из кустов...
Всюду могилы...
могилы...
стойбище мрачных крестов.
Надписи долго читаю:
сколько знакомых имен!
Лица встают,
оживают,
движутся с разных сторон...
Сколько мне раз поклониться
душам из небытия?
Господу богу молиться,
жаль,
 не приучен был я.
Тихо над вечным покоем,
тихо и горько
до слез...
Светятся давнею болью
черные шрамы берез!

* * *

Мне ветер волосы полощет,
и я зарю обнять готов...
Одна березовая роща качает тысячи листков!
Невесть откуда запах мяты
пахнул в лицо,
 и я смотрю
в простор зеленый,
 необъятный,
на эту светлую зарю!
Я гривой этою доволен
и с ней навек дружить готов –
одно волнующее поле
из тысяч спелых колосков!
Вмиг
 коршун замер над поляной,
крыла сложил –
 и камнем вниз!
Не уж-то мир меня обманет
и в пропасть оборвется жизнь!
Вот затуманенное солнце
прорвалось из-за облаков –
один желтеющий подсолнух
сияет сотней лепестков!
Я,
набродившись вдосталь,
лугом
иду дорожкой травяной,
а солнце вверх скользит по кругу,
приподнимаясь над горой.
Светлеют в рощице деревья,
все тише шум моих шагов...

А вот и на бугре деревня,
а в ней всего-то пять дворов...

НА ЛУГАХ

1.
Звенит коса у тальника
в молочной дымке
 светлой.
«Коси, коса,
роса пока,
пока в прохладе ветви!..»
А запах срезанной травы
дурманит замляником,
и коршун всплыл из синевы
над речкой ясноликой.
Я взмок,
устал,
не разогнусь –
иду бочком в полшага,
в конце прогона улыбнусь:
прокос хорош,
что надо!

2.
Вилы взмыли напоследок –
засиял верхушкой стог!
Небольшая,
но победа:
дело, сделанное в срок.
Под вечерними лучами
горделивые стога,
как шеломы,
 величаво
ждут дождливого врага!

3.
Мчатся огненные кони
над лесами в облаках,
слышу цокот злой погони,
блеск на вспаренных боках!
И когда стемнеют дали –
искрами из-под копыт
звездопад летит прощально,
Млечный Путь звенит,
звенит.

* * *

Мычит телок в рассветном поле
под крик веселый
пастуха.
Березовый
безлистый колок
угрюм...

– Какой дурак пахал?
Нешадно будоража корни,
их резал плуг..

Стволы дрожат..

Себя клочком тем не прокормим,
земля не хочет хлеб рожать!

Гляжу со злостью я
и гневом:

- О, бедная моя земля,
под деревенским чистым небом
растерзанной лежишь,
пыля!

Лужайку, тропки запахали –
вокруг деревни пахота,
стал черным луг,

и меркнут дали...

От пыли,
гари – духота!

А где-то вместо ржи на гриве
трава растет, осот большой...
Зато с трибун кричит в надрыве:
«Дай целину!..» – мудрец иной.

О Родина моя родная,
доколе мужику тужить?
Ведь часто, святость попирая,
дурак лихой
мешает жить!

УТРО У ТЕНИСА

Роса на камышинках
в зерна

скопилась –
и скользит к воде...

И розовеет лик озерный –
молюсь я утренней звезде.

Со свистом птицы режут воздух,
всплеск рыбы –
радугой круги...

Очарованье лета позднего,
моим раздумьям помощи!

Скажи деревня Усть-Логатка,
как выжить нынче,
устоять?

Ты, словно уточка-касатка,
на зорьке будешь мне сиять.

Огромно озеро...

Я вижу:

вода уходит в небеса.

А слева берегом
по низу

блестят стога,
шумят леса.

А чуть правей –
большие гривы

пшеничных,
золотых полей.

Их треплет ветерок игриво,
как гривы сказочных коней.

Ах гривы-нивы, нивы-гривы,
в страду на них
встречал зарю...

С каким-то радостным порывом
себе я тихо говорю:

«Живи до ста и здравствуй вдосталь,
твой край богат,
твой край красив!

В нем все загадочно
и просто,

как суть звенящих
этих грив...».

* * *

В сибирских далях необъятных
мне география видна
поселков всех

с названьем кратким –
в них точно суть отражена!

Малиновка,
Лебяжье, Старичье, Щучье,
Лебяжье, Солнцевка... –

Горит

в заветном слове

светлый лучик,
как герб старинный или щит!
Люблю в озерах ласку слышать:
вот – Чайчье...

Ик...

Кашара...

То – Утичье,

а то – Камышное...

А эти –
Дикое, Оша...

И местность тем же характерна:
свет-Цветополье...

звень-Рямки...

синь-Заозерье...

Сердцем верю
названьям,

что ясны, легки!

Читаю их я,

словно книгу
про край родимый,
дорогой.

И радуюсь,

весь смысл постигнув,
в них спрятан
ключик золотой!

ПОДСОЛНУХИ

Я вышел на увал
и ахнул:
внизу,
меж согрой и рекой,
оранжевым ковром распахнут
луг детства,
близкий и родной.
Цветут подсолнухи!
Их – тыщи,
светясь лучами золотыми, напомнили,
как в годы нищие
мы их за пазухой носили...
И, как тогда,
опять с пригорка
из-под руки гляжу в луга
и вижу четко дым прогорклый
и огненные облака!
Я вижу:
вдаль идут солдаты,
пыль за телегой,
там отец...
Позднее с фронта лист проклятый,
как света белого конец.
Но нет конца.
А в небе ясном
курлыканье,
и луг цветет...
Родимый край приветлив,
ласков, –
любая боль в нем заживет!
И сердце с нежностью забилося,
в поклоне головой клонюся,
от предков набираюся силы
и старой славою горжусь!
Ведь это поле,
лес,
речушка
от деда,
от отца –
мое!
Любая здешняя частушка –
моей поэзии родство!

* * *

Сочная, румяная
вызрела заря...
Улочка туманная
вдоль пустых оград.
Улочка заречная
спать уже легла.
Я иду к крылечку –
где любовь
жила.

Слышу мелодичную
вдалеке гармонь...
Высветил в наличниках
щелочки огонь!
Ставнями прикрытая,
комнатка твоя манит
позабывшим светом
вновь меня.
Там,
в окне, за ставнями,
тени и шаги...
«...Боже,
не оставь меня:
встретить помощи!..».

ТРАКТОРИСТ

Отгрохотала,
отошла страда...
Но,
как солдат,
не спавший много суток,
глухою ночью
вскочит иногда
и долго курит
посреди уюта!..

* * *

«Кесарю – кесарево!...»
Падших – под топор.
Пять аршин отмерено
в яму, за забор...
С малых лет до старости
дед мой горбил горб: сеял,
жал...
с Макаровой
сено в копны греб...
Сам любил кузнечить...
сбруи шил...
ковал...
Но судьба изменчива –
в кулаки попал.
Разом раскулачили,
выслали в тайгу.
Бабки мне судачили:
«...Запомни... ни гу-гу...»
Столько лет рассеялось
в тех родных полях?
Я бесплодным семенем
жил в чужих краях.
Возвратился нынче я
в отчее житье:
перестройкой взвинченное
кружит воронье!
Вспомнил деда, прошлое...
путь-этап в тайгу.

С горечью непрошенной
на погост бреду.
На делянке дедовой,
слыша тихий дождь,
с совестью беседую...
А на сердце – дрожь!

* * *

Злые
напасти длинной зимы,
послевоенной,
голодной...
В свисте бурана,
из волчьей тьмы
детский плач возвращает те годы.
...Валенки в дырах,
фуфайка в репьях –
личики бледные,
вялые.
Грустно в заснеженных,
стылых полях
матери бродят усталые...
Сколько осталось в то время семей
с утратами,
ранами,
болями...
Сколько скиталось малых детей,
безотцовских,
навек обездоленных.
В двери стучались:
«Ради Христа,
дайте хотя бы крошку!...»
Видно, поэтому мне неспроста
нынче хлеб
обжигает ладошки...

ПОЧТАЛЬОНША

Тоненькая,
голенастая,
с сумкой брезентовой на боку
утром ранним и вечером поздним
проходила она по селу.
Шла по лужам
иль знойной пыли
из края в край –
в тысячу дворов
три деревни объединились:
Старо-Солдаткою звали село.
Не газет,
не последних известий
ждали сельчане –
а писем с фронтов,
где в строчках живое дыханье
братьев, сынов, отцов...

Она, обходя грязь и рытвины,
пробиралась вдоль шатких плетней.
О, как ее ждали
и как боялись,
склоняя головы перед судьбой!
Старики и старухи на лавочках,
изможденные руки на колени сложив,
перекрестясь, степенно кланялись...
Одинокие женщины,
руками грудь плотней обхватив
(чтоб сердце потише стучало),
окруженные притихшею ребятей,
из калиток распахнутых выходили...
Молодки, невестки навстречу
выбегали, ее окружив...
Шла она по селу –
вслед, с письмом улыбались,
растерев по лицу скупую слезу...
Без письма –
тихо, молча молились...
И почти,
и почти всякий раз
где-то в улице, сердце мороза,
раздавался пронзительный плач!
И взывали собаки, и небо темнело,
и стекались люди,
о горе скорбя...
Мне тех дней не забыть –
и теперь по ночам
часто снятся кровавые зори,
ржавый лист под окном то скрежещет,
то стонет,
и пасхально поют в темноте провода...
Почтальонша была подростком,
не более,
откуда-то приехавшая –
беженка от войны,
потому-то, наверное,
ее так уважали
и с любовью усаживали
в каждом доме.
Она письма читала,
и улыбалась,
если в письмах надежда жила –
и темнела она, морщилась и страдала,
если горечь и боль звучали в строках!
О, сколько страданий чужих
и потерь
вместилось в одном ее сердце?
Ко всему человек привыкает? –
Вранье, она не привыкла...
В майский вечер
(помню, словно сейчас)

долго-долго стояла у нашей ограды,
что-то маме дала –
слабо охнула мать
и упала на землю,
рыдая!
А она, тоже плача, закрыв лицо
руками,
ушла, спотыкаясь...
И завыл вдруг наш пес –
и качнулась изба...
И собралась уйма народа.
Кто-то гладил меня,
кто-то хлеб мне совал,
я сбегал огородами к речке,
губы сжав,
горько думал,
пацан:
раны, кровь, оборвало пусть руку,
все понятно. Но как это – смерть?...
Почтальоншу еще много раз
встречал,
сумку возненавидя,
замечал грусть больших серых глаз –
а потом ее что-то не стало.
говорили: в больнице она,
в райцентре,
долго лежала,
всем понравилась –
больным и врачам,
и сестрой милосердия там осталась...

* * *

Светлой памяти моей матери

Как чисто и приветливо в родительской избе,
картишками залеплены
все стены... «Я к тебе,
вот, побелила печку,
связала половик.
Гляжу на стол
и свечку,
и на иконный лик.
Как это все знакомо
и бедность,
и тепло...
И в горле что-то комом,
а на душе светло!
Слежу тайком за мамой –
тяжелая болезнь
морицинит лоб упрямо,
в глазах усталость есть.

Но, все преодолевая,
с улыбкой на лице
рассказывает мама
о Сашке-подлеце:
«На пасху, пьян,
на тракторе
наехал на забор
и вот,
такой характерный.
Рассказывая, мама
хлопочет у печи:
«Гляди-ка ты,
румяные
на славу калачи!..
С дороги, может, в баньку?
Я не ждала вчера,
а сердце не обманешь:
щемит,
болит с утра.
Вон лапой
кот нос моет,
ворожит на гостей...
А вот про Настю новость...»
О, сколько новостей!
На стол графин и рюмки,
капуста, холодец –
и рядышком в раздумье
садимся наконец.
Течет, течет беседа
по памяти, как сон...
«Ты завтра не уедешь?»
И голос –
словно стон.

* * *

Ни единого поздравления
в день рождения моего...
Громыкает на кухне поленьями мать,
а окна полны синевой!
Пред глазами моими круглая,
черной жестью
обитая печь –
и душа
кажется мне
обугленной...
Вниз лицом снова хочется лечь!
И, закрыв глаза,
вспомнить, вспомнить
что свершить
довелось в сорок пять?
В покосившемся,
стареньком домик
только мать рядом,
добрая мать!

НА ЗАКАТЕ

Целует солнце девочку в лицо,
щекочет нежно-розовые щеки...
Мальчишки катят в речку колесо
и, радостные,

плещутся, хохочут.

Старуха исхудавшею рукой
расправила на лбу своем морщины,
упавший луч полоской огневой
распался в них
на мелкие лучины.

Она прядет,
у ног ее клубком
играет кот,
с водой блестит корыто,
и самовар,

надраенный песком,

как отколовшийся от солнца слиток!

Горшок щербатый красною трубой
дымит над крышею позолоченой,
стекает луч с антенны золотой,
и в окнах блики красок
вдоль изгороди тихих огородов,
подсолнухи,
как сотни солнц,
цветут...

И кровь моя
по жилам колобродит!

* * *

Кони у речки заржали,
слышен заливистый лай...
Былка крапивы мне жалит
руку,
хоть пальцы кусай!

Вот он

куда затерялся,
мяучит смешно под плетнем.

Сын же ко мне привязался,
звал все:

пойдем и найдем...

Глажу пушистый загривок,
зябко котенок дрожит,
днем был веселый, игривый
не верилось, что убежит...

Вижу в крапиве,
в колючках,
светится точкой сверчок,
рядом луны

бледный лучик

тянется наискосок...

Тихо в проулке заросшем,
в окнах мигают огни...

Завтра уеду,

все брошу –

кончились праздные дни.

Кончился отпуск...

В железный
город вернусь я, домой,
буду вздыхать бесполезно о лете,
где жил я босой!

* * *

В снежном таянье искр –
решеток железная завязь...

Миллионный Новосибирск
молодеет на зависть!

Над высокими белыми дымами
и над стрелами улиц
ты мне шепчешь:

«Не разлюби меня,

умница...»

Просишь ты:

«Пронеси меня

по проспектам широким

над разливом дня

синеоким...»

Март...

И в лужах нечаянных

зеркала серебристые

отражают отчаянно небесное,

чистое!

В снежном таянье искр
на решетках железных
дремлет Новосибирск
снежно-нежный!

* * *

«Плюс»,

«минус»

по краям земли:

олени здесь

да корабли,

и месяцами холода –

от них куржак на проводах.

И что ни сутки –

то метель...

А Вы –

за тридцать земель:

там, где под солнцем виноград,

и летний праздничный наряд,

и плеск волны,

и плач зурны, –

скучаете теперь одни...

«Плюс»,

«минус»

по краям земли,

а мы друг другу

так нужны!

* * *

На дверях надпись: «Сектор учета»,
папки, книги...

По стенам – сад:

зелень майская ветками вьется!

А за окнами – снегопад.

Я прошу:

«Отпечатайте, Люба,
мне решение Дорсовета...»

И глазею: в корзинах повсюду
аспарагусы с пальмами светят.

На подставке сияет

бегония,

расцвести собирается кактус!

Словно в комнате летняя звонница...

Улыбнулся:

«...у вас тут прекрасно...»

Коло!

Коло – тростиночка тонкая,
горделивый

роскошный цвет!

Секретарь-машинистка,

и только-то:

грациозна,

без ярких примет.

В ней загадочность от хризантем,
что на окнах слегка отцветали,

и от розовых цикламенов

с нежнейшими лепестками!

Волос светлый,

зовут просто:

«Люба».

Все здесь в комнате

дорого-любо!

* * *

Окно свистит,

балкон скрежещет,

бьет крыша сорванным листом...

И неподвластные мне вещи

в ночи творятся за окном.

Весь мир раздет

и, как в отместку

то воеет волком,

то поет...

На сотни, сотни километров

пурга неистово метет.

Я вижу:

речку заметая,

дома и голые кусты,

снега звериной

злойной стаей

бросаются из темноты!

Быть может,

кто-то, обессилев,

сейчас, кляня всей жизни путь,

прилеж в кювете,

как в могиле, заснул

..Снег сыплет холм на грудь.

Но и моё жилище стонет,

И ветер шквальный, оболдев,

швыряет вихорь многотонный,

меня до ниточки раздев!

* * *

Изба завьюжена до крыши,

блестит нетронутый снежок...

Хоть закричись –

а кто услышит:

ворота заперты,

замок.

Поверху ставней неказисто

крест-накрест доски на гвоздях,

и ветер дьявольский со свистом

гудит в высоких проводах.

Не слышно,

как обычно,

лая –

Тарзан молчит,

Тарзана нет.

И от луны на снег стекает

такой холодный,

желтый свет.

Ещё не ночь,

в проулке тихом

в домах мигают огоньки.

Вот чей-то пес залаял лихо,

и скрип,

и говор,

и смешки...

Чего ж стою,

как одержимый,

пойти,

спросить –

ведь много раз

уехать к дочери на зиму

хотела...

Может, так сейчас?

ПОЗЕМКА

В поле в потемках

поземка метет...

Кто ни проедет,

кто ни пройдет –

метлой заметают...

Хоронит следы...

Можно бесследно, навечно уйти!

* * *

На пригорке
у тихих раки
звездной ночью не дремлют радары,
и ракеты готовы,
как щит,
отразить грозовые удары.
А планета натружено спит,
небо с края
зарею окрашено:
где-то снова расплавлен гранит,
взрывом смерти
земля ошарашена.
Клубы дыма и стоны,
и кровь,
крики ужаса не человечьи –
и проклятья насилию вновь
на арабском,
восточном наречье...
Выпал снег,
он холоден и чист –
утро празднует вновь обновление.
И радары у голых раки
слышат мирной земли
пробуждение.

* * *

В куржаке сплошном березы
смотрят в синие снега –
затаенны,
осторожны
зимней жизни берега!
Зябко дремлет куст над речкой
в белой шапке набекрень,
прорубь светится колечком
и парит дымком весь день!
В небе дымчатом,
безликом
в полдень солнца не сыскать,
оттого,
наверно,
дико
хочется и мне скучать!
Слышу дальний скрип полозьев,
храп коня, веселый лай!
Стало к вечеру морозней –
ворот шубы поднимай!
Вот вдали закат лиловый
засветился в облаках,
снегири горят багрово
за оградой, на стогах!
Пролетает мелкий иней,
застревает на сосне...

И качает сумрак длинный
ветки в долгом полусне.
Тихо в воздухе морозном,
месяц наострил рога...
Опечаленно березы
смотрят в стылые снега.

* * *

Не спится мне.
Пальто одел
и вышел на мороз...
Небес безжизненный предел
мерцает в свете звезд.
Снежинки,
словно светляки,
мелькают в тусклом свете,
и фонари, как пауки,
их собирают в сети.
Плывут седые облака
через ущербный месяц...
Тоска,
холодная тоска
на целом
на божьем свете
Пустынна улица, Сквер пуст –
все тропки замело,
и под ногами мерзлый хруст
знобит,
скребет назло!
Чего минуты эти стоят?
Покоя нету никогда!..
Вверху с понятною тоскою
поют и плачут провода.

* * *

Сколько лет ты ходил по откосу
пропасти,
что грозила из тьмы,
лишь смеялся в лицо на вопросы,
заявляя:
«Такие вот мы!»
Удалые, хмельные красавцы
каждый день у толпы на виду –
ну зачем вам казнить себя,
хвастать,
а потом –
каяться за беду.
За беду,
ну а пуце –
за вольность,
что транжирила юность твою.
И кричал много раз я: «Довольно!

Стой!..

Опомнись,
ведь ты на краю!»

Ни семьи,
ни работы,
ни дома
у хмельных и красивых ребят –
даже нет настоящих знакомых...
И глаза их с похмелья грустят.
Да, окончилась юность –
седины
раньше лет осветили виски.
Бесшабашной судьбою судимые,
вам никто не подаст и руки.

* * *

Посадили,
отмаялся...
Было некогда спать:
все крутился,
как маятник, –
хапануть
да урвать.
Обмануть,
сделать лишку
в свой карман
да домой!
Весь, до грамма,
умишко
прокоптел чернотой.
А была поначалу
просто жадность
да спесь,
но душа все мельчала:
«На копейку
обвесь!»

И копейка брэнчала
и слагалась в рубли.
Жизнь трясинной дичала,
кто-то звал:

«Не губи!»

Так лет десять,
пожалуй:

кольца,
перстни,
часы...

Золотишко,
как жало,
будоражило сны.
Посадили...

Отмаялся...

Время есть отдохнуть
поразмыслить,
покаяться
и спокойно заснуть.

* * *

Престолы, мундиры –
вождям и пророкам...
Так было вовеки,
кого ни спроси.
Двуглавый орел,
лев на гербах да сокол –
высокопочтимость цвела на Руси
Я вижу себя в тех годах скоморохом,
смутьяном опальным –
святым во Христе
и, слушая ныне свергающий грохот,
молюсь, моя Русь,
на спасенном кресте.
Я выжил душою из мрака застоя,
и мне моя вера –
превыше свобод:
не нужно ни деспотов нам,
ни героев –
мы все себе боги,
мы все из господ.
Сударыни, судари,
честью хранимы,
в униженный век наш
да станем горды!
Но нас ожидают крещенские зимы
и распри, и ссоры,
и громы пальбы.
Арал и Байкал мутным взором глядят,
как черные реки в их воды спешат.
Мир болен сегодня –
мне застали взоры
невзгоды,
в полях лебеда и сорняк...
Разруха кругом...
Как уйти от позора?
О Русь,
где он в небе,
спасительный знак.

* * *

Что хотелось,
то и пелось
просто так,
вполголоса...

Не заметил:
пришла зрелость,
серебрятся волосы!
Не хочу я краснословить,
воду в души лить –
от частушек и пословиц
путь к стихам торить.
В свой талант пора поверить,
пусть мне не везло,
но зачем за плотной дверью
прятать барахло?

Брошу все!
 Пойду по миру,
ноги в кровь собою,
 обрасту...
Святой и сырой песнь свою спою!

* * *

С высоким челом,
 в белой смертной рубахе,
толпу раздвигая,
 идет наперед...
Сверкает топор над широкою плахой,
и даже oprичник от страха икнет!
Русь древняя,
 с силушкой злобно-огульной,
тебе присягали цари и вожди,
но ты не щадила умов богохульных
и кровью с небес проливала дожди!
Я вижу, как Пушкин сражен бессловесной,
завистливой злобой
 на жженем снегу,
как в крепости сходит с ума Достоевский,
как скрючен Есенин в смертельном бреду...
Россия великая!

 Тайные вехи твои
 осеняли народы в веках!
Тебя прославляли Чайковский и Рерих,
но многих карала твоя же рука!
По лагерным тропам ГУЛАГа,
 по тюрьмам
прошел Солженицын
 и много других...
Борис Пастернак покидал мир угрюмый,
где смертью за правду карается стих!
Россия!

 Россия!
 Доколе, доколе
вершиться разбоям
 и казням в веках?
Я смертный простой,
 но горжусь своей волей,
и я не смирюсь
 с черной злобой никак!

* * *

Мгла ещё зарёй не потревожена,
И в ночи ни крика, ни гудка...
Месяц –
 словно белый конь
 стреноженный,
и туман – теплее молока.
Мало мне полночной звездной тайны,
не хватает солнечного дня!
Кажется ничтожным и случайным
то, что сберегла жизнь для меня.

Часто посягаю на чужое,
а свое без боя отдаю...
Млечный Путь дорожкой золотой
светит мне у бездны на краю.
Месяца полночный свет
печальный
золотит остывшее жнивье...
– Где отгадка жизни,
 в чем случайность,
что меня в конечном счете ждет?
Чую разобщенность,
 отчужденность
между небом,
 мною и землей...
Где же связь? –
 И ночью я,
 и денно
все ищу свой ключик золотой.

* * *

В Америке живут два миллиона,
два поколения русских эмигрантов,
их имена планете всей знакомы:
ученые... поэты... музыканты...
О, Русь моя,
 ты светлые умы
поразбросала по чужому свету
за то,
 что в бурях северной зимы
они несли нам правду беззаветно!
Достойнейших художников, певцов –
униженных ты выставляла в двери...
Честнейших и мудрейших из отцов
травила в лагерных застенках зверский
И не один великий музыкант
там, на чужбине, пел тебе лишь гимны.
Что ни изгнанник Родины –
 талант,
за кровную любовь к Руси судимый!
Но сколько и спортсменов, и певцов,
ученых вновь подались в эмигранты...
И шлют они на Русь со всех концов
любовь сыновью
 изгнанных талантов!

* * *

Явью мне стали сниться
приметы далеких годов:
то фараон в колеснице
по ипподрому промчится,
то порох из пороховницы
насыпаю для дробовиков.
То стрелы каленые тайно
прячу в колчан до поры,

* * *

Люди маски снимают с лица,
говорят без оглядки,
с улыбкой,
но не верят еще до конца –
как бы не было новой ошибки.
Проклинали жестокость и смерть,
звали совесть к ответу
и разум...

В лагерях приходилось стареть,
умирали от всякой заразы.
Беззаконье вершило суды,
справедливость казнило и правду...
Божий голос сулил с высоты
рай посмертный

несчастливым в награду.

Мы боролись с предательством,
злом,
слали просьбы к вождям и пророкам.
Вот и время расплаты пришло,
ведь свобода молчала до срока
Люди маски снимают с лица,
говорят без оглядки,
с улыбкой.
Но не верят ещё до конца –
Как бы не было новой ошибки.

6. ИМЕТЬ ЛИЦО

* * *

Сестре моей Анне

Все мы родом
из полей рассветных,
деревень забытых не вернуть!
Почему,
крестьянские мы дети,
к родине своей
забыли путь?
В миллионном городе
гремящем
я не вижу неба,
близких звезд.
Дом мой, где живу, –
похож на ящик,
не пройти в подъезде в полный рост,
Столько разных лиц в нем!..
Незнакомый
говор на чужом мне языке...
Улица бурлит, несется колом,
словно зверь в неистовом прыжке!
Одиноко так живу,
без рода,
вдалеке сестра
и где-то брат.

Говорить смешно о первородстве,
возвращаться некуда назад.
Той избы над речкой светлой,
узкой

нет в помине:

ямы да бугры...

В свежих травах на равнине русской
прошлое свое не сберегли.

Потому и нищими плутаем
по дорогам в пыльных городах,
ни заветов,

ни молитв не знаем –
иногда лишь детство
видим в снах!

* * *

Когда под вечер
дома, раздеваясь,
снимаю бремя всех дневных забот –
особое блаженство ощущаю:
я независим, честен –

я не тот,

кто днями чьи-то роли выполняет,
по плану дышит, ходит,

в чем-то лжет

Порой таких,
как сам,

в поту гоняет,

а для чего –

отчета не дает.

И вот во сне кажусь себе уродом
отступником от веры,

я – злодей!

Я мучаюсь в сомнениях до восхода,
жалею мной обиженных людей,
Безлистным деревом

в весеннем звоне

стою на зеленеющем лугу,
и слышу марш печальный –

так хоронят,

кого хоронят –

вспомнить не могу.

И просыпаюсь тяжело среди ночи
и думаю: какой я идиот –

живу так глупо –

этого кто хочет?

Ведь я же честен, смелый –

я не тот!

* * *

Живу не так,

как сам хочу,

и в том нелепость!

Зажечь бы надобно свечу –
гляжу так слепо.
Я не любил всегда людей
с лицом под маской,
а сам
 забыл иных друзей
 и чьи-то ласки.
Я часто говорю не то,
иду с оглядкой,
скрываюсь,
 я – инкогнито,
 играю в прятки.
А как хотелось б дорожить
 своим талантом!
Зачем в себе мне тайно жить,
 как эмигранту?
Душа изныла,
 тяжко ей...
Из заточенья кричу себе я:
 «Дуралей, к чему терпенье?..»
Кричу: «Холопом сколько быть
 под небом вольным?
Пора и честью дорожить, и жить
 достойно!..»

* * *

С просветленной синью в поднебесье
открывает март большой простор...
А метель еще ночами бесится,
дышит по утрам мороз в упор!
Днем тепло...
И в миге полусонном
затаился черноватый лес –
ветки приподняв,
 следит за солнцем.
Светлый иней на кустах исчез...
На поляне,
 возле серой кочки,
вытаяла ямка –
 пар встает...
И поет синица что есть мочи,
что пора иная настает!
В дымке утра тетерев токует
и зовет соперников па бой!
И зайчиха с зайцем уж толкуют,
что для шубок
 цвет пора другой.
И лисица оставляет норы:
капает снег теплый с потолка,
слыша крики птиц
 и близкий шорох,
напрягает тощие бока.

Лес проснулся...
 Стали шире дали...
С просветленной синью
 небеса!
Не напрасно март желанный ждали
с радостью
 уставшие глаза!

* * *

Цель юных –
 самоутверждение!
И первые твои шаги
 в безбрежный путь
 есть наслаждение
от встреч, пожатия руки.
С годами путь труднее,
горше...
Я манны с неба не хватал,
светлея в праздник,
 в будни горбясь,
свое без устали искал.
Я собирал себя по крохам,
читать науки в лес бежал
и, слыша тяжкий пульс эпохи,
себя спартанцем воспитал!
Окончил институт и долго
преподавал,
 учил себя
и, презирая в людях подлость,
усвоил: жизнь – во всем борьба!
И, видя горечь предрассудков,
а рядом правды торжество,
осознавал свои поступки,
предназначение свое!
Теперь в осеннем поле грустном
снег первый,
 озимь и жнивье
в моей груди рождают чувство
любви –
 и нет сильней его!
Да, были взлеты и везенье,
но и рассветы лучших дней
не разогнали всех сомнений
в душе бунтующей моей!
А мне сегодня пятьдесят!
Сплю в закутке на раскладушке,
и утру каждому я рад –
и презираю равнодушных.
Считаю главным из достоинств –
иметь лицо, живую страсть,
чтоб в дни побед, не успокоясь,
звезду высокую искать!

* * *

Порой не различаю грань
меж подлинным,
его подменной...

Прошу я:

«Справедливость – грянь
и суд сверши свой над изменой!»
Творцы не требуют доплат,
они живут в любви великой,
один растит, лелеет сад –
другой же в нем
живет владыкой.

Одни построили дворцы –
другие осаждают троны...

И разберись:

кто храбрецы,
а кто –
всего лишь скорпионы!

Того,

кто не проспал зарю
и в свежих росах шел за плугом,
за трудный хлеб благодарю,
он с детства стал мне другом...
Оттачивают годы грань
меж подлинным,
его подменной.

И все же:

«Справедливость –
грянь!

Поставь двучичье на колени».

* * *

Налетают ветры...

Улетают...

Стынет в речке тихая вода...

То же небо...

Те же птичьи стаи...

Ну когда душой займусь,
когда?

Делаю не то,

хожу кругами
в суете обычных дел,
хлопот.

Развожу беспомощно руками,
как успеть –

забот невпроворот!

Все тяну

и жду иного срока –
вот закончу спешные дела
и займусь собой –
полюются строки,
как жила душа,
чего ждала?

Отзовусь мольбой,

ответчу сердцем

на вопросы жгучие мои,
в тайный мир свой

приоткрою дверцу,

расскажу о таинствах любви.
О любви в том дальнем Первомае,
о березе белой над крыльцом,
самого себя не узнавая,
посветлею взглядом и лицом!
Вспомню:

есть на родине могила,
что грустит в той роще за селом...

Прошепчу:

«О господи всесильный,
почему без веры мы живем?»
Как давно на родине я не был.
Боже, как спешат, летят года...
...Те же птичьи стаи,

то же небо,

та же в речке стылая вода!

* * *

Я праздность с детства не люблю,
точнее –

даже ненавижу,
когда о том Вам говорю –
я снова маму вижу.

Я вижу черные поля
весной в грязи холодной,
там прячет колоски стерня –
нас четверо голодных.

Я вижу плуг и борозду –
бредет буренка наша,
ее тащу я за узду,
а мама палкой машет...

Копаем в мае огород
и старую картошку
печем на печке,

в саже рот,
крахмал сластит немножко...
Теперь не вспомню:

в чем была,
что в эти годы мама ела,
пока не кончилась война –
за стол к нам не присела.

Когда спала,

не видел я,
и день и ночь
в работе...

С тех пор, скажу я
не тая,
я знаю цену пота!

* * *

В поздний час у окна
в темноте
из-за шторы гляжу я с опаской:
кто кричит там,
 чего захотел?
Пьяный голос все громче,
 все властней.
Сколько вылезло мрази на свет –
разношерстной,
вонючей,
 кричащей...
И покоя нигде уже нет
от разбоя и брани разящей.
Малолетки –
 и те, озверев,
сбились в стаи,
 идут по подвалам.
Курят... пьют... а потом, охмелев,
прут по улице нагло, навалом.
Там побили мальчика, там, раздев
пьяного,
изорвали все вещи...
Вот, на руки браслеты одев,
 старика по щекам в сквере хлещут...
Две девицы мордастые в ночь
вышли –
 женщин раздеть припоздавших,
рядом парень, который не прочь
их прикрыть в случае неудачи.
Изнасиловать или убить –
нынче стало явлением обычным:
как же честному люду прожить?..
Кто на помощь придет беззащитным?

ФАНАТИЗМ

Г. Н. Пономареву

Он жил никем не замечаем
и утешался только чаем...
И, как монах в забытой келье,
презрев и отдых
 и веселье,
трудился в поте он лица –
трудился,
 будто бы молился,
и лишь под утро спать ложился...
И не было труда конца.
И умники –
 лишь усмехались,
а дураки –
 те издевались...

Жизнь за окном звала,
 трубя,
весельем,
 радостью,
 цветами...
Но он,
 закованный мечтами,
им отдавал всего себя!

* * *

Вчера ручьи звенели,
и скверы подсыхали,
скворцы на всех свирелях
синь неба прославляли!
А ночью пал озимок
и улицы,
дома –
белым-белы.
Незримо
опять пришла зима.
Снег милостию божьей
украсил вновь поля,
и с непонятной дрожью
стынут тополя.
С утра на небе хмуро,
с темна на сердце – грусть.
Смотрю в окно понуро,
в себе не разберусь!
Мое наследство серое
всех буден и забот
прикрыл снежок...
 Но верю я,
что май мой расцветет!
Да, в белый цвет я верю,
но не в холодный снег,
а в веточку сирени
и половодье рек!

* * *

Я трогаю яблоню в белом цвету,
слегка прикасаясь губами
к ее лепесткам...
 Пусть меня не сочтут
жеманным. О боже, избави!
В своем я саду,
 от весны охмелев,
свои изливаю сомненья...
И, словно крестьянин,
 вожусь я в назьме,
забыв о болезни и лени.
Я в должности важной,
 а ныне смешной,
всю жизнь протрубил...

Я учитель,
и только весной,
самой ранней весной
желанья мои так мучительны!
Люблю я свой сад не за сладостный плод,
хотя ем горстями малину,
люблю наблюдать древний таинства ход,
где все обновленье едино!
Здесь ветка любая,
любой стебелек
цветет,
распускается,
дышит...
А завязь плода –
непорочный сосок,
дарованный свыше!
Природа умна,
в ней законы свои,
и тем целомудрие свято.
Губами касаясь,
шепчу о любви
я веточке,
цветом объятой!

* * *

Бываю замкнут, недоволен,
А иногда – совсем безволен...
Чем объяснить, как разгадать,
Как самого себя понять?
Какая блажь в меня закралась,
а может, старость
и устал?

Но нет!

Вскипает в сердце ярость,
сжимая мускулы в металл.
Лицом светлею,
Пробуждаюсь
от сна, замкнувшего меня,
любовь и гнев,
во мне рождаясь,
плывут,
потоками звеня!
И нерешительность,
сомненья
сметает вдохновенья бред,
и счастлив в эти я мгновенья,
вновь народившийся на свет!
За этот миг,
за миг единый
на белом свете стоит жить,
что для других недостижимо
теперь могу я совершить!
Когда же, пережив волненье
и сладкой мукой напоен,

впадаю в долгое забвенье –
то жизнь мне кажется как сон.
Опустошенный и безвольный
коплю вновь силы,
жду свой час,
а коль бываю
недоволен,
то на себя,
а не на вас.

* * *

Там,
в степи запутанной,
ночной,
было мне светло,
не одиноко...
Почему же город мой большой
смотрит слепо
из заснувших окон?

Там,

над степью, тысячами звезд
наклонялось небо надо мною,
не скучал под ними я,
не мерз,
ждал зарю со светлой головою.
Почему же в городе опять
я немею,
мучаюсь в сомненьях?
Почему так тяжело дышать?
Словно жизнь моя –
лишь сновиденье.

* * *

Надвинулось небо сплошной чернотой,
и вечер недолгий окутала ночь...
И я не пойму:

что творится со мною?
На сердце темно,
кто же может помочь?
А в воздухе близкою пахнет грозой,
и длится томительный
призрачный миг.
Быть может, душа обольется слезою
и вновь посветлеет?

Весь город притих...

Но нет и ни молнии,
нет и ни грома –
а воздух бездвижен,
как в бане, горяч...

И сжался я капелькой в мире огромном,
и так одиноко,
тоскливо – хоть плачь.
Вот ветер рванулся!

Погромно и душно,
как смерч,
пыльной бурей ожег.
Затихло...
А гром тишины не нарушил...
И дождь все не шел
и не шел...

* * *

Да, весна та
давно отшумела
и с собою тебя унесла...
На песчаной косе
нежно-белой
лишь ненужный обломок весла.
Я и прав,
и жестоко наказан,
ну а ты
предпочла славный плен,
где тебя ждут достаток и связи,
как толстовскую куклу –
Элен

Жаль, не выгреб я против течения,
закружило меня,
унесло,
и в насмешку –
не в утешенье
речка выбросила весло!

* * *

Женщина смеется в тишине –
задушевно,
ласково смеется!
Вечер изумленный
онемел,
смех ее в пространство,
к звездам льется...
Женщина смеется озорно,
с радостью какой-то неизбывной,
кажется –
проклюнется зерно
и прольются в майской ночи ливни!
Женщина смеется долго так,
что лицо мое
вдруг посветлело...
И стою,
заслушавшись,
чуждак,
музыкой,
которой нет предела!

АННА

Старинное русское имя –
в нем слышу напевную Русь,
придуманно, верно,
святыми.
На девушку не наглажусь!
Роскошные волосы льются
с каштановым блеском
до плеч,
и в поступи сны отдаются,
с загадками мудрая речь!
Есть гордость лебяжья в осанке,
в сиянии звездном глаз!
Колени с загаром южанки,
и платья тончайшая вязь.
А губы зарею пронизаны
из первых весенних лучей.
Таких приходилось под ризами
мне видеть в хоромах церквей!..
Добра и внимательна взглядом,
и все ж далека-далека,
идешь величаво ты рядом,
держа голубых два цветка.
И царственно,
с легким поклоном,
поводишь своей головой...
Мне кажется:
толпы влюбленных
идут и идут за тобой!

* * *

Лучи осеннего заката не греют,
лишь ласкают взор...
Так Вы,
красивая когда-то,
в сиянье нежном до сих пор!..

НА КОНЦЕРТЕ ВИШНЕВСКОЙ

Над залом всплывает цыганская ночь,
и призрачно светится сцена!
Волненья в предчувствии
не превозмочь:
скользишь ты легко,
полутенью.
Таинственный шепот,
вещающий стон,
и вздох отрешенный
и страстный –
отчаяньем близким,
похожим на сон,
вливается в душу мне властно!

Ты дочь этой ночи,
ты смуглая дочь,
рожденная в свете зарницы, —
заворижи,
обмани,
напророчь —
пусть нежность иная приснится!
Все шире по сцене растет полусвет —
ты медленно кружишься в пляске,
все резче,
все яростней звук кастаньет,
и голос раздольней и властней.
И вот уже песня, портьеры тесня,
излетела,
метнулась над залом!
Гитара, воспрянув,
смеется, дразня,
и скрипка рыданьем пронзает!
Стан стройный свивает
в пленительный жгут
воздушное,
алое платье,
в истоме зовущей
заломленных рук
мне чудится ночи заклатье!
А голос то негой неведомой жжет,
то вновь леденит, умирая...
Вот я возвышаюсь —
почти полубог!
Вот нищим бреду в отчет крае...
Он есть — рай любви!
Только, стоны сдержав,
ты никнешь, склоняя колени,
и вдруг запрокинулась навзничь,
дрожа!
И сцена померкла мгновенно.
Лишь слышен гитары неистовый гром,
а в нем ожидание молнии!
Но свет электрический вспыхнул кругом,
и сердце смятением полнится.

* * *

Печальна осенью вода,
камыш звенит без ветра...
И в ряске цепкой невода
переплелись так крепко!
А тучи ниже
и темней,
на волнах хлопья пены...
Я, застегнувшись поплотней,
пью чай с травой отменной!
Костер ослаб,
едва чадит,
в нем пламя тихо тает...

Приятель мой вовсю храпит,
а я раздумьем маюсь.
Да, я давно в твоих сетях.
На горе ли,
на радость?
Витаю где-то в облаках,
а приземляться надо.

* * *

Не знаю:
может, я и счастлив —
ведь я любил,
был сам любим!
Вновь разрываются на части слова,
а мысли —
словно дым!
Живу в отличнейшей квартире,
но утром добрым,
голубым
мне не хватает в этом мире
родства —

и я иду чужим.
А без друзей тоска, что вечер,
ее и высказать нельзя,
ее забыть,
запить —
да нечем,
на водку не глядят глаза!
Сердца,
хандрящие от скуки,
и пулей можно излечить.
На разум не наложишь руки,
здесь нет дилеммы:
«Быть — не быть?!»
Иному самоутверждение: семья,
работа
да доход.

А я подчас до униженья
растрачиваюсь,
словно мот.
Стихи —
они во мне пожарищем
горят!
Душою я в огне...
И без друзей, и без товарищей,
И ничего не жалко мне.

* * *

Меня карает тяжкий грех,
и я без сна ночами маюсь,
а за стеной соседней
смех
и музыка...

Я проклинаяю
тот день и час,
когда увез
в субботний день на дачу сына.
А он недомогал всерьез,
на это были и причины.
Он болен был уже,
а я
его гонял в потливом деле,
и он,
обиду затая,
с трудом тогда работу делал...
И вот в ночи гудит мотор,
на крыше жесть скрежещет тонко,
и ветер,
продувая двор,
все плачет под окном ребенком...
Меня сечет возмездья плеть,
стучится в лоб больной
молитва,
и боязно в окно смотреть –
лицом в подушку бы зарыться!

* * *

Расчесаны леса хмельные
осенним ветром дождевым.
И кружат листья золотые,
и липнут к сапогам моим.
Дорожки травяные блеклы,
петля в рощице пустой,
то вдруг сойдутся, то сослепу
исчезнут перед пахотой!
А на опушках величаво
еще красуются грибы...
Вот куропатки прокричали...
Журавль в болоте протрубил...
И снова тихо, одиноко.
Бездвижны стаи облаков.
Колени от росы намокли,
и я идти назад готов...
Спокойно лугом возвращаюсь
туда,
где домик над рекой.
Там ждут на ужин –
мой товарищ
и егерь
с рыжей бородой.

БЕРЕЗА

Возвратилась ко мне тоска
по полям золотеющим в полдень,
по прожилочкам желтым листка
и по ведрам, брусникою полным...

Мне береза припомнилась вдруг,
старая,
с огрубевшей корою,
там, где речки сверкал полукруг,
поднималась она над горою.
Каждый вечер в кроне ее –
несмолкаемый птичий гомон.
В каждом листике песня живет!
В каждой веточке – мир огромный!
И всегда,
в ливень летний иль зной,
укрываясь под сенью березы,
слыша щебет иль ветра разбой,
становился я тише, серьезней...
Я не видел оркестров тогда,
никаких я не слышал симфоний
в тех, войной оглушённых годах.
Только эту берёзу и помню!

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ

Губин Андрей и Абрамов Андрей
на войну уходили вместе,
в сорок третьем, под Харьковом,
в страшном котле
пропали без вести оба,
а в конце войны, за год раньше всех
объявились неожиданно в деревне.
Без погонов в шинели приплелся один
по пыльной дороге в мае
из германского плена, из концлагерей,
с территории Югославии.
Второго в июне милиционер
выследил на заимке заброшенной,
дезертиром скрывался полгода он,
словно волк в своем логове.
Гремела еще, убивала война
там, вдали, за багровым закатом...
Эти двое, как призраки, жили меж нас –
мы их все ненавидели молча.
Губин Андрей, узник концлагерей,
заговаривал с первым попавшимся,
но его сторонились, презренный плен
был плевком перед памятью павших!
Абрамов Андрей, прятавшийся в лесах,
пооброс и покрылся коростой,
сидя в погребке, полуослеп
и скрывался теперь за погостом.
Не убили его, хотя б надо убить,
руки пачкать о дрянь не хотелось –
да в избенке его трое малых детей
о хлебе голодно скулили...

Не встречаясь между собой
(хотя были дальние родственники),
узник и дезертир по утрам,
как собаки плешивые, за целебной травой
пробирались в поля незаметно.
Сено косили, рубили дрова
и ловили рыбешку в озерах,
и домой возвращались впотьмах,
укрываясь от гневных взоров.
И тот, и другой были кости да кожа,
только узник концлагерей
был задумчив всегда и взгляда не прятал,
и большой его лоб был упрям и высок!
Дезертир шелудивой собачкой
с угождающей позой перед всеми юлил,
кланялся, извивался, как червь,
или чаще во двор быстро прятался...
Пришла Победа! Вернулись с фронтов
шесть гвардейцев да пять калек
(на семьсот деревенских дворов),
и напротив избы дезертира
объявился Козьма с деревянной ногой.
Костылем сучковатым махая,
выгоняя коров по утрам, заявлял:
«Сгинь же, тварь ты поганая...»
Ясно: то не коровам вослед –
а в лицо дезертира напротив...
Недолго так было:
осенней порой
дезертир на рыбалке из лодки вывалился
и, в сети застряв,
захлебнулся в грязище холодной...
А сосед через год,
весной,
в гимнастерке на Май появился,
на груди его впалой, больной
орден Славы солдатский лучился!
Громко ахали все...
У Андрея глаза
светились достоинством,
честью –
про себя в подтвержденье газету читал –
про бои в сорок первом у Бреста...
Год прошел...
И с Восточного фронта
сын вернулся – бравый танкист,
стал открытым их дом для гвардейцев
и с застольем и с пляской под свист!
В гимнастерках все,
при орденах,
чай тянули с заваркой на травах
и шутили над тощим Андреем,
обещая к знахаркам направить!..

Да, судьба такова:
горечь с узника сняв,
клеймом оставила кости да кожу,
хотя в доме был полный достаток –
мед, топленое молоко
пил Андрей каждый день для поправки.
Но напрасно – еда впрок не шла:
на всю жизнь он голодным остался,
худобой за версту виден был
и под вечер, ослабший, шатался.
День за днем все желтели упрямей
желваки на щеках –
пробил час!
В сенокосную, жаркую пору
увезли его в госпиталь в Омск.
А потом слух пронесся: «Рак!...»
От осколков в теле,
зазубренных,
что в спине рубцевались подряд,
воспалились, открылись раны...
Привезли его вскоре назад
в безнадежном уже состоянии,
и не стало соседа под осень –
хоронили всем миром его.
И теперь,
только вспомню войну –
предо мной детство бедное, мама...
и людские лихие страдания...
и глаза женщин, полные слез...
До сих пор, вспоминая войну,
вижу я похоронку отца,
вижу улицу вновь деревенскую,
где крадутся во тьме ко дворам,
словно призраки, два Андрея,
так похожие – кости да кожа.

* * *

Не знаю сам –
чего ищущу?
И, разрывая
прядь тумана,
росою ноги полощу
в лугах
на зорьке ранней!
Здесь,
на мостках,
белей, чем снег,
теряют гуси пух печальный.
Скользит паук –
красив разбег
на глади огненно-зеркальной...

Так ярко август золотит
камыш прибрежный и осоку!
Клин журавлиный
 вдаль спешит,
напоминая людям сроки.
И гладит медленно рука
настил дощатый,
 влажный, стертый...
Но нет поклёвки поплавка.
Взяв удочку,
 иду на горку.
Вдоль огородов конопля
в ладони семя осыпает...
Вот дом твой...
 Вижу тополя,
твои причуды вспоминаю!

ВАС ПРИВЕТСТВУЮ

Профессору И. М. Чередову

Был в школе у нас историк –
в годах,
 лысоватый и чинный,
на равных с ним
 часто спорили
о житье нашем бедном,
причинах...
Знал он больше,
 чем в книжке «История»,
знал он правду –
 и тем рисковал.
Лоб лучился под шляпой,
 которую
он с поклоном при встрече снимал.
И со всеми, смешно так,
 с поспешностью
здоровался всякий раз,
восхищало особой нежностью:
«Я приветствую, юноша, Вас!»
«...Вас приветствую!..» –
 вздрагнет в испуге
расшалившийся мальчуган.
«Вас приветствую!» –
 тихнет грубость,
и окурки летят к ногам.
«Вас приветствую!» –
 вспыхнут щеки,
под ладонью сожмется плечо...
И никто не услышит упрека
о стекле, выбитом мячом...
По истории не было двоек,
да и их не должно было быть –
открывая в каждом достоинства,

нас учил он
 собой дорожить!
И, шутя
 об истоках истории
и о жизненном месте в строю,
говорил о путях непроторенных
и о встречах в далеком краю.
Убеждал: революция вечна,
 жизнь – борьба, будьте смелы в бою.
Школа, школа,
о, как ты далече!
Мой учитель, ты с нами в строю!

* * *

Срываясь стрелами амура,
сгорают звездочки лихи!
Но почему ты смотришь хмуро:
нам всем отпущены грехи.
Велик бегун,
 велик художник,
и физик-атомщик велик,
ведь каждый через невозможное
вершин сияющих достиг!
А что в итоге?
 Одиночество?
Так нужно ль всех опережать?!
Мне в победители не хочется,
не буду гениям мешать.

* * *

Степь... Охалка колючей травы
покатилась по ровному полю...
Ах, как много вверху синевы –
столько
света,
 простора
 и воли!
Там, где речка течет Селита,
у огромно-соленой чаши,
обступает плотней темнота
две палатки –
 пристанище наше.
Все мигает в ночи Ачаир,
да сова над палаткою
 клыкает...
Я не сплю.
 Кто в кургане зарыл
человека когда-то великого?
Кто надгробных надвинул камней,
не камней даже –
 каменных глыбин.
Вижу я Байконур.

Кораблей
остовы,
что в стропилах вздыблены!
Может, здесь марсиане прошли
иль тунгусская снова загадка?
Задремал, звезды небо прожгли.
И плывет к ним моя палатка.

* * *

Дочь в Ленинграде,
а мать на Оби...
В длинные сумерки зимние
души далекие
в кровной любви
мечтают о ласке взаимной.
Шлет переводы с посылками мать,
шлет телеграммы и письма...
Но не торопится дочь отвечать,
не делится тайными мыслями.
В общем-то
дочь из отличниц,
добра,
матерью строго воспитана,
трудно за тысячи верст разобрать,
что с ней сейчас в общезитии.
Может, виновен университет...
Может быть, с юношей где-то...
Может, болеет...
Ответа все нет,
и окна у матери светят.
Светят в ночи –
молит нервная мать
от дочери весточку малую,
два бы словечка в открытке прислать:
«...Не беспокойся, пожалуйста...».

МЕЧТУ ЗА ДЕНЬГИ НЕ ПРОДАШЬ...

Иные денежки считают –
негусто денег у меня,
зато блокноты я листаю,
стихами грустными звеня!
Пусть небогата их чеканка –
ни злата в них,
ни серебра,
душа моя в них
наизнанку,
в надежде счастья
и добра.
Ищу упорно рифмы,
ритмы,
во всем найти стараюсь суть,
но столько ямин,

столько рытвин
обезобразили мой путь!
Пишу,
как будто спотыкаюсь,
ломая хрупкий карандаш...
И все же в выборе не каюсь –
мечту за деньги не продашь!
Ожесточенно вновь черкаю
и плечи гну,
ночей не сплю...
Листки купюрами считаю,
большими,
а не по рублю.

* * *

И не дождь,
но еще и не снег,
высыпался из низкого неба
град...
И ветра свирепый разбег
обещал:
к ночи ждите снега...
Я следил за движеньем вершин
одичавшего
леса
сквозного
и, желаньем одним одержим,
зажигал бересту в ямке снова!
Но костер, загорев,
тут же гас –
был валежник сырой,
полусгнивший.
И, наверное,
битый час
мучился,
на себя обозлившись...
Обдирая о ветви бока,
мчались конницей буро-лохматой
заиндедевские
облака
над моей одинокой палаткой!
Над погасшим костром
наклонясь,
грел дыханием стылые руки...
И протяжная песня лилась
в шуме леса
о скорой разлуке.

* * *

Таю в глазах печальный свет
под небом с дождевою мутью.
Грязь пузырит...

Дороги нет.
Осенней слякоти распутье!
А в сердце дивные слова
еще живут былой любовью,
но холодеет голова
и слиплись волосы над бровью.
И не пойму:
туман ли, дождь
накрыл луга,
окутал
речку...
Не сразу сердцем ты поймешь,
что мимолетно,
что извечно!
Я сам не верил в этот путь,
где ожидают боль, тревога.
Теперь назад не повернуть –
судьбой обещана дорога...
В проулок узенький вхожу,
и вот уже я у калитки...
Дождь сыплет, сыплет...
Я дрожу,
ведь я давно промок до нитки!

* * *

Льдистый дождь моросит –
или снег высевается?..
Город глух, город спит –
издевается.
Застегнусь поплотней
да пройду к Иртышу,
о тревоге своей
я ему расскажу.
Он могуч, хоть и стар,
добр и дружески прост,
и ему мой пожар
как наивный вопрос.
Много бед повидал,
гроз за тысячи лет,
но волною плескал
и рождал новый свет!
Он все беды топил,
зеленил берега –
столько веры и сил...
Обмелел лишь слегка.
И в ответ на вопрос,
на тревогу мою
светит тысячью звезд.
...Волны нежно поют.

* * *

Льдистый дождь моросит –
или снег высевается?..
Город глух, город спит –
издевается.

Застегнусь поплотней
да пройду к Иртышу,
о тревоге своей
я ему расскажу.
Он могуч, хоть и стар,
добр и дружески прост,
и ему мой пожар
как наивный вопрос.
Много бед повидал,
гроз за тысячи лет,
но волною плескал
и рождал новый свет!
Он все беды топил,
зеленил берега –
столько веры и сил...
Обмелел лишь слегка.
И в ответ на вопрос,
на тревогу мою
светит тысячью звезд.
...Волны нежно поют.

* * *

Казнили в древность
на кострах
за правду.
Ныне сами
себя сжигаем...
До утра
во мне бушует пламя
Зачем терзаем мы себя,
испепеляем мукой?
Зачем с самим собой борьба,
спокойней жить
не лучше ль?
Рассвет окрасит в бледный цвет
задумчивые крыши,
и станет день,
как полубред,
и суетой задышит...
Смогу ли
к людям я прийти,
душою к ним открыться,
смогу ли садом зацвести
и отразиться в лицах?
Смогу ли я облегчить день
хоть словом,
хоть улыбкой
и отодвинуть злую тень,
предотвратить ошибку?
Смогу ли?
«Быть или не быть?!»
Вот почему ночами
за право полной мерой жить
во мне бушует пламя!

* * *

В осенний сумрак,
злую грязь
с небес слетела лихо вьюга,
и белым светом занялась
под утро вся моя округа!
Забинтовались пни и рвы,
запеленались лес и речка.
И столько неги,
новизны –
но разве снег тоску излечит?
Пройдусь по первому снежку
он влажен, мягок и приветлив,
но ничего он не ответит
на то,
что в мыслях ворошу.
И только след, –
что мной проложен
в пустынный лес,
подскажет мне,
как одинок я...
Как тревожен
рассвет в родимой стороне!
Мир опять расчленен на отдельные
странные звенья.
Потемнел небосклон,
наполняя просторы смятеньем.
Первый снег,
теплый снег –
кружат белые хлопья...
Слышу ветра шального набег,
за рекой вдалеке
выстрел хлопнул!
Белизною омыт
горизонт полднейвой,
и стоит лес понурый,
безлистый.
Две синицы лишь рядом со мной,
слышу их невеселые свисты.
Это только ноябрь –
вся зима впереди,
шепчут губы беззвучно:
«Надейся и жди».

* * *

У крыльца сугробы намел
и в окно пурга
порошей дышит.
Тяжело на сердце,
тяжело,
если в трудный час
тебя не слышат.
Надобно одеться
и пройтись

в улицу,
лицом встречая ветер.
От других ты
сколько ни таись,
а себе придется все ж
ответить!
Тяжело на сердце,
тяжело,
и фонарь,
мотаясь,
тускло светит...
Да,
учительское ремесло
самое труднейшее на свете.
И конфликт пустяшный
невелик,
но учащийся ответил злобно,
он не прав...
А совесть мне велит
милосердным,
добрым быть до гроба.

* * *

В полусне проплывает фасад
полустанка.
Темнеет поляна...
Помню юность:
навстречу летят
города
и рассветы багряные!
Мир навстречу!
Смотрел я вперед...
А теперь
с грустью все провожаю.
Может, время обратно течет?
– Уезжаю,
опять уезжаю!

НАУТРО

Солнышко февральское пригрело
городок вечерний –
снег парил...
Утром встал я –
двор наш снежно-белый
майским садом окна озарил!
Белые кудрявые деревья
в инее сплошном
светлы, чисты!
Нежность,
непонятная и древняя,
в свете неподдельной красоты!
Иней!..
Иней!..

Пухом лебединым
облепил все ветки до вершин!
Непорочный,
высью обновимый,
мир блестит,
сияньем одержим!
Как в раю...
Двор чист и незаслежен,
на скамейках –
сказочная вязь...
Словно шлейф принцессы,
легок, нежен,
иней вьется,
в ветках растворясь.
Я стою,
боясь пошевелиться,
замер миг блаженной белизны.
Так порою
тайное приснится
с болью нежной,
с чистотой весны.
Неслучайно солнышко пригрело
день прошедший –
и снежок парил...
Кто-то свыше
праздник ярко-бел
мне на счастье нынче подарил!

* * *

Вечер теплится кротким покоем
меж деревьев
в просвете двора...
Но опять у ворот пьяных двое
начинают ругаться,
орать.
На скамейке бутылка,
стаканы...
И все громче,
все яростней мат.
И прохожие с робким стараньем
по подъездам укрыться спешат.
Беспокойное,
смутное время
заслоняет за окнами свет:
там насилуют, там уже
режут...
А вчера мой сосед
был раздет.
Телевиденье, радио –
всюду
крик о помощи,
к совести зов.
И бегут от насилия люди,
покидая родительский кров.

Кровь за кровь! –
обезумевши в мест
род на род
Нет ни долга пред жизнью,
ни чести –
распадается в спорах страна.
Каждый дворик и маленький скверик
заполняют разгулы, дебош.
И не хочется в лучшее верить.
И цена чести – ломаный грош.

* * *

По пустякам сейчас не плачь,
счет больший предъявила жизнь!
Вновь кто-то хочет нас запрячь
в свою телегу –
оглянись!..

Есть воля,
есть всевышний,
есть!
И он накажет в людях грех,
и кто вынашивает месть –
унижен злобой сам при всех.
Виновен я,
виновен ты
за то, что дружба наша гаснет,
у той невидимой черты
теряется во мгле согласие!
Я предавал не раз себя,
когда в доме уединялся,
чтобы не слышать,
как, губя,
набатовом звон смертельный рвался!
Кто на коленях там стоял,
униженный перед святыней?
А кто взошел на пьедестал?..
А кто там,
брошенный в пустыне?
И кто опять кричит в ночи
в страданиях новых ив печали?..
И вновь с доносом стучак
стоят за нашими плечами.

* * *

Снег летит из поднебесной выси,
медленно по виражу скользят.
Легкие пушиночки немислимо
кружат...
липнут...
тают на глазах.
Я смотрю, как тучка прячет солнце:
вот, мгновенно озаря высь,
засветились лучики в оконце –
оттого снежинки враз зажглись!

Оттого снежинки потеплели...
Все напоминает дождь грибной.
...Снег плотней –
 вот хлопья полетели,
потемнело все над головой. Но недолго...
Снег прошел,
как ливень,
выглянуло солнце из-за туч.
И поляна нежится счастливо
в белизне –
 на ней сверкает луч!
По щекам моим текут снежинки,
тает теплый снег на рукаве...
Словно я прощаюсь с чудом зимним,
шапку сняв...
Свежо так голове!

* * *

Поздно,
 В неуютном кабинете
выключаю свет,
 смотрю в окно.
В синеве небесной звезды светят,
кажется:

 я с ними заодно.

И спокойно думаю...

 Тихо сердце
отбивает пульс в моих висках.
В сутолоке дня устал вертеться
аж до онеменья в позвонках!
День прошел,
как дьявольская гонка:
споры, крики –
 следом плач и боль...

Да,
от жизни не уйти в сторонку.
Боже,
только злобой не неволь!
Люди разуверились,
звереют:
палачом отец над сыном встал...
Там грузин грузину вышиб двери...
Там чеченец обнажил кинжал...
Очередь за хлебом,
нету соли,
обесценились совсем рубли...
Боже,
дай нам силы,
 дай нам воли,
чтобы души хоть уберегли.
Полночь...
Сколько хочешь –
 столько думай,
и смотри с надеждою в окно.

В темноте пугающей,
 угрюмой –
звездный свет.
И с ним я – заодно!

* * *

Апрельские ветры в калитку стучатся и губы,
и щеки целуют мои

И мир,

 что разрознен зимой был на части
опять затрубил в небесах о любви!
И сизые голуби с крыши воркуют,
шумят воробьиные царства в кустах,
и даже старушки, о чем-то тоскуя,
подолгу стоят у крыльца неспроста.
А капельки в снежную кашу стучатся,
в открытые форточки щебет плывет...
И ждет не дождется приятель мой –

 дачник,

когда наконец-то суббота придет?

На ветках у тополя почки набухли,
а верба в овраге уже
расцвела...

И полнится роща таинственным слухом:
что пара влюбленных

 здесь ночь провела.

Веселые ветры над крышею мчатся,
все выше, все шире
вверху синева...

И верю я снова
хоть в малое

 счастье –

об этом в душе прорастают слова!

* * *

Лежит закат кровавый на снегах,
и Петербург,
темнеющий,
печален...

А где-то, у подножья Машука,
цветы росу на лепестках качают!
Иду вдоль Мойки,
на канал гляжу,
и мысли роем в голове несутся:
вот Блоковский закат по витражу.
Вот Пушкинские оды с выси льются.
Мне видится с надрезами рука
в «Астории»,
с кровавою страницей.
Вот Маяковский.

 Щелканье курка

и не сбежать от пули, не укрыться.

Смотрю в Неву:
и жуткая вода
мне повторяет смутные молитвы
о тех,
что не забудем никогда,
чьи души с нами
воедино слиты!

* * *

А. Бушуву

Я гарцую –
день такую,
зашибаю я рубли...
А в ночи
душой тоскую –
словно кошки наскребли!
На фига мне эти деньги –
в магазинах пустота,
догола меня разденьте –
и не жалко ни черта.
Не пойму:
зачем такую,
на бензин червонца два
хватит...
И зачем рисуюсь,
ухарская голова.
Я же скромный,
даже тихий,
и копать бы в саду,
но вот хочется так лихо
обогнать всех на виду.
Мне писать бы эти строчки
и чай в саду тянуть,
но другой во мне все хочет
в мир запретный заглянуть!
Отпуск кончен...
Не такую –
выплатил в райфо я штраф
за патент.
Эх, мать такую!..
Я же честен,
хоть неправ.
Председатель исполкома
kozyри мои побил:
родственников
и знакомых
в моем сраме убедил!

* * *

Здравствуй,
святая обитель!
Мой не заслуженный край.
Внукам моим сбереги ты
этот березовый рай!

Блеск многоцветный,
осенний
красит леса и поля.
Мне бы немного везенья,
разве бы горился я?
Вечер неслышно стекает
с веток,

темнеет трава...

Озеро тихо мерцает...

В небе –

простор, синева.

Родина!

Свет

Предзакатный

неомраченного дня

в душу пожаром мне катит,

ты –

божество для меня!

* * *

Гуляют свирепые ветры Сибири

меж сосен высоких

в таежной глуши...

На зорьке охотник

все кружит

настырно,

один-одинешенек...

Нет ни души!

Я тоже охотник,

хотя не таежный,

и также кружу...

Я один – одинок.

Не спрятаться мне,

и уйти

невозможно:

судьбою в Сибири оставлен в залог!

Я вмерз в эту землю

без страха, с любовью

давным-предавным,

так хотела душа!

И нежной печали,

пожалуй,

не скрою,

порукой –

раздольная даль Иртыша!

С утра заметелило...

Вышел из дома,

поднял воротник

и иду не спеша,

у берега шелест веселый,

знакомый

– то вечная песня

звенит камыша!

Бездомная и всем чужая
кукушка плачет в тальнике.
«Ку-ку! Ку-ку!» –
и тень мелькает
ее в другом уже леске.
Какой судьбою ты гонима,
о чем звенит твоя печаль?
Ты в птичьей стае нелюбима,
родных птенцов тебе не жаль.
«Ку-ку! Ку-ку!» –
года считаешь,
и одинокая лишь мать
надежду в этом крике чаёт –
от деток весточки дождать.

* * *

Пойма Иртыша... Здесь ежевика
по лесам загадочно цветет,
на больших листьях играют блики,
иволга встревожено поет.
Папоротник с головой скрывает,
глушит мох лосиные следы...
По тропе звериной я плутаю, –
а они ведут все до воды!

* * *

Я ночевал на островке,
и ночью
вдруг разразилась страшная гроза.
Перевернул я лодку
и, ворочаясь
под нею,
щупал – где ручьи скользят.
Плащ подстелив,
наскреб охапку сена,
прилег
и слушал долго ярый гром.
Дождь барабанил в днище,
постепенно
я задремал...
Мне чудилась кругом
вода – вода,
на всем на божьем свете,
ну, а земля,
лишь малый пятачок,
а сам я (так придумать могут дети)
был тоненькой травинки волосок!..
Когда очнулся –
в щелочке светилось,
я лодку опрокинул –
рассвело!..
Вокруг земля огромная искрилась – луга и
рощи.
И в дымках село!

7. КОГДА МНЕ ТРУДНО ГОВОРИТЬ

Моим стихам не надо красть
чужих ужимок и страданий,
их не обманет чья-то власть
в непрочном этом мирозданье.
Я не выдумывал стихи:
в них жизнь моя,
мое дыханье!

Они порой скромны,
тихи,
они –
и в слабости признание.

Зато,
веселым,
им звенеть
то гордостью,
а то забавой!

Не страшно им и помереть,
не ведавшим при жизни славы.
Что деньги,
слава
иль почет?

Есть –
хорошо,
а нет –
и ладно,

Прости же,
Боже,
тех господ,
кто разукрашен,
как помадой!

И кто с надеждой тайно ждёт
в моих стихах любой промашки,
кто хочет злобно наперёд
лишь очернить,
за что –
неважно!

Моим стихам не сдобровать –
они открыты, беззащитны.
И потому мне наплевать,
что я в насмешку буду битым.

* * *

Кому-то Бог помог в душевном горе
избавиться от мщенья и хулы...
Тебе – тайга,
ему – пески и море
открыли тайны,
что вовек светлы!
Кого-то лечит степь,
кого-то – речка,
душе без веры в мире не прожить...

Вот так и ты
 мне даришь по словечку,
по строчке
 сок живительный души!
У ног твоих легко мне слышать звуки
то нежности,
 то горести людской,
испытывать божественные муки,
быть сопричастным ко всему судьбой!
Вот и сегодня мне
 на сердце тягость,
и тьму
 рассеял новой песни звук!
Я посветлел,
 испытывая радость.
О муза – муза,
 ты как майский луг!
И я в лугу твоём опять мальчишкой
бегу –
и беспредельны даль и высь...
Но страшно, жутко мне,
когда молчишь ты,
и, словно в темноту,
уходит жизнь.

* * *

С. И. Третьякову

Утро зеленое в речку глядит
 святочной радостью!
Солнце над лесом похоже на щит
 с злостью благостной!
Маковки в росах раскрылись едва,
 чудно сверкая!
В ветках березы трепещет листва,
 ввысь устремляясь.
В веточке каждой,
 в овале цветка –
свет совершенства!
Вот заиграла
 лучами река –
в блеске блаженства!
Мир целомудренный
 в рай чистоты
вновь приглашает...
Я бы хотел быть слугой красоты,
 её глашатаем...
Я бы хотел охранять неба синь,
 вечность венчая...
Я возвратил бы на землю богинь,
 в мир изначальный!
Нежно на солнце трепещет листва
 в блеске зеленом –
цвет непорочности,
 цвет естества
в мире влюбленном!

* * *

Горит костер,
 трещит в ночи
у тальника густого...
Как невод старый ни чинил –
не выудил ни слова.
Ищу сравнений,
 как чудак,
хочу понять по сути:
каков озерный он, чебак,
и как с язем не спутать.
Я заварил уху и жду...
Свет фар вдали мелькает –
то дядька к моему костру
руль «Волги» выверяет.
Бросаю перец в котелок –
уха почти готова...
И вижу:
 словно уголек,
в костре родилось слово/
Оно прожгло меня насквозь
и осветило разум
отодвигая сумрак прочь
и все пустые фразы!

* * *

Душа светлеет,
 к книге прикоснувшись,
я забываю жизни суету,
и вот, в надежде снова вострепнувшись,
жар чувствую...
 И вижу даль в цвету.
Как редко-редко
 приобщаюсь к музе
и мысленно шепчу слова любви
надеюсь,
 что хоть в малом буду нужен,
и я приду –
 ты только позови!
И в этот миг всеильный
и счастливый,
живу блаженно – и цветёт мой луг.
Но книгу отложил...
И за приливом
спешит отлив... И – пустота вокруг.
Стихает пульс и, и приближая стены,
гудки и крики бьются об окно...
Я возвращаюсь снова постепенно
в тот мир,
который жизнью мы зовём,
который нас нещадно бьёт и мучит
раздорами, сомнениями, бедой...
И где не просто отыскать мне лучик,
оставленный в ночи моей звездой!

* * *

Столько дней донимает жарыща!..
Над полями плывёт суховей,
ссохлось, треснуло топориче,
прикипая к ладоне моей.
Обухом постучал по колоде,
и топор с топорича слетел.
При такой пепелящей погоде
будем осенью все не у дел.
Вьётся змейкой дорожка лесная,
заметая по-лисьи следы.
- Ах, царица моя пресвятая,
дай нам дождичка, малость воды!
Крестный ход раньше делали люди.
Всяк молился тайком небесам,
а сейчас и душе даже худо –
веры нет...
Это чувствую самую
Утром в город, домой, уезжаю –
жёлтой грусти и белых равнин
среди лета боюсь и пугаюсь,
словно ранних, не в меру седин!

* * *

Едкий дым,
и пахнет палом,
зеленеет окоем,
воробьях испугалась,
лужу расплескав крылом...
Небогатой акварелью
лес раскрашен, и луга,
пахнет сыростью и прелью –
у коров во мху рога.
Они ходят по поляне,
опуская низко лбы,
где травы зеленый глянец
встал из кочек на дыбы...
Солнце нежное щекочет
щеки девичьи лучом
Ах, как радостно хохочет,
наклоняясь над мячом.
И рукою быстро,
плавно
мяч подбрасывает ввысь...
Трубы свечками оплавленными
в небо поднялись.
Здесь окраина... И дачи,
словно гнезда, меж берез...
Все спешат, всяк озадачен
переменами всерьез.
Муравьи ползут и тащат
по травинке, и молчком
на людей глаза таращат:
«Для чего второй им дом?»

Что здесь ищут, что здесь прячут?...»
не поймут... Гудит оса,
солнце, золотистый мячик,
вниз скатилось за леса.
Вечереет... Возвращаюсь
на автобус мимо дач...
На губах горчащий щавель,
на душе светло –
хоть плачь.

* * *

Под ногами пропала тропинка,
и туман закружил по лугам,
коростель счет ведет без запинки,
в такт
слагаю стихи по слогам!
Наливаются медленно соком
колоски у пшеницы и ржи,
вот луна вышла в небо
до срока...
Мои думы ясны и свежи.
Лес утих...
Скоро в бездну он канет,
утки начали свой перелет...
Пусть стихами меня не обманет
коростель!
До зари пусть поет.

* * *

К тебе я долго,
трудно шел:
манил восход,
пугал закат...
Но майский луг другому цвел,
а встречный ветер гнал назад.
Ночами я искал звезду свою –
и небосвод блистал,
срыпалнсь звезды на беду –
от них осколки божьих жал!
Душа ждала...
Тобой жила...
Несчетных дней кружился рой,
я плыл,
но не было весла,
несло в туман меня рекой
Порой,
случайно,
узнавал
твое нездешнее лицо,
мне виделся его овал –
сжимала тьма вокруг кольцо!..
Мгновений этих тайный сон
не смог в душе я уберечь,
лишь колокольный дальний звон
мне повторяла божья медь.

Когда теперь в церковный храм
вхожу,
чтоб тихо постоять,
я верю:
жизнь тебе отдам,
но как тебя
мне отыскать?

* * *

Как стали вечера тихи в морозном свете...
Хотя дела твои плохи – терпи, не сетуй!
Ты все хотел свободней жить,
служить талантом –
и только правдой дорожить,
но нет гарантий.
Вокруг теперь царит разбой,
всем злоба правит...
Шельмует всяк твоей судьбой
и душу травит.
Да, с нищетою сладишь сам,
найдешь и хлеба,
но как открыться небесам?
Что скажет небо?
Бога нет,
В Христа не веришь –
есть только вера,
что небеса подарят свет
в день серый.
Чтоб грудью полною дышать
и жить свободно,
ни в чем не надо подражать
кичливой моде.
Скромнее пусть,
зато – свое!
Своя кровинка.
И верь:
посветит волшебство
душе невинной!

* * *

Признаться:
не такая ты,
какой в мечтах вынашивал...
Тебе хватило б красоты
без ярких губ накрашенных.
Ресницы, брови –
не твои,
и прихвастнуть не против.
Нет,
не вниманья и любви –
удобств у жизни просишь!
И резок поворот,
и взгляд,
слова вослед тяжелые...

Иду я, словно в листопад,
в раздумья невеселые.
Меня порой не ставишь в грош,
на мне срывая злобу,
я сам, наверное, хорош,
что мы чужие оба.
Но дети –
как оставить их,
наш мир для них порукой
в семейном счастье четверых –
зачем им наша мука?

* * *

Меня замкнула глухота
невидимым забором,
и сумрак бродит по пятам,
и даль грозит позором!
Не вижу лиц,
не слышу птиц –
ни зорь
и ни росинки!
И с белых,
призрачных страниц
в глаза летят снежинки!
Я – пуст!
Какие там

стихи –

не вяжутся два слова...
Не знаю я,
за чьи грехи
казнит судьба сурово?

* * *

Воруют годы у меня
не только силы,
но и веру.
Грустить?
К чему?
Зачем пенять
на день осенний, серый?
Источник радости
я сам,
и сам
источник света!

Пройду по льдистым берегам
осеннего рассвета.
Над Иртышом я постою,
рукой гранит поглажу,
припомню: как, в каком краю
искал свою пропажу.
И вспомню милое лицо
в загаре и веснушках,
волос каштановых кольцо
и шляпку на макушке.

И годы многа мне вернут
надежду, веру, силу!..
... В саду притихшем листья жгут –
сжигая чьи-то крылья.

* * *

Музыку осени в ветках берёз
с лушаю с трепетом.
Запах полынный, горький, до слёз
выплеснут ветрами.
Листья, сорвавшись, под ноги летят,
полуживые,
но почему же печалит мой взгляд
дни золотые?!
– Золото! Золото! – осени клад
выстлал дорожки...
Но почему же себе я не рад,
что так тревожит?
Долго по лесу кружу я и пью
чудные запахи,
ветки деревьев поют и зовут
музыкой Баха!
В небе бескрайнем по ветру скользят
белые стаи,
музыкой вечною крики летят,
нас настигая!

* * *

А взгляд тяжелеет, и горбятся плечи,
и медленней речи мои.
А годы, как горы, застыли далече!
Где звонкие вёсен ручьи!
Жалеть или каяться, собственно, не в чем –
не надо словесных защит.
Осенние ветры под окнами шепчат, что скоро
зима предстоит.
Прохладные ветры берёзу качают
и листья последние рвут.
Понуро склоняюсь, но только не каюсь, не
страшен последний приют.
А в сердце попрежнему боль и тревога,
и с этим навеки уйду!
Вся жизнь-бесконечная спешка дороги,
Я даже дремал на ходу!
Минут мне и дней на пути не хватало!
Напрасно судьбу торопил...
В ружейном замке есть и спуск и шептало,
нажмёшь -
и как будто не жил...

* * *

Неужели
напрасны слезы мои,
когда,
стихами измучен,
слышу,
как ручейки крови,
отзвенев,
затишают в излучинах...
Я шагаю по тихой поляне
предосеннего
теплого дня –
пусть надежда на счастье
обманет,
только радость
вселилась в меня!
С ней светлей
пожелтевшие травы,
ярче поздние
в росах цветы!
Пусть стихи мою душу оправят
цветом,
жаром такой красоты!
Пусть от запахов
сердце занеет,
защемит сладким чувством
в груди...
Словно август,
я хмелем настоян,
не пугают ни хмарь, ни дожди!

* * *

Росой сияет золотистый луг...
А небеса все ниже
и темнее...
У глаз моих –
морщинок мелких круг,
и волосы с годами все светлее.
Встаю чуть свет,
иду куда хочу
И без разбора ем и пью до сыта.
Режим? – Ему поставил я свечу,
От скуки я отрёкся,
С ней мы квиты.
И всё же комом снежным долг растёт,
И ноша давит всё сильнее на плечи!
Себе я предъявляю честно счёт,
ведь я такой же смертный человек.
Да, тень –
двойник мой, – истина стара,
и старость с жадностью года итожит,
со смертью перешел на «ты» –
пора!
И потому
тоска меня не гложет.

* * *

Часы стучат...
И мелкою монетой
текут минуты.
Час, другой –
 рубли...
Кончается,
сгорает тихо лето,
а что в сусек с тобой мы наскребли?
День за окном
 прозрачно-золотист –
такие дни и летом-то нечесты,
а я лежу больной,
 как желтый лист,
оторванный от дела,
безучастный.
Мир,
 в мареве блаженно растворясь,
плывет..
 Ему совсем не до меня.
Откуда в сердце
 и взялась боязнь:
мне очень жаль
 потерянного дня!
Быть может, оттого,
 что день такой,
последний перед долгою зимой?
А может, оттого,
 что седина
моих волос отчетливей видна?

* * *

Когда я упаду с откоса
в речную,
хмурую волну,
«Не сам ли это
он нырнул?»
Господня воля неподвластна
мольбе
 и слезной суете,
и не ищи в молитвах ясность
в своей наивной простоте.
И кто,
зачем
 упал с откоса?
Лишь Богу одному понять...
Ну что,
 дружище, смотришь косо
на серую речную гладь?
Здесь нет в судьбе моей
 повинных,
и ни причем крутой откос...
Себя с обрыва сам я скинул:
вот весь ответ
на твой вопрос.

* * *

Партийная сурова дисциплина
для тех, кто исполнитель, на низах.
Не пощадит она родного сына,
не даст отречься даже в тяжких снах.
И потому жизнь ставит:
или- или...
А третьего, нам смертным, не дано.
И вот жакан прошил его навьлет...
тебе исчезнуть в тюрьмах суждено...
А если хочешь жить –
предай другого,
облей ушатом грязи лишь за то,
что честен тот, характера прямого
и презирал змеиное гнездо.
Так испокон казнилась своевольность
с инокомыслием в святой Руси!
О, сколько их, достойных
пали с болью,
не пожелав прощения просить.
И ныне жизнь диктует:
или-или...
И смертной плахой
каждому грозит,
кто бережёт свободу, как святыню.
И правдой больше жизни сторожит.

* * *

Обещанья каждый день...
Новый голос: «Я смогу!»
Вижу призрачную тень
на туманном берегу!
Жизнь рекой весенней бьется,
и тесны ей берега...
Кто последний посмеется?
Не смешно еще пока.
Где я буду,
с кем –
не знаю.
На поклон к кому идти
и какое нынче знамя
предстоит в строю нести?
Но парады
надоели,
надоела болтовня.
Дни идут...
 Прошли недели...
С чем останусь завтра я?

* * *

Шкурой ощущаю я,
затылком
всю вину на собственной спине...

В поле сиром,
с кукурузной былкой,
зимушку встречать предстало мне.
Здесь,
в лугах,
под осень цвел подсолнух,
не дозрел,
но силос был хорош...
Не запасся семечками,
олух,
в магазинах,
в складах –
пусто сплошь.
Вот щелкал,
поплевывал бы в
Пролетает снег в пустынном поле,
и без снега даль уже
бела!
И грустят в кружке березы молча –
ветер оборвал им рукава...
Помню,
как они июльской ночью
мне шептали дивные слова!
Там, в ветвях,
пронзительно кричала
иволга,
мол,
жди,
идёт беда...
И беда пришла
Свистят печали
надо мной –
не скрыться никуда!

ЛУГ ДЕТСТВА

В первый я запомнил тебя
в майский день,
очень солнечный, тёплый,
с ежиком зелени на бугре,
с жаворонком на ниточке-песне.
С чибисом в бесшабашном полёте,
с ястребом, что упал на крыло!
Я, загонщик утиной охоты,
босоногий мальчонка, худой,
брел по лужицам талой воды,
и несметные стаи уток,
что садились вдоль речки на луг,
поднимал...
Те, взлетев, устремлялись
караваном к гнездовьям, на Север...
Тек ручей по опушке лесной
из озер в нашу малую речку,
и гольяны, карасики вниз по теченью
буравили светлый ручей.

Губы жег мне родник под обрывом,
сок березовый капал в ладонь,
птичий гомон в талах над рекою
мне о жизни веселой трубил!
Сколько было цветов на лугу,
встреча с девушкой самой красивой!
Вера светлая в бесконечность
в этом солнечном,
тихом краю...
И позднее, спустя много лет,
в раскаленном июле я снова
много дней на лугу здесь косил,
греб валки и зароды укладывал
и на речку с сыном ходил...
Но меняли свой цвет облака
беспокойно,
упрямо,
устало.
Первый отблеск седин на лугу,
на висках первый иней холодный.
И смущает, немного пугая,
отчужденность инея раннего
на цветах, по-весеннему ярких,
на стекле «Жигулей» изящных...
Все как надо
по времени года
у меня и у луга родного –
есть потери и приобретения,
но каков он,
конечный баланс?
Только знаю:
придется мне снова
ехать в дом,
где все так же живет
мать,
где луг,
нареченный мне с детства
тропиночкой каждую ждет!
Что там будет,
когда я приеду –
осень поздняя
или зима?
Встретит мать
или, может, не встретит?
Но сыновний я выполню долг,
даже если мне снежная замать
завьюжит и речку, и луг –
поведет меня снова память
шаг за шагом по жизни всей.
Вновь приду в сенокосный июнь,
в златоглавый сентябрь
и порошу
с чистым бархатным, влажным снежком...
Вспомню всё:
с майской веточки в почках
и до первых горьких седин!

* * *

Гарь с болота –
то чад моховой
низко стелется в согре безлистой,
может, леший иль ведьма с клюкой
над равниной во тьме злобно свищет?
Неуютно и сыро в ночи...
Облака сеют снегом на поле.
Лишь сентябрь –
а зима в дверь стучит,
на охоту бреду подневолью.
Сыплет снег на траву и жнивье,
на горячие губы,
за ворот...
Чудный снег –
волшебство ты мое,
ослепительно белый полог!
Струйка дыма от согры плывет
над кочкарником
к старице дальней...
Первый снег –
время новых забот,
потому я сегодня печальный.

* * *

День Рождественский тёплый,
без ветра,
С неба хлопьями сыплет снежок.
Да, молитвы –
лечебное средство,
если кто-то душой занемог.
Я молился от зла, наговора,
и от сглазу и всякой чумы...
Бог у каждого – свой,
и не спорят
о чудачествах
те, кто умны.
Снег пушистый все кружит и кружит,
он не хочет касаться земли.
Христорадничать вовсе не нужно,
вижу белую церковь вдали.
Непорочная дева Мария,
богочтивым не стану вовек,
только вера и мне подарила
в сердце святость –
ведь я человек.
Тайное нам от рода не чуждо,
и любовь к ближнему,
ко Христу...
Но в загробное верить так трудно:
рай всевышний
мне не вмоготу!

И хотел бы я в светлой рубашке
в час последний прийти
на лужок,
поклониться ручью и ромашке,
из ключа выпить
чистый глоток!

* * *

Снежком с утра запорошило
продрогшие насквозь поля.
Не спрятать грусти,
словно шила
в мешке,
глаза мои болят...
Снег ослепляет белизною
и мучит чистотой до слез.
Дорожка светит бороздою
среди пышных, в инее, берёз.
Белым–бело.
Пустыня жизни...
Я сам притих, как в землю вмёрз.
И размышляю с укоризной:
А до приюта
– сколько верст?
Где он, предел
тревогам, мукам,
на этой стынущей земле?
И взгляд опять печали мутят,
как ты того бы ни хотел. ...
А лес красив
и не заслежен,
и небо в дымке голубой!
О, край родной –
не жил я,
не жил...
Как мы
расстанемся
с тобой?

* * *

Каждый по-своему сходит с ума,
каждому светлая воля,
хочется рыбку, как в сказке, поймать
и отпустить вновь на волю.
Или жар-птицу...
И я бы не смог:
пиво тянуть да в картишки...
или лежать
и плевать в потолок,
смеяться:
«А, ну их,
страстишки!..»

В смене капризной,
где свет
и где тьма,
– кто-то цветет,
кто-то вянет...
Ночь зачарованно смотрит в дома –
я колдовать строчкой стану.
Буду метелью биться об лед,
буду звездой падучей,
буду казнен...

И всю ночь напролет
плыть по словам – их созвучий!
Страстью измучен,
схожу я с ума –
каждому светлая доля...
Тени исчезли.
Проснулись дома,
нет ни страданий, ни боли.

* * *

Я мало в жизни преуспел
в делах доходных,
построить замок не сумел,
но дача – гордость!
Мала в размере,
то – пустяк,
зато оригинальна...
Зарплата вся моя –
пятак,
без премиальных.
Что значат деньги и почет
под этим небом?
Пусть тихо жизнь моя течет,
без зла и гнева.
Охота –
это страсть моя
до гроба,
но от другой – живу,
таясь...
К ней – робость.
Она богиня и рассвет
мой вечный!
От горести,
от всяких бед
излечит.
Она – таинственный напев,
сердечный...
И, лишь порою осмелев,
жду встречу.
Горят костры в моей крови
пред нею,
и всё ж признаться ей в любви
не смею!

* * *

Взял лопату –
копаю поглубже,
грядка к грядке.
Парит огород.
День весенний над пашнями кружит,
и везде копошится народ.
Сев закончен...

И в лунках картошка
принакрылась влажной землей.
И светлеет душа понемножку
от надежды извечно святой.
Забываются зимние споры
про жестокие ныне года,
в поле вольном
и горе не горе!
С солнцем майским
беда не беда!

Глажу липкие почки на ветке,
молодеют глаза и душа.
А вдали,
над разливами светлыми,
слышен крик лебедей с Иртыша!

* * *

На даче щебет птичий и цветы –
зеленое спокойствие разлито...
Спешу сюда от городской черты
с надеждою укрыться,
как улитка.
От озера,
с искрящей синевою,
несется ругань...
мат... собачьи визги...
Звук реактивный воет надо мной...
А за забором -
яростный транзистор.
Дурная жизнь...
Покоя нет нигде,
от стресса никуда теперь не деться –
в уютной даче было, как в гнезде,
я много раз сюда спасался бегством!
Сезон купальный
в озере кипит,
со всей округи пособрались люди...
И у меня несчастный,
грустный вид:
теперь недели две здесь шумно будет...
Песчаною дорожкой брожу
вдоль-поперек по даче,
изнывая,
и постепенно я с ума схожу,
и чертики в глазах моих витают.

И, хлопнув дверью,
в комнату вхожу –
единственную
тихую обитель!
Как в одиночной камере сижу,
с невысказанной горькою обидой.

* * *

Каждую веточкой,
каждым листком
хочется дереву
мне рассказать о своем,
о былом,
что и не велено.
Всюду кресты,
с края поля –
новей,
здесь –
впережку...

Ближе к середине –
гнилее,
черней...
Мучаюсь, грешный.
Думаю я,
напрягая свой мозг:
«Что за фамилии?
Что же за люди?»
Забывать как я мог –
знал ведь по имени.
Сельское кладбище...
Тишь...

Синева...

Птички чирикают...
Кругом кружится моя голова
в скорби великой!
Светом несчетных туманов,
Дождей
память оплакана...
Дерево каждую веткой своей
шепчется ласково.
Вот почему даже малым листком
хочется дереву
мне рассказать о былом,
о больном
что и не велено.

* * *

П. Жиличу

Я избегаю творческих дискуссий,
я не был членом СП
и литгрупп...

И не вхожу на паперть к Иисусу,
и не хвалюсь,
что есть особый друг.

Да, я один –
какие могут школы
зажечь в душе таинственный огонь?
Я перед совестью своею голым
всегда стою...

Других прошу:
не тронь!
Отвечу за грехи свои, коль надо,
и кровью!..

Только, Боже упаси,
зачем признания мне и награды?
Я это делал для святой Руси!
Я это делал исподволь,
невольно –
для тайных чувств судьи на свете
нет!

Хотя и мне бывает очень больно
от множества непонятых мной бед.
Так жизнь устроена,
что мало солнца

иному –
и не радуется весна,
когда в душе порой угрюмо,
сонно...
О, муза!
Мукой
грешным ты дана!

* * *

Придумать бы аккумулятор
для сердца...
В жизни грозовой
мы столько сил душевных тратим,
взамен –
хотя бы луч живой.
Не вечный двигатель –
о, нет!
Изобрести бы такую малость,
какой-нибудь счастливый свет,
которым сердце наполнялось! ...
Прошли года. Иссяк заряд,
и тихо сердце остывает.
И вечереет, гаснет взгляд,
надежд ни в чём не оставляя...

* * *

Я хочу,
 превозмогая тленность,
увековечить дух,
 вложить в мечты
несбывшееся,
 чтоб над плотью брэнной
всегда сияло чудо красоты!
Обожествить все таинства природы,
очеловечить лик земли родной...
О,
 как хочу прийти к вам через годы
 строкою
с искреннею добротой!

ПОЭТ

Анне Германовне Ивановой-Царевой

Вот так живу:
 таюсь, боюсь я слова,
в нем дух и волшебства,
 и божества.
Как камень мшистый,
 замереть готов я,
пока сокрыты дивные слова.
Привык я ждать,
 надеяться и верить:
слова те оживут,
придут,
 взлетят
и день обычный,
незаметный,
серый
своею красотой ослепят!
О, муза, муза!..
Как понять нам, грешным,
тебя в заре,
когда звенит весь мир?

Я мучаю себя,
 надеждой тешу –
я тоже что-то в жизни сотворил!
Я десять лет корпел над этой книжкой
и за свои рубли ее издал,
надеясь, что она не станет
лишней
для тех,
 кто жить и верить не устал.
И все ж боюсь себя назвать поэтом.
О! Как я этим словом дорожу!..
Как лист опавший,
в тихом
 струйном свете
неслышно все скольжу по виражу.
Я ненавижу ярлыки признаний –
их раздают,
как звезды
и чины...
Я россиянин,

даже не избранник
судьбы особой –
нынче все равны!
Да, нынче время злобное,
крутое,
и славен каждый,
взявшийся за щит!
А ярлыки –
занятие пустое.
Поэт лишь тот –
 кто временем звенит!
Кто бьет в колокола над бездной дикой,
не ищет почесть, денег, – благ иных.
Кто свято верен памяти великих,
тех,
кровью оплативших главный стих!

СОДЕРЖАНИЕ:
(Поэтические циклы)

1. С запрокинутым взором Россия лежит	9
2. Прости, Земля, мне за измену	20
3. Посвящения	34
4. Твоя любовь	44
5. Мои стихи – мои дороги	54
6. Иметь лицо	71
7. Когда мне трудно говорить	87

ВЛАДИМИР ЗЕНЗИН

II. СИБИРЬ, СТОРОНА РОДНАЯ

Стихи и рассказы для школьников и студентов

КРАЕВЕДЕНИЕ (СВОЙ КРАЙ ЛЮБИ И ЗНАЙ)

В школах для учебной программы «Краеведение» есть учебники (и пишутся дополнительно в соответствии с регионом), где есть такие важнейшие разделы: населённые пункты, население, природные ресурсы и другое. Учебники, как правило, хорошие. С достаточной информацией. Большинство авторов-кандидаты исторических наук, профессора со знанием дела, хотя и официальным, сухим языком, но полно излагают основные положения.

В данной книге собраны значительные сведения по Омскому Прииртышью, автор на страницах данного издания точно и ярко представил всё многообразие флоры и фауны нашего края. Журналист, редактор-составитель журналов «Природа Прииртышья», «Охота и рыболовство», лауреат конкурсов на темы «природа» и «экология», написал и издал более тридцати книг, которые (как «Прииртышье, край любимый», «На лесных закрайках» «Оша») используются на учебных занятиях в школах и институтах.

Книга «Сибирь, сторона родная» включает в себя произведения из многих изданий автора, является итоговой большого творческого периода.

*Анатолий Грачёв,
Член Союза журналистов России*

На первой странице обложки – Самсоновский мост, построенный недавно через Иртыш несколько ниже по течению от древнего города Тара (осн. в 1594 г.). Ермак, с небольшим количеством казаков, в своём последнем походе в 1585 г. дошёл с отрядом до устья реки Шиш (это недалеко от моста), навстречу торговому каравану, что оказалось хитрой выдумкой татар. Никакого каравана не было. Ермак повернул назад, преследуемый большим войском врага. Возле устья Вагая, ночью, татары неожиданно напали на лагерь, уничтожив весь отряд. В этом бою погиб и легендарный первооткрыватель Сибири, атаман Ермак. Сегодня в верховья реки Шиш разрабатывается Крапи-винское месторождение нефти и газа.

СОДЕРЖАНИЕ (Поэтические циклы)

1. Первые проталины.....	103	21. Пути-дороги.....	149
2. Весенние рассветы.....	105	22. Тревожное небо.....	151
3. Цветочная поляна.....	107	23. Крестьянские заботы.....	154
4. Босоногое детство.....	110	24. Сельчане.....	156
5. Голоса птиц.....	112	25. Иртышские просторы.....	158
6. Любимая речка.....	114	26. Осенние перемены.....	161
7. Подводное царство.....	117	27. В краю озёр.....	163
8. Звериные тропы.....	119	28. Истоки поэзии.....	165
9. Благодатное лето.....	121	29. Охотничьи зори.....	168
10. Язык природы.....	124	30. Земная красота.....	170
11. Военные годы.....	126	31. Миг и Вечность.....	172
12. Моя мама.....	128	32. Прибрежные рощи.....	174
13. На разливах.....	131	33. Твоя любовь.....	177
14. Влюблённость.....	133	34. Предзимье.....	179
15. Летне-раздолье.....	135	35. Морозные узоры.....	181
16. Дни раздумий.....	137	36. Позёмка.....	184
17. Северные озёра.....	140	37. Деревенские картины.....	186
18. Сохранись, природа.....	142	38. Звездные выси.....	188
19. Спортивный характер.....	145	39. Свет надежд.....	190
20. Божественные дали.....	147	40. Родина – Сибирь.....	193

ДРЕВНЕЙШЕЕ

ЗАНЯТИЕ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВА – ОХОТА

ОХОТА

В огородах пожухла ботва
и капустные грядки белеют,
загустела вверху синева –
глядя в небо, все чаще немею...
Холод выбелил к ночи ложок
и ледком прозвенел по
кюветам,
мне охота – горячий глоток
уходящего в зимушку лета!
Крик гусей заплутал в вышине,
и колючие ветры печалят,
но тревожно и радостно мне
в эту ночь
на безлюдном причале.

ПАИСЫЧ

Угрюмая темная вода
под низкой крышей снежной
тучи,
на камышинке в серье льда
высвечивает лучик!..
Вызванивают камыши
далекий посвист злой метели,
и лишь красавицы-крякаши
на юг еще не отлетели.
Да стайка белогрудых птиц
ныряет в ледяную воду,
похожих чем-то на синиц,
несущих снежную погоду,
...Светлеет темная вода,
в себя снежинки погружая,
пустынно озеро... Едва
вдали я берег различаю.
Кряжист Паисыч – экий хват,
долбленку впереди толкая,

бросает мне веселый взгляд –
его я понимаю!

Он стар, и звоны камыша
ему любимей песни!..
Последний выезд, не спеша
веслом просторы крестит.
Бормочет что-то про себя
не верующий в бога,
и я, еще нежней любя
его, отстал немного.
Пусть поколдует, поворчит
на снежную погоду...
– Придется ль весла намочить
еще через полгода?!

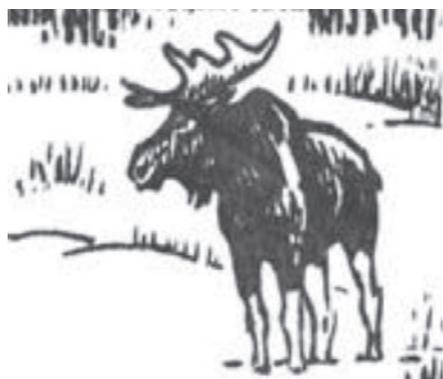
ТОКОВИЩЕ

На синь воды слетает
от вербы желтый пух...
В тетеревиной стае
красавец есть – петух!

Он – токовик, он первым
к поляне подлетел
и, распутивши перья:
«Чув-ши! Чув-ши!..
– запел.
И сразу меж деревьев
летит со всех сторон
таинственный и древний
тетеревиный звон!..
Слетевшись на поляну,
по парам здесь и там
пустились птицы в танец
– клич рвется к небесам!
Хвосты пораспускали,
крылами бьют – лишь тронь...
Горит над бровью алой
воинственный огонь!

* * *

Даль, опрокинутая с небом
в озерной сини...
Журавлей далекий крик.
– Ах, где там, где бы
мне разглядеть их поскорей!
Цветы склоняются в истоме,
Разнеженные солнцем
майским,
а иволга в березках стонет
– лежу в траве я,
тихий мальчик.
Еще не мучимый судьбою,
еще и жизни не постиг,
я слышу небо голубое
– бездонный журавлиный
крик!..

ПОНОМАРИ

Мы вновь с тобой, Пономари,
– Мое лесное озеро!..
Лось рядом,
в отблесках зари,
блестит рогами грозными.
Виток отточенных мечей
к воде он опускает:
пьет медленно – и мрак теней
со дна к нему всплывает.
Прядет ушами...
Головой мотнул и замер
чутко!..
И, взглядом встретившись со
мною,
стоял еще с минуту.
Потом – прыжок!
И враз исчез,
треща вдали талами...
И снова тих прибрежный лес...
Ружье блестит стволами...
Пономари! Пономари!..
Мне доставляет радость
Стоять вот так в лучах зари
и пить твою прохладу!

ОХОТНИЧЬЯ ИЗБУШКА

Перелески...Гривы...
Воздух влажный, горький.
Домик некрасивый
прячется за горкой!
Домик неказистый
с крышей травяной
и с оконцем чистым,
с дверью приставной!..
Над трубою струйкой
вьется белый дым,
топит печь-буржуйку
друг мой Никодим.
Я продрог, уставший, –
дичь искал в полях
и по ней, взлетающей,
мазал впопыхах!..
И ружье с досады
сзади, на ремне...

Но какая радость:
свет горит в окне!
Будет чай с душичкой
поставлен на шесток...
Будет ночью мгlistой
петь в углу сверчок...

* * *

О чем звенит в ночи осока?..
О чем ей вторят камыши?..
Счастливый я и одинокий
томлюсь в задумчивой тиши.
Березы, затаив дыхание,
склоняют ветви над тропой,
и звезды с робким заклинаньем
срываются к земле стрелой!..
Лишь прокричит сова,
взлетая,
да мышь прошелестит
в копне –
и снова тишина густая
рождает музыку во мне!

ТРОПИНКА

Тропинка уводила в вечер
и вдруг исчезла из-под ног...
вот мгла по пояс...
вот по плечи...
а от зари один дымок.
Иду вперед почти на ощупь,
но загорается звезда,
та, первая, на грани ночи.
И бездорожье – не беда.

1. ПЕРВЫЕ ПРОТАЛИНЫ

ТАЛАЯ ВОДА

Нет вкусней, прохладней, чище
этих чудных талых вод...
Тёплый ветер в ивах
свищет,
в каждой луже – небосвод!
Пью водицу из-под снега,
вытаяв во льду глазок.
Ах, какая сладость, нега –
пахнет леденцом глоток.

НАЧАЛО МАРТА

Еще ночами холода
и легкая метель,
а днем на улице – вода
и звонкая капель!
Утрами ветер студит лоб
и стонет в проводах,
– днем
воробьи поют взхлеб
в оттаявших кустах!
На первой лужице,
с ладонь,
у самого крыльца
веселый луч зажег огонь
– не отвернуть лица!
И голубь
в радужных лучах
воркует надо мной...
Иду и солнце на плечах
несу к себе домой!

ПРОТАЛИНЫ ЧЕРНЕЮТ

Плетни вытаивают из сугробов,
завалинки дымятся под окном...
На крыше голубь, сизый
до озноба –
с голубкою воркует о своём.
И долго день не гаснет...

В огороде
проталины чернеют – там грачи,
слетевшись, по земле вразвалку
ходят...
И трель скворца на сто
ладов звучит!

МАРТОВСКОЙ НОЧЬЮ

В лесах – чарым, жестокий снег.
Пастись косулям худо,
и что ни шаг – то с кровью
след.
В сугроб ложатся грудью.
И стайкой медленно
бредут
к жилью, на огороды.
А сзади – вой!
...Их здесь спасут,
накормят, в лес проводят.

ПОЗИМОК

Оттепель в обед двор
почернила –
с крыши капала, светясь, вода...
Только в ночь опять пурга завывла,
застонали в небе провода.
Хлопья липнут к окнам,
нависают
на деревьях – не видать ни зги.
Вышел я на улицу: в ней стаей
вертятся снежинки впереди.
Шлейфы меж берёзками
в кружении
оттеняют чудо белизны...
Снег – всё гуще, и без сожаления
белит все проталины весны.

ЗВОНКАЯ КАПЕЛЬ

Отовсюду слышится
звонкая капель –
и легко мне дышится.
В голове – чуть хмель!..
Говорю без риска я
нежные слова...
Распахнулась близкая
неба синева!..

СОСУЛЬКИ

Сосульки, что вы плачете?..
О, как светла слеза!!
Что вы для сердца значите?..

... В вас – неба новизна!..
В вас – солнце охлаждённое.
Сломил... Пью... На губах,
прохладой опалённый,
весенний мир запах!!!

ВЕСНА,

ТЫ МЕНЯ ИЗЛЕЧИШЬ

У крылечка, ледок просверлив,
тенькают капли с крыши!..
Я по-весеннему жив,
– небо, ты слышишь!?.
Песнею птичьей звенят
бездонные синие выси!..
Под ногами лужи искрят...
Наплывают весёлые мысли.
Смотрюсь в неоглядную даль,
шепчу, расправляя плечи:
«Пусть уходят тоска и печаль.
Весна, ты меня излечишь!».

ДЕРЕВНЯ ОСТРОВНАЯ

Здесь встарь по весне
разливалась вода –
озерами даль отражалась.
На гриве высокой,
где леса гряда,
деревня светло возвышалась.
Стога и кустарники плыли
в воде...
Ручьи, словно малые речки,
победно журчали под пеной
везде...
Казалось: так будет навечно.
Но нынче прорыли канал
обводной,
плотины построили, гати...
И стало так грустно:
не видно весной
разливов сверкающей глади.

ПРИШЁЛ АПРЕЛЬ

А холод долгим был,
жестоким...
Швыряла в окна снег пурга...
– Пришёл апрель –
бурлят потоки,
разливы скрыли берега.
И вновь душа мечте открылась,
и хочется безмерно жить:
творить, любить, лететь на
крыльях –
несбывшееся совершить!..

Себя трудом увековечить
земным – взрастить хлеба,
цветы!..
... Гул тракторов в родном
Заречье –
чернеют свежие пласты.

ВОЛК В МАРТЕ

У волка впалые бока,
шерсть дыбом на загривке,
в глазах два злобных огонька.
Клыки открыты с рыком.
Роня пену с языка,
волк рыщет ночь по насту...
Я слышу вой издалека
и знаю: он к несчастью.

СОХАТЫЙ

Ноги обдирая о чарым,
пятится, стремится в рям
сохатый.
Волчья стая бросилась за ним,
вмиг – три зверя на спине
покатой.
Пал он в снег, спиной их давит
в наст,
бьет копытами!... Вскочил
на ноги –
сбил рогами двух матерых
враз...
И прыжком махнул через
дорогу...
Долго рям валежником
трещал,
волки, сгрудившись, лизали
раны.
Головой уткнувшись в снег,
лежал
их вожак, подергиваясь
странно.

Урочище Усюльган

АПРЕЛЬСКОЕ УТРО

Стал душливым ворот
рубашки. Расстегнул...
В грудь втекает тепло.
Свежий ветер – с тобой
нараспашку!
Вольный ветер – с тобой мне
везло!..

Солнце льнёт золотыми
лучами
к почкам, травам... Ожили
леса!..
Кружат бабочки... Враз
зазвучали
птичьи песни на все голоса.

* * *

Март на полях... Проталин
пятна –
в них зелень первых
стебельков.
В овраге снег... С ума я
спятил:
рву вербу жёлтую с кустов.
Две веточки тебе... А в поле –
сверкает лебедь белизной...
в лицо мне дует ветер
вольный...
и пенье птиц над головой!
Над мокрой полевой дорожкой
парит дымком, и в ноздри бьёт
щемящий запах – аж, до
дрожи...
... А солнце выше всё встаёт!

* * *

В апрельском поле холод,
сырость.
Как алый мак, во тьме –
костёр!..
Весна, ты дай тепла на
милость,
с утра шёл снег и я промёрз.
Здесь на поляне цвёл
подснежник –
повяли, сникли лепестки...
Но в полдень солнце грело
нежно –
снег превратился в ручейки!
Стемнело... Я гляжу устало
на луг туманный, на костёр...
Заря высвечивает алость –
и светом полнится простор.

НА РАЗЛИВАХ

Майский вечер освежает –
нежит губы, щеки, лоб...
В ручейке вода живая
о любви поет взхлеб.

ВЕПРЬ

Он постарел и бросил стадо,
забыв свиней и поросят...
Один живет в лесопосадках,
его клыки зверей страшат.
Выходит ночью на кормежку,
ест жёлуди, дички, овес...
Он осторожен – днем на лежке
всегда по ветру держит нос.

* * *

Звенят ручьи в кустах, а луг
пронизан синими ветрами.
Здесь журавлиной песни звук
лелеет душу мне утрами.
Я открываю в поле дверь,
вхожу на талые поляны...
Зайчишка тощий – славный
зверь
бежит опушкою туманной.
Токует тетерев вблизи:
Чув-ши!.. Чув-ши!.. – и
бьет крылами.
В ручье – гольяны, караси
сверкают ярко плавниками.
Ручей от озера к реке
несется с пеною и звоном...
Коровка божья на руке
взлетела, как с аэродрома.
Вершится в мире колдовство –
в сверканье солнца, в струях,
в криках
проснулась жизнь, как
божество,
приобретая плоть и лики!

УТРО

Весенним, ярким солнцем
гумно освещено,
и распевает звонко
воробышек в окно.
На маленькой лужайке
проклюнулась трава.
Над речкой выются чайки,
и плещет синева.

ВЕСЕННЯЯ ВЕРБА

Ветра пронзительны, и лед
с утра сковал в овраге лужи!..
А вербы куст цветет, цветет
в узоре желто-белых кружев!

Я подхожу, на куст смотрю,
любуюсь веткой самой лучшей:
в ней иней, отразив зарю,
ласкает золотистый лучик!
И почки с нежной бахромой,
и завязь первая листочков
особой светят чистотой –
такую хрупкой, непорочной!
Я не обижу куст,
сорву
себе на праздник две-три ветки
и дома в банку посажу –
и разольется запах летний!..
Свежо...Небес голубизна
вновь обещает день погожий.
Сегодня – «Вербное» –
весна!
И рядом с вербой я моложе.

2. ВЕСЕННИЕ РАССВЕТЫ

ПРИЛЁТ ПТИЦ

В синеве апрельской
ранний птичий свист
пересыпал трелью
вновь скворец – солист!..
Нынче древний праздник,
птичий – «сорока»,
сорок птиц – все разные –
кружат в облаках!
С правом новосела
пробует лады
птичий хор веселый
в честь утренней звезды!..

НА ИЗГИБЕ ЛУГОВОМ

Желтизною светят ивы
на изгибе луговом,
стаяка уток на разливе
плещет ярким серебром!
И под солнцем разомлели
с первой травкой берега.

* * *

Из сугроба, меж березок,
под веселый крик грачей
светлой струйкой осторожно
выплыл маленький ручей.
Робко булькает, чихает...
осмелел – пустился вскачь...
листья, ветки в нем играют...
чудится то – смех, то – плач...

ОЖИДАНИЕ

Пахнут дымкой рассветы
апреля,
но снега по лесам не сошли...
Гуси-лебеди, солнцу поверив,
прилетев,
на разводьях присели
– и от брызг
блики ярко зажглись!..

Жаворонок на свирели
распевает в облаках.
Селезень в наряде брачном
отражается в реке!
...Ем я дикий лук и плачу
на седом солончаке.

ЛЕБЕДИ

В заре,
над талою землей,
чернеющей, дымящей паром,
летела низко птичья пара,
сверкая снежной белизной!..
Над камышами взмах тяжелый
должно быть ослабевших
крыл,
казалось, – в воздухе застыл!..
Но только кликаньем веселым
ко мне навстречу воздух
плыл...
Стою в низине я под гривой:
еще озера подо льдом,
еще снега в лесах кругом –
и этот сказочно красивый
миг постигаю я с трудом!
И вспоминается мне осень:
уже пустынные поля,
замерзшая во льду земля
– затянутая дымкой просинь!
В озерах только полыньи –
последних лебедей лавины
плывут по небу, словно
льдины,

Я люблю в ослепительных
далях синь весенних,
раздольных вод!
Вербы желтые порасцветали
вдоль оврага,
и сотни проталин
приподняли у берега лед!..
С каждым днем прибавляется
трещин
и все шире просветы воды.
Мне счастливые зори
обещаны!..
Как свиданья с любимой
женщиной, жду –
вот тронутся белые льды!!

под крики грустные свои!
На белых крыльях виден снег
и в мощных взмахах –
свист метели!..
Была зима длиною в век –
и вот вы снова прилетели!!

ЗИМА ПОСТАВИЛА ЗАСЛОН

С утра дымились солнечные
дали
и плавился в овраге серый
снег...
Поля и рощи двигались,
сверкали...
С бугра ручьи в луга неслись в
разбег!..
Я видел: на поляне цвёл
подснежник,
и бабочки порхали здесь и
там...
Но – свечерело.... Заскрипел
валежник,
холодный ветер свистнул по
кустам.
На небе – тучи...
Кружат хлопья снега
и падают, сжимая в мёртвый
сон
ручьи, поляны...
Словно напоследок
зима – весне поставила заслон.

ВЕСЕННЯЯ ЗАРЯ

Блеск зари...
На заливах и старицах
рыба плещется, утки
кричат.
Слышу я, как листки
распускаются
на берёзах, как травы
хрустят.
Ещё выпадет злобный
озимок,
льдом покроет ручьи
и овраг,
но подснежник –
цветок мой любимый
на поляне сияет, как мак.
А скворец, чёрным фраком
блистая,
как жених, над скворечней
поёт...
Взмыла с плёса гусяная
стая,
продолжая на Север полёт!

СОК ЗЕМЛИ

А лес еще сырой и черный,
но, согревая прелый лист,
веселый луч скользит на корни
– береза трепетно дрожит.
А корни, словно щучьи спины
пятнистые, ныряют вглубь...
Поодаль светится осинник,
и горечь чувствую у губ.
Какой, не знаю, час брожу я –
такая нега, тишина!
И непонятное волнует:
откуда столько сил, весна!?
...Вспухают почки, расцветают
сережки в ивах над водой,
и сок березы проступает
из трещин, пенясь над корой!!

* * *

А день восходит, полный
синева,
пыль солнечная вьется за
ветрами.
На бугорке – зеленый вихрь
травы...
И бабочка летит к оконной
раме.

СВЕТ ВЕРБЫ

В своем лесу, в своей избушке,
среди своих родных берез
я низко кланяюсь кукушке,
что мне “ку-ку” поет всерьез!..
Лес все заметней зеленеет.
Хотя лежит в овраге снег,
но день просторнее, длиннее...
И слышен в поле скрип телег.
В своих краях, в своей деревне
и солнце светит веселей!
Свет желтой ивушки-царевны
от ярких почек – золотей!
Чту “вербное” – весенний
праздник,
и на душе опять светло.
Пусть нас с тобою нынче радует
природы вечной волшебство!

В НОЧЬ НА ПАСХУ

Льётся лунный свет на
прясла,
и колдует мать в ночи.
Тесто сдобное для пасхи
в кадочке пыхтит, ворчит.
В руки мать берёт мешалку
и взбивает не спеша.
Вот клюкою в печке
жаркой
движет угли, вороша.
На листьях, залитых
маслом, –
пасха, сдобы, куличи.
На поду с румянцем
красным
сладко пахнут из печи.
Мать заслонкою звенит,
лунный свет в окне
дрожит...

ПРИШЛА ВЕСНА

Пришла весна. Проталин
пятна,
в них – зелень первых
стебельков.
Журчат ручьи. С ума я спятил:
рву вербу жёлтую с кустов.
Стерня сверкает в дальнем
поле,
сверкает лебедь белизной,
в лицо мне дует ветер вольный.
И пенье птиц – над головой.

Над мокрой полевой дорожкой
парит дымок, и в ноздри бьёт
щемящий запах – аж, до
дрожи...
Край солнца огненно встает!

* * *

В обед еще звенели ручейки,
но схолодало к ночи – пал
озимок.
Поляна побелела от тоски
и ручеек затих, ледком
теснимый.
Подснежники, по грудь в снегу,
грустят –
их лепестки висят,
обледенели...
А лебеди “клык-клык” вблизи
кричат.
Вот, сделав круг, на старицу
присели.

ЖАВОРОНОК

Жаворонок в небе майском
песенку мне пел
и, качаясь, сладко маясь,
под облаком висел.
Как на ниточке висел!
Долго слушал я, смотрел...
А потом сложил он крылья –
камнем вниз – и в травах
скрылся.

ЗАРЯ

Блекнет небо звёздное –
тонкий штрих зари
узенькой полоскою
радужно горит.
В синий свет окутаны
дали Иртыша...
Свежестью предутренней
полнится душа!

* * *

Весенним ярким солнцем
обласкана река,
в ней, с самого-то донца,
всплывают облака.
Вдоль берега – лужайки
с зелёною травой...
– На что вы, чайки, жалуетесь,
крича так надо мной?

ДВЕ ЗАРИ СОЕДИНИЛИСЬ

С неба тайное свечение
майской ночью напролёт!
В нём – черёмухи цветенье...
В нём – закат обнял восход!
Две зари сошлись над
плёсом...
Смех девичий у реки...
брачный гомон птиц...
плеск вёсел...
ивы в речке – островки!..
Две зари соединились...
– Помнишь май, в него
влюбились.

* * *

О, эта теплота земли!..
Крик воробьиный радостный.
Остатки снега залегли
в кустах...
Овраг, в нём – заводи.
В них светит талая вода,
что солнечными днями
с полей, лугов сошла сюда,
сверкая ручейками.
... Часами я в полях брожу
по светлым, чистым лужам:
Вот чибис взмыл по виражу...
вот две вороны кружат...
А вот, в низине кое-где
ростки травы пробилась...
– Возникли лучики в воде
и – взгляд мой ослепили!..

ОЗИМОК

Вновь земля покрыта снегом,
липнут хлопья к сапогам...

3. ЦВЕТОЧНАЯ ПОЛЯНА

НА ЛУГУ

На лугу меж ивами мерцает
старицы серебряный рукав.
Ряской, камышом он растает.
Берег в мягких травах, как в
шелках.
Отражаются в воде сонливой
белые, как льдины, облака...
От кувшинок снежный блеск
игривый...
Далеко за лесом синь-река.

Сколько света, дивной неги
разлетелось по полям.
Пересилив притяжение,
рой снежинок в виражи
устремился...
И в скольжении
снег вовсю пошёл кружить!
Шапку сняв, я собираю
новый звёздный урожай...
А снежинки нежно тают –
только губы подставляй!..

* * *

Проступает вода по низине
и дымится на солнце парок!
Вижу крохотный стебель,
С мизинец,
что украсил собой бугорок.
Что за стебель?..
Ну, точно, подснежник
пробивает сухую траву.
А над лугом весенняя
нежность
с песней птицы летит в синеву.
Пахнет прелью, смородиной
терпкой,
из куста вытекает ручей:
«Буль-Буль-Буль!» – голоском
неокрепшим
напевает в сверканье лучей.

* * *

Очнулся мир, дремавший до
поры...
Пьянит из ряма горьковатый

МЕДУНКИ

Резкий запах смородины,
горький привкус осин
мне напомнили Родину
в пору тяжких годин.

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Рву опять на поляне цветы:
васильки, резеду и
ромашки.
Их люблю в старый дом
принести.
А зачем?
Они – сон мой вчерашний.
Стены помнят иные года,

запах
сосновой, растопившейся
коры...
Вот суслик на бугре привстал
на лапках.
Разбойно свистнув, в норку
вмиг нырнул...
Бурлит ручей водой
прозрачной
талой...
Вот жаворонок трелью
сыпанул...
... А лёд в затоне – в всполохах
кристаллов!

МОЛЮСЬ Я...

С весёлым звоном ледоход
прёт вольным Иртышом!..
И верба в старице цветёт
желтеющим пушком.
Весне, любви настал черёд –
апрель встревожил души...
Неотразим зари восход –
я воркованье слушаю.
Крик чайчий у Иртыша
тревожит неба синь!
Весна, молюсь я, не дыша:
«Ты выше всех святынь!!»

РЕЧНАЯ СИНЕВА

Смотрю в речную синеву,
как в очи ясные России!
Люблю небес голубизну!
Мне дорог цвет весенний –
синий!

те, что были юнее и
звонче...
Я цветов не дарил и тогда
той, единственной, нежной
девчонке.

ПЛАВАЮЩИЕ ЦВЕТЫ

Ряска, лютик, водокрас,
жёлтая кубышка
на протоке в ранний час
плавают неслышно...
Только солнышко взойдёт –
гладь речная зацветёт!

КУВШИНКА

Кувшинка нежно-белая
на старице цветёт
и на листочке-лодочке
качается, плывёт.
Заря слегка румянится
над тихою рекой,
кувшинка, как снежинка,
блестит передо мной.

ПОДСНЕЖНИК

Ещё снега в чашобе
непролазной,
ещё позёмка по ночам метёт,
а вот сегодня (я заметил
сразу)
цветочек белый меж кустов
растёт.
Иду поближе...
Он, гордец-подснежник,
вобрав в себя горячие лучи,
все лепестки раскрыл...
Красивый, нежный
сияет...
А вокруг журчат ручьи.

МАРЬИН КОРЕНЬ

Марьин корень, пион
розоватый,
лепестками неслышно дрожит.
Из оврага – из тьмы сыроватой
он на солнышко робко глядит.
Май прошёл, а тепла ещё мало,
но цветок излучает свет алый!

АПРЕЛЬ 1943 г.

Солнце греет мой чубчик
вихрастый,
запах талого снега – в лицо!
Рядом крики вороны горластой
и скворчиная трель над
крыльцом.
У бычка залоснился загривок –
отощали за зиму бока...
Пёс бежит ко мне, лает игриво,
в первой луже плывут облака.
А вверху – бесконечное небо...
... Годы шли... Столько
стаяло снега.

БЬЮТСЯ ЛЬДЫ

В заре мерцает луговина
и слышен клич пролётных
птиц.
Плывут по речке, бьются
льдины –
в осколках блещут иглы спиц!

А у моста – затор... Армада
из хрусталя и серебра!..
Под хруст и звон я пью
прохладу
и забываю боль утрат.
Ну, что в груди моей сомненья
пред буйством солнечной воды,
перед весенним вдохновеньем,
с которым звонко бьются
льды!?.

ОПЯТЬ СВЕТЛЕЮ ГОЛОВОЙ

Апрель извечно манит нас
проталинами, небом синим
и чистотой девичьих глаз –
тех первых, так любимых...
Взгляни, как пламенем зари
зажглись на небе звёзды...
Вновь пробуждается в крови
желанье к дальним вёснам.
... Пью сок берёзки молодой,
целую вновь подснежник.
Опять светлею головой
и ощущаю нежность!..

ПРОШЛИ ПАЛЫ

Вдоль леса по опушке –
борозда,
глубокая, длиной во всю
поляну...
Я за клубникой вновь пришёл
сюда,
но всё вокруг переменялось
странно.
Прошли весной палы здесь –
из
кустов
обугленные видятся тычинки...
Нет ягодника... Нет былых
цветов...
Растут одни лишь тощие
травинки.
Опахан лес! – и шрамом
борозда...
Не слышно птиц – видать,
сгорели
гнезда...
Кто виноват в пожаре?.. Ведь
беда
на много лет останется
коростой.

ВАСИЛЁК

У дороги синий василёчек
головой кивает мне, зовёт.
А июльский тёплый

вечерочек
в листиках его поёт, поёт.
Подойду и наклонюсь с
приветом,
приголублю синий огонёк,
расскажу ему лишь по
секрету
как давным-давно я
одинок.

МАЙСКИЙ ЛУГ

Когда хандра, когда недуг,
и в сердце воля убывает –
вдруг в сны приходит майский
луг!
И жизнь, как прежде,
расцветает!
И жаворонок в синем небе,
а на разливе – белый лебедь!

ИВАН да МАРЬЯ

Жила в моей деревне –
Марья!..
Я вспомнил трудное житье,
как в дни войны соседний
парень
Иван вернулся на село.
Пришёл израненный войною
солдат – безусый паренёк...
На костыле, с одной ногою...
Женою Марью он нарёк...
Иван да Марья!? – цвет
прекрасный
цветов лесных на зорьке ясной.

НА ИРТЫШЕ

Иртыш в разливах вольных
плещет,
вобрав последние ручьи!..
Я слышу в ивах голос вещий
из прошлого, как в забытии.
Ночь майская смежила веки –
две зорьки в небесах сошлись!
Петух со сна прокукарекал,

две фары на лугах зажглись.
Вот стих мотор...
Лишь писк случайный
тревожит чутко тишину
да вздох березы, шелест
тайный травы
связались в нить одну!..

ПОДСТРИЖКА ДЕРЕВЬЕВ

Смотрите!? – плачут деревья,
сок – слёзы на тротуаре...
Падают ветви, как перья
птицы, в полёте раненной!
Идёт подстрижка деревьев –
красоту наводят по городу...
И больно очень, поверьте,
под ногой видеть веточку
гордую.
В ней уже набухли почки
и проклюнулись лепестки –
как письма к любимой на почте
раскрыться желали они!
Уж слышалось им лепетание
на ветру зелёных ветвей...
И чудилось, как с содроганием
в них врывается вихрь лучей!
Им хотелось подставить
ладошки
всех листочков под тёплый
дождь...
– Эй, садовник, помешкай
немножко,
это деревце хоть не трожь.

ВЕРБНОЕ

Сегодня – «Вербное!» – весна!
В окне – большой рассвет...
Я вижу иву у окна,
в ней – старины завет!
На влажных почках – синева,
в ветвях – сосулек лёд!
Воркуют голуби...
Слова
любви мне высь поёт!

РОЗАРИЙ

Я люблю не в парках розу –
а шиповник здесь, в лесу.
И терплю его занозы –
в пальцах веточку несущу!

ЛИЛИЯ КУДРЕВАТАЯ

Лилия кудреватая
мне качнулась в лицо,
лепестки её красные
сжались в полукольцо.
Посредине цветочка
копошится пчела...

Оглянулся: тропинка
в хвойный лес привела...

НАДВОДНЫЕ РАСТЕНИЯ

Я брожу вдоль речки,
в ней кувшинки – свечи!
Над водой – рогоз, тростник
и аир с тризубкой.
Дальше – манник, стрелолист,
камышинки дудки...
Корень белый у аира –
он лечебнее эфира.

ГОРИЦВЕТ ВЕСЕННИЙ

Горицвет весенний, жёлтый,
как подснежник, ясно светит...
Травянистым выстлан шёлком
влажный луг в начале лета.
Пусть апрель в ночах
прохладен,
и в овраге – серый снег,
горицвет, меня порадуй,
подари мне летний свет!

МАЙСКОЕ УТРО

А день восходит, полный
синевы!
Пыль солнечная вьётся за
ветрами.
На бугорке – зелёный чуб
травы.
И бабочка летит к оконной
раме.

МЕДОНОСЫ

Май прошёл...
Цветут поляны,
и снуют шмели и осы.
Рядом – пчёлы, дух
дурманный!
Это время медоносов.
В каждой маковке цветка
жизнь прекрасна и сладка!

ЖИЗНЬ И РУСЛО

В. Макарову

Мне сегодня стало грустно:
здесь, в долине, у реки
понял – жизнь меняет русло!..
Мы же, люди, мотыльки.
Мы дичаем, беды множим...
Обмелела наша жизнь...
Оттого досада гложет...
И темнеет неба высь!
Все не так во мне... А речка,
русло старое храня,

повороты вьёт, колечки...
Воды плещутся звеня!..
Все в природе соразмерно,
мудро, прочно на века...
– Ну, когда в себя поверю
так, как светлая река?!

ЗАВОДЬ

Меж талов глубокий залив –
ямы в нём, водовороты...
Мрачен остров, молчалив –
вся река – за поворотом.
Этот маленький рукав
называют просто: «заводь»...
Мир таинственен, лукав –
здесь русалки жизнью правят.

ПОДСНЕЖНИК

Подснежник мой, тебе
хотелось
ласки,
ты распустил под солнцем
лепестки,
но за ночь снег смертельной
белой краской
опять прикрыл и травы,
и кусты...
Берёзы индевеют, смёрзлись
почки –
ты, словно чудо, гибнешь на
снегу...
Мне кажется: Снегурочка не
хочет,
уйти, ещё не ведая беду!..

ВЕСЕННИЕ КРИКИ

Весенние крики ночами
над озером сводят с ума...
Всё то, что до срока молчало –
теперь и не вздумай унять!
Безудержность криквы и выпя.
В томленьи – лягушечий
звон...
Мир радостный всюду
рассыпан,
околдованным сладостным
сном.
Вот – чибис, пронзительно
близкий...
Вот плакса – кулик, то – сова!...
Клич сыплется звёздными
искрами.
Влюблённые слышу слова!

4. БОСОНОГОЕ ДЕТСТВО

ПАСТУШОК

Не от бедности ума –
от богатства сердца,
он построил терема
сказок по соседству.
И учился он и рос
больше не по книжкам –
пастушком среди берёз
подростал мальчишка.
Зябкий кустик обнимал,
кланялся с зарёю,
и один лишь понимал
каждый вздох коровий.
Птицы, звери – навсегда
стали ему близки
и встречали, как вождя,
криками и свистом!
В царстве солнечном, в лугах,
где цветы в сто радуг,
понял он, как дорога,
Родина и радость!
В холод, слякоть иль жару –
то в седле, то – пеший,
стадо гнал он поутру,
кнут свистел, как леший.
И в ненастье, хоть продрог
в шалаше из веток,
строил терем-теремок
из дождя и света!!

В ЛЕСОПОСАДКЕ

Майский лес-чародей
снова сказкою манит:
танец маленьких лебедей
вижу я на поляне.
Ёлочки в кружевных
юбках, нежно-зелёных,
стройные, на носках
приподнялись смущённо...
... Вот ударит оркестр –
ряд за рядом смешаются...
Только тихо окрест,
птахи лишь откликаются.
Ёлочки всё стоят
на одной ножке чутко...
Я, пацан, очень рад
этой сказочной шутке.
Затаившись, всерьёз
жду вступленье оркестра...
Свет ребяческих грёз
наполняет мне сердце.

МАЛЬЧИШКА БОСОНОГИЙ...

Просёлочной дорогой
к соседнему селу
мальчишка босоногий
шагает поутру.
Там – школа, и там в классе
ждёт парта и друзья...
Вслух вспоминает басню,
чтоб лучше рассказать...
В лесу прохладно, сыро,
с ветвей, как дождь, роса.
Цветы зонты раскрыли
и смотрят в небеса.
– Вот первый луч несмело
лист жёлтый обласкал...
Вот птичка зазвенела
и ветер заплескал...
И слышно: где-то в поле
грохочут трактора...
Всем существом доволен
мальчишка тот с утра!

САМАН

У соседей был саман
глиняный, как башня,
жил в нём Сашка-атаман,
мой кумир тогдашний.
Сколько зим прошло с тех
пор?..
– Я приехал в отпуск:
а саман – осколком гор
светит в вечер росный!

БЕЛАЯ СОВА

Ночью белая сова
тоже стала чёрной,
машет крыльями едва,
в луг летит дозором.
Из норы полёвка вышла –
вниз, стремглав, сова – на
мышку.

* * *

Играют дети в прятки,
грачи летят на луг...
Проклюнулся на грядках
в зеленых стрелках лук.
Дед ладит топорище
на лавке у крыльца,
а над скворешней свищут
два радостных скворца.

На кольях банки, крынки
искрятся, как слюда...
О чем-то, о старинном
поют мне провода.

д. Старосолдатка

В КОШАРИНСКОЙ ЛЯГЕ

Лист первым цветом
зеленеет.
А на поляне, вдалеке,
косуля, хвостиком белея,
летит в стремительном
прыжке!
В мгновенье в ракете
исчезла,
блеснул пушистый
пяточок –
как пух лебяжий, как
подснежник...
И вновь – прыжок!
Ещё – скачок!

ЖЕРЕБЁНОК

Помню светлую речку и травы
на некошеном нашем лугу,
и мальчишек весёлых ораву,
раздевающихся на бегу.
Бултыхание, всплески и
крики...
... Спутанная кобыла, а близь –
жеребёнок игривый и дикий
то сорвётся в галоп, то – на
рысь.
Хвост трубой на ветру
раздувая,
по лужайке ромашковой
мчит...
Нас манила езда удалая,
вслед ему плыл ребяческий
свист.
Жеребёнок был тонкий,
глазастый –
и, особенно, ноги стройны...
Через год его здешней
медчасти
передали, в конце уж войны.

СТОЮ ПОД ВЕРБОЙ

Нежданный аромат с куста!..
Стою под вербой неприметной:
из каждой почки, в пол-листка,
флажок зелёный рвётся к
свету!

А на поляне, меж берёз,
где ручеёк журчит чуть
слышно,
привстал подснежник, как
вопрос:
Вновь тучка рядом – снегом
дышит.

* * *

Туманным рукавом накрыта
в мерцающей заре река...
С берданкой старой,
в ветках скрытый,
смотрю на плёс я из скрадка.
Невыразимо сладкий запах
над лугом плавает в тиши...
Вот чибис у ручья заплакал...
Вслед всполошились
крякаши...
И куличок, взлетев с обрыва,
кричит отчаянно, навзрыд...
...А я – пацан ещё, счастливый,
тревог не знаю и обид.

ТРИШКИН УВАЛ

С детства я тебя познал:
лес на склонах, травы...
Возвышался ты, увал,
гривой величавой!
В согре, под горой,
смородина –
запах чудный, запах Родины.

СОВЁНОК

Дикий лес с тропой
звериной...
Утопают ноги в мох.
Резкий, громкий клич
совиный
застаёт меня врасплох.
Рядом в веточках – совёнок.
Желторотый... Серый
пух!
На меня глаза спросонок
он тарацит: «Что за
дух?..»
Обхожу куст осторожно,
а сова над головой,
вниз срываясь с кликом
грозным,
кажет когти: «Кто
такой?».

ВЕСЕННИЕ СПОРЫ

Вальдшнеп – лесной куличок,
вдохчет над тихой поляной.

Красавец, драчун-петушок
кружит в рассвете туманном.
Маховых перьев изгиб
мерцает лучами...
Навстречу соперник –
бой в ярости сшиб
друг с другом их в споре
вечно.

КРУЖИТ КОРШУН

Я вижу: кружит коршун серый
над кромкой овсяных полей...
Слежу за птицей взглядом
верным,
иду тропиночкой своей.
Он круг за кругом, ниже-
ниже...
Вот когти выпустил уже!..
И в сей момент птенца я вижу
в траве, на узенькой меже.
Бросаю в коршуна я кепку
и к птенчику скорей бегу...
Тот – желторотый, неокрепший
– как одуванчик на лугу.

ДОЛ

Полюбил я с детства луг –
в нём траву косили.
Вился речки полукруг.
И стрижи кружили...
Собирала мать в подол
землянику красную...
Лишь поздней узнал, что
дол –
это луг мой ласковый!

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД

Осколки белых льдин на берегу
играют хрусталем, горят
лучами.
Я, радостный, с веслом к реке
бегу,
сверкает лодка черными
боками.
Мы с дедом конопатили вчера,
пазы кипящим варом
пооблили...
И вот я в лодке и кричу:
«Ура!..»
Гребу против течения что есть
силы!

* * *

Ромашковый луг, и гусята на
нем.

Теленок на привязи бродит...
Галка с разлета, играя крылом,
пикирует – это к погоде.
Речки слепящей большой
полукруг,
с песчаной косой и мостками.
Каскадами – брызги!
Мелькание рук,
с мальчишескими голосами.

РЫБАЦКОЕ СЧАСТЬЕ

Красно-розовый, пугливый,
в речку тычется закат...
Трое мальчиков счастливых
на больших мостках сидят.
Удочки к воде склонились,
чутко дремлют поплавки...
В лицах детских отразились
блики радужной реки.

ДОЖДЬ И МНЕ ЛИЦО ОМЫЛ...

Дождь летел, плясал и пел
меж берёз высоких...
Рад дождинкам чистотел
и овёс поблекший.
Куст смородины блестит
ягодой чёрной...
Чудо-радуга висит
в стороне озёрной.
Дождь и мне лицо омыл.
Солнышко вновь греет...
Жаворонок в небо взмыл,
рассыпая трели.

* * *

Два грача из старых веток
на березке строят дом.
Майский день над ними,
светлый,
смотрит солнышком в гнездо...
Утомились... чистят перья,
к людям полные доверья!

Я ВИДЕЛ САМ

С красно-бурою окраской
на меже, где чистотел,
притаилась хитро ласка...
Глупый суслик осмелел.
Только вылез он из норки –
ласка хватить его проворно!
Удивила меня ласка!
А на вид зверек так ласков...

* * *

Под забором, где крапива да
лопух,
у крапивницы в гнезде уложен
пух.
Как в теплице,
в этом крохотном раю
три птенца таращат клювы
на краю.
Желторотые, смешные враз
пищат:
«Где ты, мама, прилетай
скорей назад!»

* * *

В траве высокой и густой
поёт пчела о тёплом лете...
Плывёт малиновый настой
в сиреневом рассвете.

5. ГОЛОСА ПТИЦ

ВЕСЕННЕЕ УТРО

В полях – синё!..
За дальней городьбой
большой простор клубится
пред глазами!
На гриве трактор свежей
бороздой
ползёт... луг – стадо... клич
под небесами...
То гуси-лебеди спешат домой,
на Север дальний, в выси
голубой...

СОКОЛ

В небе чистом, синеоком –
круг за кругом, чертит сокол...
Как стрела, промчался вниз
сокол – голубятник,
птицу над рекой настиг,
сбил – пух вьётся ватой!

ГАЛКА

В тёмной шапочке ворсистой,
с опереньем ярко-чёрным,
как воришка – в гнезда птичьи
лезешь к деткам
безнадзорным...
Ах, проказница ты, галка,
как птенцов чужих не жалко?!

– О чём же плачешь, птичка
ты?..
Гнезда я не затрону,
птенцам желаю подрасти –
взлететь в простор зелёный.
Я сам, как маленький птенец,
– голодный, босоногий...
И с фронта не придёт отец,
не стукнет у порога...
Листва над самой головой
лепечет...
Плачет птичка...
Я, конопатый и смешной,
вхожу в лес земляничный.
п.Береговой

* * *

Смотрю я с обрыва –
до дна вся видна!

АИСТ ЧЕРНЫЙ

Аист черный – джентльмен
в горделивой позе,
ждешь от жизни перемен,
и дождешься, может?
Фрак блестящий жениха,
белая сорочка...
Ах, судьба твоя лиха,
как у многих, впрочем.
В Красной книге ты теперь
смотришь со страницы...
Человек – совсем не зверь,
но исчезла птица.

КРОНШНЕП

Весь вечер над пустынным
плесом,
над болотиной луговой
летает кроншнеп... И вопросом
мне слышен птичий крик
больной.
То с куличком вдвоем поплачут,
то к чайкам ближе подлетит,
то ввысь взметнется наудачу –
и зов печальный рвет зенит.
... И я – один на берегу –
ему ничем не помогу.

САПСАН

С острыми крыльями, как
реактивный,

А струйка ключа холодна-
холодна...
Мелькнет то гольян, то карась
золотой,
и всплеск разбежится веселой
волной.
Ах, Оша родная, моя ты душа,
как в летушко красное ты
хороша!..
Мальчишки, как свечи,
с обрыва летят,
ромашковый луг, стайки
желтых цыплят...
Течешь из Тениса в Иртыш,
в океан,
лугами, полями – и в дождь
и в туман.

сокол промчался в тиши.
Кряковый селезень плюхнул на
лыву, –
ныр – и ушел в камыши.
Сбелым брюшком, отливающим
медью,
сокол сапсан в вираже
выпустил когти и, скорость
замедлив,
чиркнул по волнам уже!

ПУСТЕЛЬГА

Юркий сокол-пустельга
вмиг завис в полёте,
смотрит зорко на луга:
мышка там в дремоте.
К солнцу вылезла из норки –
её видит сокол зоркий!

СОРОЧОНОК

Терновый кустик в тишине
шуршит,
и ярко-жёлтый светится
горошек.
У сорочёнка несчастливый вид:
нахохлившись, сидит он, всеми
брошен.
Ползёт всё выше солнышко в
зенит.
Жара... Ни ветерка...
Притихла роща.
Поляна в полудрёме сладко
спит.
Лишь сорочёнок кыркает и
ропщет.

КУРОПАТКА

Шёл я полем возле леса
и почти у самых ног
вдруг увидел интересный
с серым пухом бугорок.
Вот головка, клюв –
о, Боже,
вижу птицы робкий взгляд...
Здесь гнездо!?!..
И осторожно
отступаю я назад.

СЕРАЯ ЦАПЛЯ

Высокая птица – серая цапля
на длинных и тонких ногах
так ловко клювом рыбок
цапает
из речки, на чистых ключах.
Важно ходит по белой косе...
Солнце играет на влажном
песке.

КАЗАРКА КРАСНОЗОБАЯ

«Кли-кли-кли!..» – кричит
казарка
одинокая вдали.
Лёд да снег...
Признаюсь: жалко
птиц пролётных мне с земли.
Гонит резкий ветер к югу,
разрывая в сотый раз
клин уставший.
Друг за другом
стаи мчатся в небесах.
А к казаркам краснозобым
интерес у нас особый.

ПISКУЛЬКА

Гусь-пискулька, белолобик
пролетает рядом, низко.
На посадку вновь заходит
над равниною искристой.
И кричит призывно, тонко:
слышу клич – как плач
ребёнка.

СТРЕПЕТ

Стрепет – мелкая дрофа,
с опереньем пёстрым,
но быстрее петуха
пробегаёт вёрсты.
Длиннонога и стройна,
словно ветер, мчится.
Ей трава и степь нужна –
в озими гнездится...

САВКИ

По-над озером сделавши
круг,
в чучела опустились две савки.
Безбоязненно смотрят вокруг
две красавицы – утки, две
самки...
Полыхает на плёсах весна
зоревыми, живыми
лучами.
Где же селезни?
Чья же вина,
если птичья любовь
отзвучала?
Кто придумал охоту
весной?..
Замер я, задохнувшись
виной.

БАЛОБАН

Рыже-бурый великан,
ты похож на беркута.
Ты – последний могикиан
птичьего бессмертия.
Чем же ты не угодил
человеку ныне?
Гордо в небесах парил –
и куда-то сгинул.
Как боялись суслик, мышь –
если был ты рядом...
А теперь – над полем тишь,
грызунам на радость!

ЧАЙКИ

Весенним, ярким солнцем
обласкана река.
В ней с самого-то донца
всплывают облака.
Вдоль берега – лужайки
с зелёною травой...
На что вы, чайки, жалуетесь,
крича так надо мной?

КОЗОДОЙ

Бекал, плакал козодой
в тальнике полночном.
Тьма казалась мне бедой
в этой мокрой роще.
Отсырел костёр, угас –
словно свет улитки.
За ночь не сомкнуть мне глаз –
я промок до нитки.

ЯСТРЕБ

Ястреб крылья расправил,
над поляной парит.
Смотрит влево и вправо –
спать мышам не велит
Машет крыльями редко...
На мгновенье – завис.
Ясно: что-то приметил –
камнем падает вниз!

ХРОМОЙ КУЛИК

Лес обнажился...
Стынут дали
с поблекшим лугом за рекой.
Хромой кулик, отстав от стаи,
всё кружит, плачет надо мной.
И вот на отмели песчаной,
где в волнах плавится закат,
между камней исчез
печально –
сам будто в чём-то виноват.

ВЫПЬ

В предутренней дымке, в
холодной заре
иду по болоту в большой
кочкаре.
Осока, камыш – ветка это иль
клюв?..
Бекас вылетает, в сторонке
мелькнув.
Но профиль заметный сквозит
в камыше:
вот крылья... вот ноги...
И смутно в душе.
Ведь я же охотник – меня ль
удивить?...
Всё ближе и ближе – да это же
выпь!

ДРОЗД

Дрозд-рябинник...
Хитрый дрозд
любит ягоды в мороз.
В ветках снежных утром синим
он клюёт в саду рябину.
Розовеют ягод гроздь –
в них от солнца свет морозный!

ГРОЗНЫЙ ГОСТЬ

Коршун, разомлевший от
жары,
снизив круг, на старый пень
садится.
Клюв открыт... Как искорка
грозы,
огонек в глазах его тaitся.
Задремал... Нахохлился...
Застыл...
Пленка на глазах... Разжались
когти...
Птицы, наблюдая сквозь кусты,
чувствуя подвох – притихли,
смокли.

* * *

На заснеженной полянке
там и здесь – повсюду ямки.
Кто в них прячется, живёт?
Вижу крыльев росчерк – взлёт!
Ну, всё ясно: куропатки
спали в них, играли в прятки.

ГОРЛИЦА

Многоцветный веер перьев
с белым пятнышком хвоста...

Различаю меж деревьев
горлицу я у гнезда.
Она кормит своих деток...
Тихо дремлет полдень летний.

СНЕГИРИ

На снегу полоской ярко-алой
высветились грудки снегирей.
Конопля вдоль берега осталась,
и её осыпал суховой.
Пар морозный с полыньи
слетает,
и белеют дали Иртыша...
Снегири весёлой, дружной
стаей
кормятся за кромкой камыша.

ТУРПАН

Чёрный, словно смоляной,
сел на плёс ко мне весной.
Статный, мощный и красивый,
с алым отсветом бровей –
он плывёт и горделиво
вдаль кричит любви своей.
...С белым зеркальцем на
крыльях,
турпан снова мне приснился.

КРЯКВА

В камыше болотистом, густом
светит озерцо – с ладонь, не
более.
Кряква плещется – её здесь
дом.
Хорошо ей летом на приволье!
Но сегодня первый злой мороз
льдом сковал камыш и
озерину.
Клюв у кряквы в инее, замёрз.
Лапки красные ко льду
пристыли.

СКОПА

Небольшой и юркий ястребок,
с чёрною полоской на груди,
мчит от озера, наискосок.
Два стрижа отстали позади.
Вижу когти и добычу в них:
серебрится чешуёй карась.
Просвистел разбойник – смел
и лих,
меж деревьев в роще
растворясь.

ЛЫСУХА

На речной протоке – глухо,
близко нету ни души.
Тенью лёгкою лысуха
раздвигает камыши.
Чёрная, как смоль,
над клювом –
белая пролысина.
Вслед кувшинка шевельнулась,
разглядеть – немыслимо!..

СОЙКИ

Перья – дыбом на головке,
крылья в чёрно-голубом.
Состязаются в сноровке –
расклевать орех вдвоём!
А сегодня, наблюдаю –
их собралась сразу стая.

6. ЛЮБИМАЯ РЕЧКА

* * *

Шёл я лесом, шёл и полем...
Узнавал места – был рад
подышать забытым вволю!!
Вышел к речке наугад.
«Динь-динь-динь!» – звенит
пичуга.
«Звень-звень-звень!» – с ветвей
роса...
... Фыркнул трактор, и за
плугом
зачернела полоса.
Прохожу среди деревьев
к чистой заводи речной.
Куличок в цветистых перьях
взмыл ракетой надо мной!..
На воде голубоватой
резкий всплеск – круги бегут...
Как любили мы, ребята,
приходить сюда на пруд.
«Здравствуй, речка, рыба,
птицы!
Всем любовь вам да совет...»
– А вода у ног струится,
шепчет: «Где был столько
лет?!..»

* * *

Над поляной пар тёплый
струится
и две бабочки кружат вокруг,
и одна на рукав мне садится...

Мир проснулся!..
Ликует весь луг!

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД

Осколки белых льдин на берегу
играют хрусталем, горят
лучами.
Я, радостный,
с веслом к реке бегу,
сверкает лодка черными
боками.
Мы с дедом конопатили вчера,
пазы кипящим варом
пооблили...
И вот я в лодке и кричу:
«Ура!..»
Гребу против течения
что есть силы!

МАЙСКАЯ СИНЬ

Ранний сумрак вечер нежит,
тёмно-синим воздух стал.
Фиолетовый подснежник
тёмно-синим засиял.
Всё покрылось тёмной синью:
синий луг и синь-река.
В облаках просветы линий

слились в ответ василька.
Вечер майский тёмной синью
луг и лес и небо вымыл.

РОДНАЯ СТОРОНА

Обмелели берега
Оши – узкой речки...
На лугах видны стога,
дым костра – колечком.
Ивы у пруда грустят,
заросли дорожки...
Провода вверху звенят
песнею тревожной.
Скотный двор и городьба

бедных огородов...
Брошенной стоит изба –
в окнах тени бродят.

* * *

Красно-розовый,
пугливый
в речке плещется закат...
Трое мальчиков
счастливых
на мостках в тиши сидят.
Удочки к воде склонились,
чутко дремлют поплавки.
В лицах детских
отразились
блики радужной зари!

СУМРАЧНЫЙ ВЕЧЕР

Из небесной прорехи
сыпанул льдистый дождь...
Леший с громом проехал –
и мурашками
дрожь.
Ещё август, до снега –
«сотни вёрст до небёс»...
Гром скрипучей телегой
канул в сумрачный лес.

НА РОДИНЕ

Я шёл по жизни беззаботно,
и путь казался без конца...
Очнулся: отчий дом,
ворота,
стою один я у крыльца.
Дверь заколочена.
Ступени
крыльца подгнили.
Дом – как склеп.
Цветёт у окон куст сирени,
а я седой, полуслеп...
Встречай меня,
Старо-Солдатка!

Твой свет позвал из
темноты,
ты детство нянчила когда-то,
здесь для меня цвели
цветы.
Те годы песней лучшей
были.
А старости – не обойдёшь...
Шепчу себе: цвело,
любилось!
Но и тоску лишь здесь
поймёшь.

ПОЛОВОДЬЕ

По речке Оша, солнышком
сверкая,
плывут и бьются голубые
льды.
Я на одной из льдин
шестом толкаюсь –
и мой восторг из сказочной
мечты!
А надо мною чаек клич
призывный.
А в окнах изб искрят,
горят лучи. Плыву!
Нет ничего прекрасней в
жизни.
Река и лёд.
И сердце – так стучит!

ЧУДЕСНЫЙ ВЕЧЕР

Трава у берега да ряска,
и холод в синей глубине...
А вечер тих, задумчив,
ласков –
вновь вижу рыбок я на дне.
Карасики все с золотишкой –
играют стайкой,
мельтешат.
И пузырьки от губ
икринками,
сорвавшись, вверх ко мне
летят.
С мостков любуюсь этим
чудом,
и золотистый видя свет,
вновь наполняюсь нежным
чувством
к реке, которой лучше нет!

ОМУТ

В нашей речке, не секрет,
не один есть омут...

Я люблю встречать рассвет
под обрывом тёмным.
В яме, где круговорот,
с голодухи щука
на блесну всегда берёт –
вот такая штука!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Навстречу светлая излучина
блеснула в ивняке густом...
Звёзд близких россыпь –
словно
лучики,
в воде играют под кустом.
Постелью стелется волнистою
осока.
И над ней – туман...
Как покрывало светло-чистое,
волной течёт к моим ногам!

Я – СЧАСТЛИВЫЙ!

Туманным рукавом накрыта
в мерцающей заре река,
лучи просеивают в сите
оранжевые облака.
Невыразимо сладкий запах
над лугом плавает в тиши...
Вот чибис у ручья заплакал...
Вслед всполошились
крякаши...
И куличок, взлетев с обрыва,
кричит отчаянно, навзрыд...
А я стою – такой счастливый,

АМУРСКИЙ КАРАСЬ

Сети по воде стоят углом.
С лодки ботом бьём,
плывём зигзагом,
загоняем рыбу мы с
дружкой.
Только не идёт карась, как
надо.
В сторону прорваться
норовит,
от сетей под лодку аж
уходит...
Час-другой, а рыбку не
словить.
Вот такая хитрая порода!
Браконьерство он не
признаёт,
но на удочку – с лихвой
идёт.

ПОДВОДНЫЕ ТРАВЫ

Рдест курчавый,
роголистик,
элодея – их в пруду,
в водах тихих, сонных,
чистых
на рыбалке я найду.
Вот и хара, телорез...
Вижу весь подводный лес.

* * *

Завешаны зеленым хмелем
окна,
и облепиха дремлет у ворот...
От зноя день затих... Плывут
волокна
прозрачных облаков...
А высь –

поет:

в ней – жаворонка голосок
беспечный,
в ней – грусти журавлиной
оклик вечный!

РОБОСТЬ

Смущаюсь я порою, даже
слишком.
Не то, чтобы боюсь – а робость
есть...
Я битым был:
больших и малых шишек
в моей судьбе, пожалуй, и не
счесть.
Ах, это чувство вечное –
сомненье?!
... А вдруг?.. А если буду я не
прав?
Весна!!! –
И всё прощает нам вселенная:
звенят ручьи и всюду зелень
трав.
Лицо подставив солнечному
ветру,
вдыхая запах утренних полей,
иду тропинкой в тишине
рассветной...
– Хочу я стать смелее и
добрей!

НА РЫБАЛКЕ

Тучи-клубом...
Гром, сорвавшись,
покатился по лесам,
гул за согрой отозвался –
и развёрзлись небеса.

И такой ударил ливень,
что не видно в трёх шагах...
Жмут ручьи вприпрыжку к
лывам,
Ветер стонет: Ох!.. да Ах!..
И машины на дороге
вязнут и в кювет скользят...
Рыбаки бегут, продрогнув,
под берёзы встать спешат.
Двум мальчишкам – рыболовам
не пришлось язей поймать...
Гром с утра гремел, готовый
в речке рыбу распугать.

ОЗЕРО ДОЛГОЕ

Моя живительная чаша,
светлейшая!..
Мне пить и пить
глотками
зори непогашенные,
из детства
в старой лодке плыть.
... Стою в корме,
шестом толкаюсь –
босой мальчонка –
в восемь лет,
как драгоценность выбираю
в сетях рыбешку –
ярок цвет!
Карасики, то с золотистой,
то с серебристой чешуей,
а сеть вся
в капельках искристых.
И чайки вьются надо мной...
А вечером
с берданкой старой
сiju в скрадке
и долго жду,
когда сплывутся утки в парах
– и ствол за ними я вожу!..
Я возмужал здесь,
вырос смелым,
здесь строил сказочный шатер.
И сильный духом,
крепкий телом,
шел бедам
всем наперекор!..
Теперь, устав от гула,
пыли,
спешу из города сюда,
где с детских лет
мне полюбилась
твоя чистойшая вода!

КОРОСТЕЛЬ

Этой ночью в огороде
коростель поёт, звенит.
И с ума собаку сводит
птичий крик.
И пёс скулит...
За плетнём – река с осокой,
в дымке – рощи полукруг.
Смотрит месяц ясным оком
на туманный белый луг...
Я не сплю,
ведь птичий крик
в форточку мою проник.

7. ПОДВОДНОЕ ЦАРСТВО

БАТЮШКА ТЕНИС

На закат проплыли облака...
Розовато-желтые в середине,
дымчатые по бокам слегка –
там, за горизонтом, словно
сгнули.
Горизонт тот – небо и вода,
что соединились тонкой
линией.
Входят облака, как в невода,
тонут в необъятном море
синем.
Озеро, мой батюшка, Тенис!
Ты не в первый раз являешь
сказку...
Догорел закат, мрачнеет высь.
Тьма свои права диктует
властно.

ЩУКА

Зеленоватая, под травы,
и полосатая слегка
у омута, за переправой,
она сторожит окунька.
Прожорливая – дашься
диву!
Встречал длиною с метр,
поди...
Берёт с крючка малька –
наживу,
не дёргай сразу, проведи.

БАЙКАЛЬСКИЙ ОМУЛЬ

Про байкальский омуль
много ходит баек...
И во рту он ароматно тает...
В Ледовитом океане и в морях
обитает издавна во льдах.
А в Байкале – случай здесь
особый
– он совсем озёрный и речной:
любит Ангару, Кичер с Кикой.

ПЕЛЯДЬ

Рыба белая – сырок
в январе, в метели
нерестится...
Весь малёк
сохранится в неледь.
В Енисее и в Оби
этой рыбы – пруд пруди!

ПЛОТВА

Плотва, чебак,
как и сорога.
Её во всех озёрах много.
Ей начинающий рыбак
даёт в признание
высший знак!

КАРП

Карп сазаний...
Есть – зеркальный
и чешуйчатый, линейный.
Он живёт в пруду
печально,
став домашним и
семейным.

НА ОСТРОВАХ

Гребу на веслах. В тьме горят
костры

вдоль тальника по отмели
песчаной.
Сгустились краски...
С узенькой косы
смотрю я на разлив реки
печальный.
Идет в затон с огнями
грузоход,
и бакен красный вдалеке
мигает,
а с набережной вальс-бостон
плывет:
там танцплощадка, молодежь
гуляет.
А я один на островке... Сюда
рыбачить вечерами приезжаю.
Здесь черным гляцем светится
вода,
и в ярких бликах звезды
остывают.

НЕРЕСТ

Ночью майскую, теплой,
в камыше – шелест, всплеск.
Шлеп! – хвосты рыбы
хлопают,
и звенит темь окрест.
Трутся рыбы боками
об осоку, камыш...
И икринки стекают
в приозерную тишь.
Я люблю в плесах лунных
слушать нереста звон.
Камышинки, как струны...
Рыба прет напролом!

НАЛИМ

Из тресковых рыб один
с морем распростился,
там с минтаем среди
льдин
издавна роднился.
А теперь он в речке, в ямах
под корягой лето спит.
Но зато зимою рьяно
ищет корм – так жор велит!

САЗАН

В Зауралье, на Балтыме
обитал сазан давно.
Ел циклопов и босминов,
и шаровок заодно.
Мотылей любил он
красных

и личинки мокреца...
И с лещом дружил
прекрасно,
с ним играя без конца.

НЕЛЬМА

Из дельты Оби в путь свой
длинный
шла нельма к Катуню и
Бии.
Но путь ей водохранилище
с плотиною перекрыли...
Родная сестра белорыбицы
на нерест теперь жмёт
наверх,
по малым речушкам – аж
дыбится
бурун...
В нём – волны пересверк!

ХАРИУС

Сибирский хариус особлив
что в Енисее, что в
Приобье.
В ручьях таёжных, в
светлых реках
живёт привольно век из
века!

ГОЛЬЯН

Он не промысловый, нет.
Так себе – не рыба.
Пацанам хорош в рассвет
на речном изгибе.
Весело гольян клюёт,
тянет поплавочек.
Помню Ошу!
И крючок,
и ушицу, впрочем...

ПОЙМА

У меня крючков – обойма,
только рыба не клюёт.
Заросла осокой пойма:
надо лодку или плот.
Чтобы плыть на плёс
центральный,
что вдали искрит
зеркально.

ТАЙМЕНЬ

В глуби, на каменистом
грунте
мелькнула быстрой рыбы
тень.

Я пригляделся: вижу
смутно –
такой большой плывёт
таймень.
Он режет воду, как
торпеда,
и исчезает в глубь
бесследно.

ЛЕНОК

Рыба крупная – ленок,
любит на крючке личинок...
Вздроснул резко поплавок –
и нырнул в пучину.
Плавню повожу за леску
и тяну, и вот он – с плеском!

У КОСТРА

Озеро в тумане тонет,
стынет синяя вода.
Выпь в болоте тихо стонет,
вздрагивают невода.
Всплеск, круги – то рыба в
сети
попадая, бьёт хвостом.
У костра я не заметил –
ночь ушла, светло кругом.

ЁРШ

Сразу и не разберёшь:
то ли окунь, то ли ёрш.
А колючий, словно ёжик,
но в ухе – ни с кем не схожий.
От него такой навар:
раз хлебнёшь – и бросит в жар!

МИНОГИ

Рыба – минога?!
Знают немногие
о ней, в основном, рыбаки.
Она – невидимка, её дороги
от Туры в Иртыш, до Оби.
Я тоже немного рыбака –
но её не поймаю никак.

ОКУНЬ

Как красив!
Хвальбы достоин,
любит ключ, в тени – обрыв.
Но прожорлив: в мелкой пойме
поедает молодь рыб.
Красно-сине-полосатый,
плещется драчун усатый!..

ЯЗЬ

В водах чёрного Иртыша
от Оби и до самой Яны
язь резвится, идёт к камышам.
Его много в Чанах, на Зайсане.
Есть он в нашей таёжной
речушке.
Язь с подъязком – нет рыбы
лучше.

ЛИНЬ

В сеть мою попался линь
на речной протоке.
Скользкий, и попробуй –
вынь!?
Хитро смотрит оком.

МУКСУН

Да, хорош у нас в Сибири
крупный обский наш муксун...
Нагуляв побольше жиру,
с дельты в море прёт табун.
В леденистых, чистых волнах
рыбьим косякам привольно!

РИПУС

Нерестует поздно, в ледостав.
Ест в воде планктон и ветви
трав...
Холодолобив, неприхотлив –
любит Увильд и большой
залив.
Есть у нас он в Ике, на Чанах.
И в озёрах, что лежат в степях.

ЛЕЩ

Рыбы всплеск под удилицем,
и – оборван враз крючок!
...Подвязал второй.
Кольшет
снова красный поплавок.
Подсекаю!.. Потянул –
лещ стрелой в воде мелькнул.

СУДАК

Не по дням, а по часам
он растёт... Тем ценен нам!
Как поётся в песне:
«Нет ухи чудесней!..!»
Здесь, у озера Чаны,
слышу сказки старины.

СТЕРЛЯДЬ

Как подводная лодка, быстра.
Плавниками колюча, остра...
В полноводный Иртыш, в
Ангару
косяки к нерестилищам прут.
Я стою на откосе реки –
всплеск у ног, а в воде –
огоньки!
Вижу блёстки подводных
ракет.
Лучше стерляди рыбы нет!

БАЙКАЛ

Две реки: Селенга, Баргузин
льются с пеной в озёрный
бокал.
В целом мире, глубинный,
один –
самый-самый прекрасный
Байкал!..
Самый чистый, огромный
Байкал!..
Мне под ноги волну
расплескал.

БУДУ ПОМНИТЬ...

Течёт речка Чулышман
в озеро Телецкое.
Дальше – в Бию сквозь туман
в россыпь половецкую.
Красоту больших хребтов
Горного Алтая
вспоминаю среди снегов
Северного края!..

8. ЗВЕРИНЫЕ ТРОПЫ

УРМАН

То – лиственный лес, а то –
хвойный.
Вдоль берега речки – туман.
Сошёлся стеной
многоствольной
не-про-хо-ди-мый урман.
На сотню вёрст – нету жилья.
На речке парит полынья...

МЕДВЕДЬ

Перед долгой спячкой зимней
у медведя приступ жора:
ест малину, мёд пчелиный,
на овсах сопит обжора...
Видел я, как на реке
рыбу ел он на песке.

УРОЧИЩЕ

Здесь редко ступает нога
человека –
иду я тропинкой
охотничьей:
тайга неприступная,
филина клекот –
богата природа урочища.
Фауну с флорой из века в
век
здесь охранял человек.

ГОРНОСТАЙ

С чёрным кончиком хвоста,
в шубке снежно-белой
у забора из куста
выпрыгнул он смело.
И ворвался горностаи
в зимний наш курятник:
от куриных шумных стай
пух летел, как вата!..

В два прыжка хитро исчез –
и по огородам
убежал проворно в лес,
спрятавшись в колоде.

ВСТРЕЧА С БАРСУКОМ

Белые и черные полоски
к носу протянулись от ушей...
Юркнул в норку под кривой
березкой.
Я дивлюсь на лабиринт
траншей!
Поископана вокруг поляна,
свежий грунт... Вот старая
нора...
– Как подземный замок?
Очень странно...
Вечерет, мне домой пора.

РЯМ

Рям сосновый, пряный рям,
по озёрным берегам.
Зеленеет, как весна,
оттого душа ясна!
Здесь морошка с голубикой,
с алой клюквой и брусникой...
Лебединый клич печальный,
и рассвет над тундрой дальней!

ЛИСИЦА

Одинокая лисица
в норке у реки живёт.
Длинной ночью ей не спится,
и она на луг идёт.
Запахи ей нос дурманят:
куропатов свежий след
в плотный куст таловый
манит...
Виден перьев белый снег.

УЖЕ НЕ НОЧЬ!

Высоких сосен сумрачный
покой
в распадке охраняет чьи-то
тени.
Над узенькой таёжной
рекой
дрожит рассвет неясным
сновиденьем!
Уже не ночь!
Повсюду – полумрак.
Вверху, в ветвях, – полоска
синей выси.

Так осторожен лося
близкий шаг
у водополя...
Рядом – шорох рыси.
В замшелых берегах вода
чиста,
багульником и хвоей утро
пахнет.
Вот распахну избушку – и
тогда,
Ты, приоткрыв глаза,
невольню ахнешь!
Два света раздвигают
полумрак:
зелёный свет
пронзительный, и – белый.
И отступает темнота, как
враг,
и входит целомудрие
несмело!

РЫСЬ

Желтовата, в тёмных пятнах,
а с ушей свисает кисть.
Когти длинные на лапах...
Зверь – красавец, это – рысь!

ВСТРЕЧА С ЕНОТО- ВИДНОЙ СОБАКОЙ

С серо-бурою окраской,
с бакенбардами на морде –
осторожен зверь, опасен...
Лучше мне его не трогать.
Только я взошёл на горку –
юркнул он проворно в норку.
Заглянул: там ветки ёлок,
терпкий запах от иголок...

В ЗАБРОШЕННОЙ ИЗБУШКЕ

Зеленеет сосновая роща,
резок запах смолы на
стволах...
ветер солнечный ветки
полощет,
и закаты горят в облаках.
Ни звонков, ни гудков...
Над избушкой
вьётся струйкой узорчивый
дым...
Вместо радио – птицу я
слушаю,

в синей речке смотрюсь
молодым!
Как стемнеет – сажусь на
порожек:
чай брусничный из кружечки
пью...
Лет на двадцать себя я моложе,
здесь, в дремучем таёжном
краю!
речка Туй.

ВЫДРА

Настала летняя пора,
стрижи над речкой кружат...
Одна – в воде сквозит нора,
вторая – здесь, снаружи.
На мелководье, среди камней
ждёт выдра спозаранку
рыбёшек: ловит шук, язей –
их складывает в ямку.
Она – как истинный рыбак:
не нужен мелкий ей чебак.

НАСТУПЛЕНИЕ НОЧИ

Тьму тревожит дерево
скрипучее...
Козодоя мекающий свист
стих в лощине...
Свет звезды падучей
высветил на миг пожухлый
лист.
Тишиной болотной
наслаждаясь,
каждый кустик тайной ночи
пьян...
Из-за тучки месяц выплывает,
ослепляя призрачность полян.

ХОРЁК

Хорь-хорёк, зверь полосатый
кур в проулке стережёт.
Вот сейчас одну он схватит,
в лес с собою унесёт.
А по полю – пух куриный.
Бело-белый, снегом зимним...

ЛЁЖКИ

Зверь не просто отдыхает
где попало – есть места,
это – лёжка: выбирает
плотный лес, кустарник с края,
чтоб трава была густа.

ВЕПРЬ

Он постарел и бросил стадо,
забыв свиней и поросят.
Один живёт в лесопосадках,
его клыки врагов страшат.
Выходит ночью на кормёжку,
ест жёлуди, дички, овёс...
Он осторожен – днём на лёжке
всегда по ветру держит нос.

КУНИЦА

Жёлтым фартуком гордится,
лазит ловко по ветвям,
если очень разозлится –
худо от неё зверям.
Нападает на зайчишек
и на маленьких козлят...
И порой беда случится –
если их не защитят.

ЛОГ

Глухариный и медвежий,
рысий, волчий уголок,
где в трущобе воздух свежий,
есть овраг – звериный лог!
Безопасно в нём и тихо.
Вижу: с выводком опять
пробирается волчиха
к логову – в свою кровать.

НЕПРОШЕНАЯ ГОСТЬЯ

Зелёная берёзовая роща
качает в ветвях сотни
чёрных гнёзд.
Грачи взлетают и крикливо
ропщут,
и чем-то озабочены всерьёз.
Внизу овраг, заполненный
водою,
заросший камышом и
тальником.
И в нём лисица шкуркой
золотою
мелькает, заметая след
хвостом.

КОЗЛЁНОК

Стройный, тонкий...
Острые копытца
по поляне весело стучат:
вот они ведут к ручью
напиться,
вот бегут вдоль леса,
наугад.
А глаза ясны, блестят как
сливы.
Выгиб шеи – с шерсткою
игривой.

ТЕТЕРЕВИНЫЙ ТОК

Ликует лес!...
Ручьи – в лучах зари,
а день назад белели здесь
сугробы.
В овраге серебрят вода,
журчит,
а почки вербы – злато высшей
пробы!
В рассветной дымке, на сырой
земле,
два косача, подпрыгнув, с
упоением
как в бубен бьют, ярятся...
Осмелев,
крылами хлещут,
рвутся в наступленье.

ОНДАТРЫ

Растаял на воде закат...
Из плёса в плёс ондатры
к кормушкам в камыше
спешат,
свои покинув хатки.
Всю ночь я слышу до утра
хруст камыша и
всплески...
Да, жизнь на выдумки
хитра –
и этим интересна.

ИСТРЕБЛЕНИЕ РЕПТИЛИЙ

Сказок феи – злые змеи,
ящерицы, черепахи...
Ваши норы, не жалея,
люди плугом нынче пашут.
Прес-мы-ка-ющие-ся, –
ваша жизнь в сказаньях
вся...

ЛОСЕНОК

Грянул выстрел – и лосиха
с хрустом
пала... А лосенок в
тальнике
вмиг исчез. И стало тихо,
пусто –
Но охотник все сидел в
скрадке.
А лосенок, обдирая в
клочья
шерсть с боков, бежал
вдали, бежал...
Вслед летела трескотня
сорочья,
где-то трактор в поле
рокотал.
По кустам, кочкарнику
галопом шел лосенок
в приозерный рям –
где чащобы в соснах и
болото,
словно крепость, заслонят
от ран.

* * *

Глухариный и медвежий,
рысий, волчий уголок,
где в трущобе воздух свежий,
есть овраг – звериный лог.
Безопасно в нем и тихо.
Вижу: с выводком опять
пробирается волчиха
к логову – в свою кровать.
Ермиловский заказник

СМЕРТЬ МЕДВЕДЯ

Ел перезрелую малину,
на мелководье рыб ловил.
Мохнатую, с загривком, спину
расчесывать в кустах любил.
В дупле выискивая соты,
он лакомился много раз...
Но вот винтовки дуло кто-то
ему нацелил между глаз.
И грохнул гром... И высь
померкла,
и тьма зрачки прикрыла
смертью

д. Таскатлы

СЛУЧАЙ НА РЫБАЛКЕ

Ивовый берег, покатый,
и тень камыша на песке.
В тиши предрассветной
сохатый
к заспанной вышел реке.
Грива лохмато свисала,
и ровно дышали бока.
Лось пил... Видел я, как
сверкали
в капельках губы быка.

9. БЛАГОДАТНОЕ ЛЕТО

НЕЖНОСТЬ

Взлетает жаворонок
звонкий,
качая песню на весу.
Здесь торф горел, дыма
воронкой,
а ныне – озеро в лесу!
Вокруг воды – камыш и
зелень
густых берёзовых ветвей...
От нежных чувств куда я
денусь?
Смотрю на жизнь мудрей,
светлей!
Играет ветер в перелесках.
летит на хлебные поля,
ласкает щёки...
В поднебесье
плач журавлиный –
боль моя!

ВНОВЬ ПОБЫВАЛ...

Замётан стог...
В реке плывёт закат...
На плечи грабли, вилы и – до
дома...
Дымя из самокрутки, дед Ипат
ругается: «Туды, твою...
ядрёный.
Мой мотороллер?.. Где мой
вездеход?..
Аккумулятор сел, а где
достанешь?..»
... Иду, доволен... Я метал
зарод,
вновь побывал на сенокосном
стане.
А что пешком – я даже, втайне,
рад...
Дом близок, за бугром огни
горят.

ЦАРЬ ГРИБОВ

Пробираюсь по болоту.
Впереди – огромный гриб,
шляпка с яркой позолотой,
по краям – слегка изгиб.
Подхожу, смотрю: гриб белый
– до чего ж красив, здоров!
И шепчу я: «В самом деле –
настоящий Царь грибов!».

ЗАРНИЦЫ

Иду сквозь ночь...
И слышу звон
колосьев налитых пшеницы...
Вдали огнями небосклон
секут зарницы.
На небе звёздном нету туч,
но снова где-то близко
над полем пролетает луч
большой зарницы.
Застыл в раздумье: «Да, звезда,
сорвавшись вниз, стремится
лишь по прямой... Зато всегда
в зигзагах вся зарница...»
Стою безмолвный, как немой,
и недоумеваю,
седой качаю головой –
соображаю.
Возможно, молния – она?..
А для детей жар-птица?..
Кому-то Бог иль сатана,
что мчат на колеснице?..
Ищу ответ...
... Вновь слышу звон
колосьев налитых пшеницы.
Вновь, ослепляя небосклон,
летит зарница!..

КУКУШКИНА ДОЛЯ

Так неожиданно печально
кричит кукушка вдалеке.
Своих годов я не считаю –
но вижу тень её в леске.
Между кустов она
мелькает, –
бездетная, о чём грустит?
Своих птенцов совсем не
зная,
куда, зачем она спешит?
Зовёт: «Ку-ку!» –
тревожа сердце
поверьем тайным давних
лет...

Где ей, бездомной,
отогреться?
Как ей, одной, встречать
рассвет?

ОТАВА

На лугу блестит в стогах
сено – вслед, на славу
подросла, как на глазах,
юная отава!
Шелковиста, зелена –
за волной встает волна!

ВЕДУ НА ПОЛЯНЕ БЕСЕДУ...

Веду на поляне с берёзкой
беседу,
ладонью касаюсь ветвей.
Чернея, в коре
открываются беды –
я слышу дыханье корней!
И чувствую: время куда-то
относит
поляну с берёзой, меня.
А в небе: «Кур-лы!»
Золотистая осень
плывёт из холодного дня.
И сердце притихло...
Не дерзок я, беден –
как летний последний
денёк.
Берёзку ласкаю и долго
беседую...
В ладонь мне слетает
листок!

ОПЯТА

Выпал первый снег в лесу:
мягкий, влажный, липкий.
Я грибы домой несу –
но боюсь ошибки.
Вроде бы они – опята,
только ярко-желтоваты?
У нормальных же опят
цвет неярко-желтоват.
Лжеопята или нет –
даст мне бабушка ответ.

* * *

Дождь капает за воротник
плаща,
без грома тучка светлая, без
ветра.

Застыла, словно ива, трепеща,
склонилась... И цветочки в
каплях
светлых.
Пшеница стелется к земле
волной,
колышется живое, в дымке –
поле...
А дождь стучит себе, как
заводной...
И благодать... И дышится
привольно.
Кто поджёт?..
Через лес прошёл пожар –
чернота – аж страшно!
Долго будет помнить гарь
о беде вчерашней...
Много лет пройдёт, расти
здесь ничто не будет.
– Господи, бродяг прости,
разве это люди?..

СЕРЕДИНА ЛЕТА

Неумело скворчата взлетают
из скворечен... Их жалобный
крик
беспокоит скворчиную стаю –
и слетаются птицы вмиг.
А над речкой мальчишечьи
крики
в ослепительно-синей волне...
Лишь старушка в пимах, с
грустным ликом
дырку штопает на зипуне.

ПОДБЕРЁЗОВИК

Раздвинув прелых листьев
слой,
поднялся гриб и шляпкой
светит.
Он, словно чудо предо мной,
и на опушке так заметен.

ГРУЗДЬ

Не подберёзовик, не белый,
а груздь сырой – вот мой
кумир!
Между полян с клубникой
спелой
туман на зорьке лес прикрыл.
Пойдём, сестра, там, на увале
груздей сырых полным-полно,
да и волнушек там навалом.

Мне хочется туда давно.
...Лес пахнет ягодой-костянкой
и берестою, и дождём.
А грузди кучею, делянкой –
куда ни глянь, стоят кругом.

ЯГОДНЫЕ МЕСТА

Прошумел дождь тёплый над
поляной,
выглянуло солнышко опять.
Пахнет мёдом, клевером,
дурманом...
Столько запахов –
не сосчитать!
В капельках дождя блестят
ромашки,
васильки, левкой, вороний глаз.
А клубника аlostью окрашена:
что ни ягодка – то благодать!

ПРОГУЛКА

Тёплый ветер родимых полей
навевает забытую песню...
Конопляник сплошною стеной
обступает дорогу тесно.
Запах резкий, пьянящий –
разит,
мы снопы здесь в войну
молотили.
Коноплю не будешь ты сыт –
но голодные, мы ей молились.
... Не спеша, я сегодня бреду
по-над речкою, возле обрыва.
В воды синие,
с грустью гляжу –
в детстве, всё-таки, был я
счастливым.
Вот присел...
Буду долго следить
за утиною стаей, за рыбой,
что у глади зеркальной
скользит –
отчего буруны светят зыбью.
И напившись воды ключевой,
надышавшись полянами
вдоволь,
вместе с первою лёгкой росой
я вернусь, просветлённый, до
дома.

НОЧЬЮ НА ЗАИМКЕ

Гром разразился майской
ночью,

и долго длился страшный гул,
он с перекатами так мощно
лес сотрясал и в тьме тонул.
Грозу я слушал, как впервые,
и, сжавшись весь, не смел
постичь
небесной силы позывные,
природы дикой тайный клич.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Встрепенулась роща,
прошумев листвою –
ветерок полощет
сумрак полевой!
Разогнал туманы,
гривы расчесал
и, пахнув дурманом,
скрылся в краснотал...
В травах серебристых –
перепёлок крик!
В небе нежно – чистом
солнце кажет лик.

НЕОЖИДАННЫЙ ДОЖДЬ

Над берёзовым леском
прокатился с треском гром...
Следом капли застучали
по листве и по ветвям...
Под деревья с другом стали
и глядим по сторонам.
За увал свалилась тучка,
встала радуга-дуга...
От травы туман пахучий
катит волны на луга.
... Ветерок промчался – лих!
Дождь пофыркал – и затих.

ИЗ ПИСЬМА ДРУГУ

В сумерках поздних струится
река,
паром негреющим дышит...
Ты мне напрасно судьбу
предрекал –
время иное нам пишет.
Здесь, над обрывом, в густой
тишине
щелкают перепелята...

вот отдалённо сигнал
прозвенел
скачут вдали жеребята.
Мчатся игривые на водопой,
пыль над дорожкой клубится...
Вновь на рыбалке –
но я здесь – чужой...
Прошлому не возвратиться!

ИЗ КЛЕТИ ЖЕЛЕЗНОЙ

Запах сладкий плывёт от
леска...
Золотится июльский полдень...
Листья замерли – ни ветерка...
Собираю клубнику в ладонь я.
Я вернулся в родные края,
окунулся в лесное приволье –
как дикарь – из небытия,
как из клетки железной –
на волю!

СМУЩЕНИЕ

Тучки грозовые только что
прошли,
белые берёзки и поля – омыты!
В травах освежённых запахи
взошли...
Я вхожу в лесок –
и замер с любопытством:
«Тик, тик, тик!.. Чик, чик,
чик!..»
– откуда же этот звук возник?..
Слушаю, смотрю и поражаюсь:
Тишина... Ни – птички, ни –
зверька...
А вокруг, чуть слышно,
продолжает
это необычное: «Тик!.. Так!..»
Я смущён: «Не кажется ли
это?..
Вот охотник – а не
разберёшь?..
... Но невесть откуда налетел
весёлый ветер
и всего меня обдал холодный
дождь!
Прошумел...
И снова – тишина!..
Только слышно, сердце
учащённо
бьётся, вторя капелькам:
«Тик!.. Так!..»
– необычной радостью
смущённое.

В ЗАХАРОВОЙ РОЩЕ

В роще пасмурно, уныло.
Всюду сырость из кустов,
запах листьев, запах гнили
от грибов-боровиков.
Лёг тенётник на поляны,
белой ниткой вяжет сеть...
Лишь в шиповнике багряном
солнцу в ягодках алеть!
Выхожу я на опушку –
впереди блестит жнивье.
Тишина...
И можно слушать
сердце гулкое своё.

10. ЯЗЫК ПРИРОДЫ

ИСТОК

Да, начало у реки –
с малого ручья...
В небе звёзды далеки –
им сестрой – земля.
Моё детство – ручеёк,
связанный с морями...
Знаю дом свой и шесток –
с тропкой за дверями.
Та тропинка – мой исток
жизненной дороги.
Посмотреть весь мир я смог –
радость знал, тревоги...
Знал я счастье и любовь –
читил всегда родную кровь!!

ШТИЛЬ

Ах, какая тишина!
Улеглась в проулке пыль...
Тучка чёрная видна –
так обманчив этот штиль!
Быть грозе! –
А в речке – синь,
в травах – нити паутин.
Холод веет с висока,
но пока – ни ветерка.

ЭРОЗИЯ

Порастрескалась земля
от жары и ветра...
Загрустили зелена
на посевах летних.
Ссохлись, съёжились цветы,
травы – пожелтели...
Солнце жарит с высоты
две уже недели.

ШИБЛЯК

Колет руки, жалит шею
мне шиповник – так и сяк...
Но пройду я, одолею
лес с кустарником – «шибляк».
И сорву на память розу,
станет взгляд мой нежно-розов.

БАЛКА

Под горой течет речушка,
в тальнике – запруда...
Голос маленькой пичужки
слышится оттуда.
Осторожно вниз спускаюсь
и прохладой наслаждаюсь.

БРОД

Из лесных, из крутых берегов
речка, вырвавшись в поле –
притихла,
разделилась на пять
ручейков...
По колено идём в них, не
дышим.
Наконец-то нашли в речке
брод.
Продолжаем туристский поход.

ИЗМОРОЗЬ

Выбелила изморозь
ветки, провода...
Мне знакома издавна
эта красота.
Снежный лес сверкает
пышной бахромой,
иней рассыпая
пухом предо мной.

ЗАИМКА

В тайге, на поляне, под старой
сосной
скучает избушка – заимка.
Лишь с первой порошей

охотник
тропой
сюда путь проложит свой
зимний...

ЭРОЗИЯ

Порастрескалась земля
от жары и ветра.
Загрустили зелена
на поляне летней.
Ссохлись, съёжились цветы,
и завяли травы.
Солнце жарит с высоты...
– Боже, ты не правый!?

ГЕНЫ

Генетика наша – то память
земли...
Уходят века сменою
поколений...
А корни о прошлом забыть не
смогли –
и кедры встают, словно берег
из пены!
Деревьев здесь не было много
лет!?
Зелёные всходы сияют окрест!
А помню, судачили мне
старики:
«... Мол, люди кедровый лес
не сберегли...»

ЕЛАНЬ

Шёл меж сосен: утра – рань,
с веток капли светят!
Разомкнулся лес –
Елань
раскинулась приветливо.
Полудикая поляна,
тьма цветов, и воздух –
пряный!..

ВОЛОК

Путь по речке наш далёк...
Мель – что может хуже?
Волок – значит, поволок
лодку я по суше.
Вновь заторы – то бобры
строят здесь плотины.
Звери умны и хитры,
мы же – горбим спины.

ЗАВОДЬ

Меж талов глубок залив,
ямы в нём, водовороты.

Мрачен остров, молчалив –
вся река за поворотом.
Этот маленький рукав
называют просто: «заводь»...
Мир таинственен, лукав.
Ведьма здесь живёт да дьявол.

ВЁДРО

Ясный, солнечный денёк
светит меж деревьев...
Вёдро – словно огонёк
из наречий древних!

ПАВОДОК

Нынче спорая весна –
паводок на речке...
Синь...
Разливами полна
даль... Ручьи лепечут...

ГНУС

Мы шагаем по тайге,
мошек – тьма, я – гнусь.
В уши, ноздри – и везде
лезет злобный гнус.

ВИХРЬ

Разметав камыш с осокой,
заводь рябью принакрыл,
растрепал у ивы локон...
Клубом пыль с дороги сбил.
Ввысь взметнул травинки
скопом –
и исчез в прыжке высоком.

ОПОЛЗНИ

Разлилась весной река,
берега подмыла,
и с обрыва – с высоко
иву уронила...

ЕСТЬ НАЧАЛО...

Есть начало у ручья,
у тропинки и у леса.
Жизнь – река, и у меня
предки есть, исток известен.

ПОЛЫНЯ

Лёд вокруг всё толще, звонче –
не сдаётся полынья:
плещется, играет солнцем...
Ах ты, реченька моя!

ЛОЗА

Вокруг болота, по низине
навстречу плещется в глаза
ветвями тонкими, в мизинец,
такая гибкая лоза...
Когда зимой бушует вьюга –
косулям, зайцам в ней уютно.

ШТИЛЬ

Ах, какая тишина!
Улеглась в проулке пыль.
Тучка чёрная видна –
так обманчив этот штиль.
Быть грозе! –
А в речке – синь,
в травах – нити паутин.

ЗАЙМИЩЕ

Разлилась река по лугу,
где тростник и рогоза.
Утки стайкой, друг за другом,
мечутся.
Гремит гроза...
Я впервые на охоте
в этом займище большом.
Вечер красит позолотой
плёс с высоким камышом.

СОЛОНЕЦ

У болота, в солнцепёке
в белых пятнах луг искрит.
На траве росисто-мокрой
вижу чёткий след копыт.
Соли белые полосы
проступают вдоль болотца,
и косули утром ранним
её лижут со стараньем...

СУХОДОЛ

Постарел водораздел,
в травах зарастает...
И разлив так обмелел –
камни выступают...

ПЕРЕШЕЕК

Между двух озёр – дорожка,
и над ней – берёзок шелест.
Кружит коршун осторожный,
затаился перешеек.
Слева – берег, справа – берег...
Птички коршуну не верят.

ПРЯМИЦА

Разлилась вода весною
и, спрямив речной изгиб,
в русло новое – с волною
мчится лугом, напрямик!..

ЛОЖБИНА

Луг искрит закатом синим.
Воды талые сошлись
по низине на ложбину –
отразилась в водах высь!
Гуси, лебеди на плёсах...
Лодка, сети-капли с весел.

НАСТ

В марте – тает...
Злой мороз
ночью так поддаст,
что под утро – стынет нос.
Снег – ледовый наст!
Худо зверям – не пройдёшь,
обдирают ноги в кровь!

ТРЯСИНА

Между кочек – зелень тины
манит покрывалом...
Только встал я на трясину –
ух! – как не бывало!
Оборвался в воду, вниз –
за соломинку держись!

ЗАКРАЙКА

Скатилась талая вода
с увалов в чашу озера.
Враз растопила кромку льда
под берегом берёзовым.
И ивы жёлтые стоят
по грудь в воде.
Горит закат...

ИЗЛУЧИНА

В реке играют солнца лучики,
бежит река за поворот.
Полукольцом искрит излучина,
в ней остров с ивами встаёт.

ГРИВЫ

Из берёз, осин те гривы –
гривы сказочных коней.
Ветер треплет их игриво
посреди родных полей.

ТАЛИЦА

Эта странная протока
не замёрзнет и зимой.
Родники здесь – их истоки
не страшит мороз любой.
... Струйка булькает, сочится –
через лёд к весне стучится.

ТОРОСЫ

Ледостав не сразу встал –
и Иртыш весь в глыбах!
Снег шугою обрастал,
льдами волны дыбил...
Берегом бегу на лыжах –
и поёт камыш мне рыжий.

ТРОПА

Затерялся бы, пропал
я в тайге дремучей –
но ведёт меня тропа,
а над нею – лучик!
Меж вершин – просвет в
глазок,
впереди – тропа в шажок.

СУХОСТОЙ

На корню гниют деревья:
от болота – прель и гниль...
Раньше в воду свято верил,
а теперь – взгляд изменил!

СЕЛЬ

Грязекаменный поток
оторвав с холма карниз,
всё сметая на пути –
устремился вниз!
Снеготаянье весны...
Селевой поток –
сена стог, забор и клеть
к речке поволок!

ВЫГОРА

Через лес прошёл пожар –
чернота, аж страшно!
Долго будет помнить гарь
о беде вчерашней.

ПАДЬ

В овраге сыро...
Вниз сползая,
кусты цепляются, как рать.
Осел грунт, корни оголяя.
Внизу темно, угрюма падь.
Но пахнет свежестью
желанной,
и плавает туман обманной.

ЧАЩА

Глубже в лес – темно
и страшно.
Жерди... Плесень... Гниль
вокруг...
– Не ищи грибочки в чаще, –
говорил мне в детстве
друг.
Я с корзиной продираюсь –
пусто.
Друга вспоминаю...

11. ВОЕННЫЕ ГОДЫ

ПЕЧАЛЬНЫЙ ОБОЗ

Площадь райцентра...
Ухабины, грязь –
дождливый июль сорок
первого.
У военкома подтеки у глаз...
Тик на щеке!... Голос
нервный...
А репродуктор гремит со
столба –
разносятся грозные сводки.
Играет гармошка... Хмельная
толпа...
Отец на передней подводе.
Вот тронулся длинный
печальный обоз,
а с ним вся толпа – по
поселку...
Пять лет мне. Околица светлых
берез...
Мать плачет... Не дам всему
толку.

В ДНИ ВОЙНЫ

Сруб в проулке стоял много
лет,
был похож он на чей-то скелет.

Ветер в щелях свистел, ночью
бревна
в темноте проступали, как
ребра.
Кто проедет, пройдет – на углы
поглядит и вздохнет: эх, дела?!
И в конце уж войны, в злой
мороз.
разобрали, сожгли – те, кто
мерз.
Через пять страшных,
памятных лет
с костылем возвратился сосед.
Не сказал никому он в упрек –
ведь кого-то согрел огонек...

В МАЕ 1944 г.

Там пахнут клевером поляны,
и пчёлы бойкие поют –
что я счастливым, сильным
стану...
Отца на фронте не убьют...
В тот год отца вдали убили...
Пацан – я вырос, сильным
стал...
Поздней душа не полюбила
края чужие, где бывал.
А это поле? – здесь по тропке
я приходил весной не раз.
Искал в стерне голодный,
робкий –
те зёрна, что спасали нас.
Ах, колоски! – зерно на кашу!
В чугунке, затхлые они,
недолго прели. Лица наши
светлели в горестные дни.
Мне не забыть, как в май
пахали:
бурёнка – плуг, за плугом –
мать...

ВОЕННЫЕ ЗИМЫ

В зимы военные, в годы
голодные
снег заметал нам до крыши
избу.
Помню: в ту вьюжную ночь
новогоднюю –
ветер свистел одичало в трубу.
Мама крупу и пшено получала
по аттестату, что был от отца...
Праздничный ужин готовя,
печалась,
нам согревала любовью
сердца.

Я ТРОГАЮ ШРАМЫ

Веду на поляне с берёзкой
беседу,
ладонью касаясь ветвей ...
На шрамах, в коре,
открываются
бездны –
в них слышу дыханье корней!
И чувствую: время куда-то
относит
полян, берёзку, меня...
И вспомнились:
годы военные, осень
и горечь холодного дня...
К нам в мае пришла похоронка
– под Псковом, в бою пал отец.
Мы – дети сидели в избе
потихоньку,
казалось: всей жизни – конец!
А мама всё плакала...
... Давние беды
внезапно зажгли огонёк,
я трогаю шрамы, с берёзкой
беседую...
В ладони слетает листок...

ДА, УХОДЯТ МОИ ГЕРОИ

Да, уходят сельчане-герои,
словно солнце по вечерам...
И встают над могилами строим
obeliski, навстречу нам!
Партизан Куринных, лётчик
Губин,
Грошев – узник концлагерей.
От осколков давних,
зазубренных
боль несли до последних дней.
Как скрывали её?.. Как
страдали,
собирая остатки сил...
... Чей-то внучек играет
медалями –
видно, дедушка их относил.
Примеряет мальчонка к
рубашке
«За отвагу», «За Прагу»,
«Берлин»...
– Если б знал, как они
пропали
потом, кровью, тревогой
седина!..
... Догорают мои герои,
словно зори, по вечерам.

... У оградок, любовно
застроенных,
в карауле стоять тополям.

ПОХОД В КИНО

Свет погас... В клуб ворвалась
пацанов ватага
в тот момент – как началась
лента про «Варяга».
Враз, в распахнутой двери,
в льдистых, старых валенках
проскользнули
«чёрт возьми»,
пять маленьких – удаленьких!..
На билеты денег нет
(годы шли военные)
и в ватаге той – я, шкет
«главный», без сомнения.
Возмущённый билетёр
дверь закрыл...
Мы разом –
кто куда!?!... Я сел на пол.
Даже эдак – праздник!

* * *

*Памяти генерала
Карбышева*

Февральские морозы жгучи.
Раздетый, по снегу босой
идёшь вперёд.
Святая участь
принять последний бой!
Из шланга льётся ледяная
вода на спину, на лицо.
Лёд на плечах –
душа живая
собрала мужество в
кольцо.
Как айсберг, леденел
громадой.
Враги в смятении: глыба
льда –
жива!
Пар белый, брызги градом –
и в каждой капельке –
ЗВЕЗДА.
... Идут года, над
человечеством
стихают войны и грома,
но предо мною
неизменчиво
встаёт та давняя зима.

Опять февраль, и в злобе
дикой
пурга гудит над
Иртышом...

О подвиге твоём – великом
поют ветра тоскливым
днём!
Опять завьюженной
тайгою
брожу меж сосен до зари,
под каждой глыбой
снеговой
мне чудятся – богатыри!

НА МЕЛЬНИЧНОМ ПРУДУ

Снопья стоят в тугих суслонах,
цепей звон резкий на току...
И кружат каруселью кони
весь день в коричневом поту.
На «тарантасе» – старой
бричке
снопы подвозим мы с полей,
нам, пацанам, вошло в
привычку
быть всюду возле матерей.
... Над током пыль и бабьи
крики,
седые бороды – молчат.
Меж ними есть Кузьма
Никитич –
безрукий молодой солдат.
Он даст команду и култышкой
руки махнёт – и все спешат...
Он – в гимнастёрке,
знойно дышит –
глаза, как выстрелы, разят!..
И бабы, ярые и злые,
пред ним стихают, онемев....
Им видятся черты родные
мужей, которым нужен хлеб.
... Лишь поздно в вечер,
с темнотою,
стихает дробный шум страды.
На западе закат багрово
дымит, в предчувствии беды.

ОБЕЛИСК

Дом кирпичный,
старый – в окнах пыль
(был когда-то он военкоматом),
рядом скверик...

В нем белеет шпиль
 обелиска...
 Список павших,
 дата...
 Как во сне...
 Рукою по лицу
 провожу, припоминаю годы:
 сорок лет мне,
 тридцать два отцу,
 старше я –
 и непонятно вроде?!
 Щеки запылали,
 труден вдох!..
 Вспоминаю детства
 мир огромный:
 ел я лебеду, чертополох,
 запрягал свою Буренку в
 дровни...
 Собирал на поле колоски,
 с дедом Пашей ставили
 суслоны.
 Усмехался дед: «Зажмем в
 тиски все вражье –
 картечью их каленой!..»
 Но однажды (не забыть лица
 почтальонши)
 постучались в двери...
 Столько лет!..
 А горю нет конца,
 хочется, как прежде,
 ждать и верить!
 ...И к подножью
 наклоняясь низко,
 землю я беру
 под обелиском –
 вместо той,
 не взятой мной с могилы
 на чужбине,
 где отца убили!

В ПЕРВЫЙ РАЗ Я ПО- ДУМАЛ О ВЕЧНОМ

Потемнели поля, перелески,
 замутились у речки глаза,
 и вороньей, картавою вестью
 громыхнула за далью гроза.
 Пыль взвилась!..
 И прогорклые травы
 вдоль дороги взмахнули
 листвою...
 ... Я лошадкою бурю правлю,
 торопясь поскорее домой.

На охапке зелёного сена,
 полулёжа, смотрю в небеса,
 где меняется цвет постепенно
 облаков... А меж них –
 полоса!..
 Полоса с синевой
 бесконечной!..
 Полоса, как дорога мне вдаль!..
 – В первый раз я подумал о
 вечном,
 беспредельном... И стало мне
 жаль
 этот луг, этот сон деревушки –
 эту малую точку земли...
 ... И прикрывши глаза, долго
 слушал,
 как раскаты всё небо трясли!..

ЗВЕЗДА ОТЦА

Когда в ночи горит его звезда
 над тёмными осенними
 полями –
 поют тоскливо, плачут
 провода,
 обнявшись с телеграфными
 столбами.
 Столбы вкопали с первых дней
 войны,
 они тянулись вдоль большой
 дороги...
 Подводы шли на фронт, людей
 полны –
 назад не возвратились после
 многие...
 Звезда отца – она с тех пор
 горит
 вверху над телеграфными
 столбами...
 И стонут провода – то в них
 звучит
 отцовский голос из посмертной
 дали.

СВЯТАЯ ПАМЯТЬ

Как дороги могилы близких
 в осенний сумрак и дожди...
 О, Родина! – свет обелисков
 нам освещает все пути.
 Куда б ни шёл, куда б ни ехал –
 навстречу звёзды их горят.
 Вдаль прокричи и слушай эхо –
 они с тобою говорят.

12. МОЯ МАМА

МАМА

Мама часто за полночь
 вставала
 и по половицам тихо шла,
 тонкую лучину зажигала –
 и на кухне расступалась мгла.
 Разгорались с трескотнёй
 поленья,
 о чугун позванивал ухват,
 и сквозь сон я слышал в печке
 пенье,
 а под лавкой – посвисты
 цыплят.
 Жалобно в углу мычал телёнок
 и, скользя копытцами, вставал
 – звякая пустым ведром
 спросонок,
 сладко дно шершавое лизал.
 Мама открывала двери в сени,
 шла во двор, к бурёнушке в
 пригон,
 и с морозным паром запах сена
 в кухню плыл, цветами
 напоён!..
 Мама до рассвета уходила
 в школу,
 где техничкою была –
 коридоры, классы мыла,
 мыла...
 А потом у входа нас ждала.
 Много лет встречала так,
 вздыхала, горбилась...
 И мыла допоздна...
 И поочерёдно отправляла
 в институты всех троих –
 ОДНА!

СКОРБИТ ОСЕННЯЯ ЗЕМЛЯ

Когда осенние дожди
плывут сплошною пеленою,
и полумрак лишь впереди
с неизъяснимою тоскою –
тогда погосты и кресты
встают ясней на перекрёстках,
и возле них мрачнеешь ты
под ветром леденистым,
хлёстким.

Скорбит осенняя земля,
уставшая, совсем нагая –
Как мама старая моя
– такая тихая, больная...

В РОДНОЙ ИЗБЕ

Изба, пригон да сараюшка...
Вхожу во двор.
Дверь распахнул...
Горшки по лавкам, кот – за
вьюшкой...
Вошёл – и руки протянул.
«... Ну, мама, здравствуй,
как здоровье?..»
Спешит подняться со скамьи,
в глазах слеза:
«Ах, ты ли – кровный.
А я всё жду – где вы, сынки?..»
Обнялись...
Слабыми руками
всё гладит по моим щекам...
В углу – иконы с рушниками,
по стенам – фото, здесь и там.
Столетний, выцветший
динамик
картавит что-то о стране...
Часы старинные – их маятник:
«тик-так...» – стучит
из детства мне.

* * *

Косачи поутру почернили
стерню,
мы траву пожелтевшую косим
не на план,
на Буренку свою,
мама часто вздыхает: «Ах,
осень!..»
С укоризною мама глядит на
прокос,
на пожухлые, зябкие травы.
Рядом поле – такой
раскудрявый овес,
шепчет мама: «Хотя бы
отавы...»
Старший брат оселком
поправляет косу,
водит быстро брусочком по
краю,
сталь искрится...
Я воду несую,
она плещется, как ни стараюсь.
А сестра под копною с грибами
сидит,
выбирает на суп сыроежки.
Пес внимательным взглядом
за нею следит,
Взгляд собаки
пронзительно-нежный.
...Проплывает опять клин
гусей в синеве,
рассыпаясь в причудливый
веер,
мама идет по некошеной
редкой траве,
держит бережно сорванный
клевер.
– Вот такого добра
накосить на сенцо,
можно чай заварить,
– и вздыхает,
нежно гладит меня
и светлеет лицом.
Снова крики вверху
– клином стаи.

ПОТОЛОК

Стучится дождь по крыше,
в окне – рассвет сырой...
У печки мать чуть слышно
ворочает клюкой.

Пласты земли на крыше
размокли – решето!
Мать шепчется: «Всевышний,
наказывать, за что?..»
И молится: «Дай, Боже,
не обвалился б как?!..»
Но не стихает дождик
и с потолка – кап... кап...
Открыв глаза, смотрю я
на мокрый потолок...
Мать вслух уже горюет:
«Намокнет вот – и хлоп!..»
Да, от таких гнилушек
всё можно ожидать...
– Кап... Кап... – на край
подушки...
Не хочется мне спать.
Возьмёт и впрямь обвалится
Проклятый потолок...
И капли едко жалятся,
упав мне на висок!

ЯЧМЕНЬ

Заколосившийся ячмень
передо мною встал внезапно
и оживил забытый день,
и возвратил горячий запах.
Боготворю те колоски
в осеннем поле неуютном,
которые домой несли
украдкой,
мы в раздумье смутном.
Война, печали черный дым,
за что та горькая расплата?!
И даже став теперь седым,
мне хочется той болью
плакать!
Благословляя новый день,
взошедший с мирною зарею,
боготворю тебя, ячмень,
покрытый чистою росой!
Мне жизнь полей мудрее книг
была – в мозолистых ладонях
я доброту земли постиг –
прими любовь мою с
поклоном!
И колосись вовек, ячмень,
той светлою памятью, живою,
где каждый трудный
честный день
отмечен и моей судьбою!

Я ЗНАЮ ЦЕНУ ПОТА

Я праздность с детства не люблю –
точнее, даже ненавижу!
Когда о том вам говорю,
я снова маму вижу.
Весенний холод на полях.
Плуг... Борозда... Бурёнка...
И мамин взгляд: глаза болят
при виде нас, голодных.
С утра за плугом бороздой
бредёт она, ругая клячу,
а вечером, придя домой,
над похоронкой долго плачет.
Не помню – в чём она была,
что в эти годы ела,
пока не кончилась война –
за стол к нам не присела.
Когда спала, не видел я –
с темна и до темна в работе...
– с тех пор, скажу вам не тая:
я знаю цену пота!

ПАРЁНКИ

Свеклу и морковь
в горшочках звонких
ставила к загнетке жаркой
мать...
За большой железною
заслонкой
начинало что-то хлокотать.
Парилось, дышало
с тихим гудом...
В печку лез пронырливый
ухват,
на столе у нас сладчайшим
чудом
в чашках расточался аромат.
Незатейливые вечеринки...
За окном морозный
лунный свет...
До сих пор любовью
материнской
светится изба... и тот обед.

ТЕЛЕГРАФНЫЕ ПРОВОДА

Здремали в луговине
одинокие стога...
В поле чистом, на овине –
пышные искрят снега.
Над дорогой ветер ноет
в телеграфных проводах,
даже ночью нет покоя
людям: в них – и боль, и
страх!..
Помню: шла война когда-то,
я мальчишкой был тогда...
Уходили в бой солдаты
и стонали провода.
И фарфоровые чашки
с вестью из чужих земель,
в ночь звенели о несчастье,
через вёрсты и метель.

НА ОКРАИНЕ СИБСОЛДАТКИ

Рощица развесистых берёз
выплыла в рассвете из
тумана...
И листва, как прядь твоих
волос –
с отсветом белёсым, горьким,
ранним...

ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ

Лес перед деревней,
в нём – кресты, холмы...
Мир промокший дремлет
в красках полумглы.
Дождь холодный с ветром
барабанит в спину...
Слышу безответный
оклик: «кто здесь сгинул?..»
Низко тучи мечутся,
рассыпая дрожь...
От покоя вечного
вкралась в сердце дрожь.
деревня Оша

НАПОМИНАНИЕ О МАМЕ

Веточки багряные берёз
выплыли в рассвете из
тумана.
Их листва, как прядь твоих
волос –
с отсветом белесым,
горьким, ранним...

У ОГРАДЫ

Я к тебе вернулся: «Здравствуй,
мама...»
Вижу: двор заросший –
в нём – темно.
Память бьётся и зовёт упрямо
заглянуть в разбитое окно.
За избою – мрачные деревья,
в огороде – сваленный
плетень...
Кто теперь мне душу обогреет,
кто вернёт весенний ясный
день?..
У калитки, где меня встречала
– доски накрест – вроде бы
кресты.
И согнувшись, я стою в печали
у ограды, где осталась ты...

ХОЛМИК...КРЕСТ...

Холмик... крест...
К моей щеке прижалось
в чёрной рамке мамино лицо...
Память с каждым годом
дорожает.
Вот ты вновь выходишь на
крыльцо:
Ласково цыплят к себе
сзываешь...
Сыпешь горстью в тазике
пшено...
Молодая и, чуть-чуть, седая...
Статная...
– Всё было так давно.

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ

Снег в пахотный клин намело,
на ветках берёзки – иней!..
Как в чёрно-белом кино,
два цвета рисуют снимок.
Берёзы – белее белил!..
Пахота чернотой разлилась!..
На два цвета мир поделил
этот день на родных могилах.
Глажу ладонью кору
белую – в чёрных шрамах!..
Обещаю: «Когда помру,
буду рядом с тобою, мама!..»

ВЕРНУЛСЯ...

Вернулся я... Узкая речка
плещется в берег, журчит...
Волны рождают словечки –
то мама со мной говорит...

Полночь...
Туман белоснежный
стелет по лугу постель...
Голос у мамы был нежный...
Плачет вблизи коростель.

13. НА РАЗЛИВАХ

НА ЛУГУ

Гулким шагом в росной
тишине
у кустов прибрежных след
впечатан...
У межи кричат перепелята,
рядом коршун кружит в
вышине.
Вдоль болотца по траве –
вода
отливает чистотой речною.
Точечкой плывущей,
золотою,
светится в ней поздняя
звезда.

ДЕД-РЫБАК

Дом у речки...синий свет...
Деду девяносто лет...
В валенках и телогрейке,
он на лавочке сидит.
Яркий луч морщины греет.
Дед со мною говорит.
Из газеты самокрутку
ладит долго, не спеша,
И, прищурясь, оком мудрым
смотрит в воды Иртыша.
Он – рыбак, большой мастак,
говорит: «Уж всё не так...
Нету рыбы... обмелело...
И душа похолодела...»

* * *

На ромашковом лугу
Веселится лето.
С удочкою я бегу
В синеве рассветной.
Котелок звенит в руке,
Мне рыбалка – «хобби».
... Наш бычок на поводке
По лужайке бродит...

КОСТЁР

В вечернем поле – холод,
сырость.

Как алый мак, горит костёр!
Весна, ты дай тепла на
милость,
с утра шёл снег, и я промёрз.
Здесь, на поляне, цвёл
подснежник –
повяли, сникли лепестки.
Но в полдень солнце грело
нежно –
снег превратился в ручейки!
И я смотрю уже без гнева
на луг туманный, на костёр...
Зарёй отсвечивает небо,
и светом полнится простор!

ПРУД

С белой пеной прут ручьи
вниз, в овраг стекая...
Половодье – пруд пруди!
Синь воды сверкает.

НА ОЗЕРЕ ЧЕБАКЛЫ

Стемнело...
Утки кричат в камышах.
За островами булькают лысухи.
Деревня за леском блестит в
огнях,
и нудно комары звенят над
ухом.
Я слышу, как в лугах мычит
телок,
собака лает – следом бабьи
крики...
За рощей, слева, вспыхнул
огонек,
и шум мотора... Тень коня
возникла...
За отраженьем звезд в воде
слежу:
гребок весла – и зыбь по
вitraжу.

У РЕКИ КАТУНЬ

С ледника – Белухи вниз
рвутся воды с пеной,
от хребта навис карниз
над речным коленом.
Прорезая твердь хребтов,
к Обскому бассейну,
мчит Катунь во мгле веков
с чистотой бесценной!

РЕЧНОЙ ЖАВОРОНОК

Серый, крохотный певец
в небе точкой замер.
Песенка на сто коленц
льётся утром ранним!
В синем мареве завис –
бесконечны трели...
Он глядит любовно вниз,
где птенцы пригрелись.
Летний день зажёт в лучах
капли алых ягод.
Сено свежее в стогах.
От реки – прохлада.

ПЛЁС

Камышом луг зарастает,
но внутри – зеркальный
плёс.
Там взлетают уток стаи –
вижу в брызгах уйму
звёзд!
Вечером камыш темнеет –
в нём заря костром алеет.

* * *

Плеск воды над колодиной,
горький привкус осин
мне напомнили Родину
в пору тяжких годин.
Сорок пятый, голодный, –
я в весеннем лесу...
Как дары от природы,
сноп медунок несущ...

ПРОМОИНА

Тает снег, бегут ручьи
с пеной по колдобинам.
На дороге колеи
растеклись в промоины.

НА ЗАКАТЕ

В заливе у высокого обрыва
в кустах горит шиповника
огонь.

Вдоль берега,
с лохматой рыжей гривой
идёт в лучах, пофыркивая,
конь.
Он мутит воду, бьёт её
копытом,
пьёт медленно...
Закатный луч горит
в воде пожаром...
Золотом облитый,
как изваянье, долго конь стоит.

ЗАРЕЧЬЕ

Вернулся вновь домой, в
заречье,
и понимаю: здесь, в тиши,
меня природа нежит, лечит...
Рукав протоки – часть души!
За огородом синь речная
два облака в воде качает...

ВЕЧЕРНИЕ ПРОГУЛКИ

Я снова к Иртышу иду гулять...
Блестит широкий плес в лучах
заката,
волна со мною хочет поиграть,
шипя, нет-нет да за ботинок
хватит.
Вот теплоход, с огнями на
борту,
прошел вниз по теченью: звук
гитары,
девичий смех... И скрылся в
темноту
за поворот – пошел, видать, на
Тару...
А чайки кружат, и через крыло
пикируют, касаясь синей глади,
кричат, зовут... И на душе
светло.
Дышу, грущу – и большего не
надо.

* * *

Хорошо уединиться,
спрятаться в тиши ветвей...
Надо мною две синицы
о любви поют своей...
Вот им вторит нежно зяблик,
вслед зоряночка поет...
Конь уздечкой тонко звякнул.
Даль прорезал самолет...

Я ж один на белом свете,
жадно глядя в синеву,
все ищу в душе ответа:
для чего же я живу?

* * *

А сердцу тревожно.
И что ему надо?
Смотрюсь в величавый Иртыш,
в лицо мое нежно струится
прохлада...
От леса – полдневная тишь.
Не брякнет уздечка, не звякнет
колечко...
Со стадом пастух – вдалеке...
А лодка, смоленная варом,
отвечивает
на раскаленном песке...

МОЙ ЛУГ

Июльским дождём исцелован,
цветами по пояс покрыт,
мой луг, изгибаясь подковой,
как радуга, ярко искрит.
Иду я тропинкой заречной –
с увала к реке напрямик...
Обрыв...
И в песочке лепечет
холодный и чистый родник.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я вышел к речке...
Запах терпкий
пахнул в лицо, заморозил.
К затылку отодвинув
кепку,
услышал пульс в висках –
ожил!
Исчезли головные боли,
треск городской, кошмаров
сны –
и я молюсь:
Родное поле,
от бед и гроз охолони!
У ног в цветах трещит
кузнечик,
в кустах малиновка поёт...

Так вот он – мир,
прекрасный, вечный!
И счастье – кто его поймёт.

ЩУРЯТА

На солнечной косе царит
июльский день.
Как маленькие, серые
торпеды
пригрелись рыбки...
Вот скользнула тень
моя в воде – и сразу с нею,
следом –
вьюны, вьюны.
Уходят в глубину
стремительные и живые
стрелы.
И вижу щучку сонную,
одну.
Но всплеск – она исчезла
ошалело.

ОСЕННИЙ ТУМАН

В белых волнах тумана
остывает река.
Я шепчу: «Здравствуй,
мама...» –
над травой бугорка.
Вечер хмурится тучей,
догорает закат...
Над полынною кручей
мой печалится взгляд.
И сквозь пряди тумана –
вдалеке – моя мама.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Лежит в грязи
заржавленный большой
буксирный трос...
Кювет – с водою яма,
след гусениц отчетливо
двойной...
Осколки кирпича...
Прицепа рама...
Трос связан в трех местах.

Да, нелегка,
наверное, была ему работа:
не одного тащил
грузовика,
над ним немало пролитого
пота.
Не раз еще бы службу
сослужил,
но крюк буксирный
сбросил – и забыл...

СТРЕЛКА

Где втекает Омь в Иртыш –
чайки вьются в сини...
Людный скверик... ивы...
тишь.
В клумбах – вечер стынет.
Справа – горка, слева – мыс
с пристанью... А – в центре
возвышалась крепость ввысь:
гауптвахта... церковь...
Дальше – Тарские ворота,
в них – лучи, как позолота.

ПРОТОКА

Не то – ручей, не то – речушка?
Я вижу в тальнике протоку.
Поёт камыш, клонясь
послушно
к воде прозрачной, синеокой.
Крик птичий слышен
отовсюду,
прохлада в ивах по полудню.

14. ВЛЮБЛЁННОСТЬ

В ТОЙ ВЕСНЕ

На лугах вода большая
разлилась по той весне...
Никогда и не узнаешь
как была мила ты мне.
Там, в лесу, где цвёл

подснежник,
повстречал тебя с другим.
Ветер майский, ветер свежий
плыл по веточкам тугим.
Я, охотник, повелитель
тайн озерных и лесных,
разве мог кого обидеть
в царстве солнечном весны.
Лишь ружье слегка качнулось
на брезентовом ремне,
и кусты вокруг сомкнулись.
– Простоял я в стороне.
Шел он рядом, улыбаясь,
ты смеялась, вся светясь...
И позднее, в ночь просыпаясь,
даже в снах искал тебя!
Не посмел писать я писем
в дальний край, тебе вослед.
Да и друг шутил: «Не кисни,
ангелов на свете нет...».

ВАСИЛЕК

У дороги синий василёчек
головой кивает мне, зовет...
А июльский теплый ветерочек
в листиках его поет, поет...
Подойду и наклонюсь с
приветом,
приголублю синий огонек,
расскажу ему лишь по секрету,
как давным-давно я одинок.

ПОЗДНИЕ ПРИЗНАНИЯ

Словно выстрел, стукнула
калитка...
Ты ушла – вслед скрипнуло
крыльцо...
Я целую мысленно улыбку,
осветившую твоё лицо!
Я целую речку, мостик, берег...
И в разлуку нашу не поверю...

СИРЕНЬ ВЕЧЕРНЯЯ...

Сирень – вечерняя, слепая
мне веткой тычется в лицо...
И, лепестками осыпаясь,
о чём-то шепчется смешно.
Она тебя напоминает,
твою улыбку, отсвет глаз,
когда с тобой весной
встречались
мы у реки в полночный час.

Сегодня вновь припоминаю
те дни – сирени буйный цвет...
И даже клич далёких чаек
над Иртышом, как твой привет!
Встревожен вечер...
Смолкли чайки, –
их скрыла дымкой полумгла.
... Ты почему не отвечаешь
на письма, как забыть могла?

ДЕВУШКА СПЕШИТ...

От деревьев пали,
удлиняясь, тени...
Девушка в косынке.
Легки её движенья.
Девушка спешит
тропинкой на свидание –
девушке неведомо
ни горе, ни страдание.
Вслед глядит старушка
с тихой улыбкой,
Шепчут губы вялые:
«Ишь, какая пряткая!...»
... Вяжет сети белые
вечер над рекой,
струйка дыма серого
гаснет над трубой...
Потемнело небо...
Лес затих в гаданье...
И луна выходит
к звёздам на свиданье.

АХ, ГОДЫ–ВЁРСТЫ...

В кустах – снега... А на краю
поляны
подснежников белеющих
гряда...
Они нежнейшим ароматом
манят
в иные, незабвенные года.
... Девятый класс...
Бежим мы в лес из школы,
но ты с другим подснежники те
рвёшь.
Я ухожу сторонкой
невесёлый...
Ах, годы–вёрсты,
их уж не вернёшь!

ЗАГАДОЧНЫЙ СТОН

Весна по лесам
колобродит:

из почек, из кочек, из нор
жизнь рвётся опять на
свободу
и в солнечный входит
простор!
Я слышу, как чибис взлетает
и гуси на плёсах шумят,
и как перелётные стаи
под небом на Север летят!
А брачные крики ночами
над озером сводят с ума –
всё то, что до срока
молчало,
теперь и не пробуй унять!
Зов кряквы и оклики
выпи,
лягушек томительный звон
над гладью озёрной
рассыпаны
в любовный загадочный
стон...

ГЕРАНЬ

В окне герань алела,
листки прижав к стеклу,
стоял я, оробелый,
в проулке, на углу.
Внутри, за белой шторкой
я видел тень твою,
и сам с собою спорил,
что створку отворю.
Не отворил, не стукнул...
И алая герань
лишь нынче мне аукнула
в мою седую рань.

* * *

Тревожно тальники во
тьме шумели,
и волны пенил ветер
грозовой...
С тобою мы под лодкою
сидели,
дождь барабанил сверху –
резкий, злой.
Ты, к моему плечу припав
щекою,
дремала безмятежно...
Гром гремел...
И нежностью наполненный
святою,
тебя поцеловать я не посмел.
Зеленый остров

* * *

Мартын все кружит
над весенней лужей,
крылами рассекая синий
зной!..
– Зачем он кружит,
и о чем он тужит,
с ума сводя
своею белизной?!
То выше поднимается,
то с лета,
почти касаясь солнечной воды,
вдруг прокричит –
и в зове безотчетном
мне слышится дыхание беды...
– Зачем я здесь?
Зачем в тиши прозрачной
мартын все кружит,
стонет надо мной?
Последний снег в кустах
сереет мрачно –
он словно память
горечи одной.
Он не растаял
этот снег, поныне –
не я,
другой тебе цветы дарил,
напрасно я шептал ночами
имя,
когда твой след
в чужих краях простыл.
...Стою в тени бездвижно,
молчаливо –
лишь кровь звенит:
я там, к тебе лечу!..
Ах, до чего же ты была
красивой,
вся светлая –
подобная лучу!
Сквозь воду прорезается осока,
парит...
Вот здесь расстались мы с
тобой...
Мартын все кружит,
стонет одиноко,
с ума сводя
своею белизной!

ГОЛУБИНАЯ ТЕНЬ

Я – больной, и в постели
пилюлю,
горьковатые, пью целый
день...

За окном в тёплом ясном июле
голубиная мечется тень.
То вблизи пронесётся стрелой,
то по ветру вольготно парит...
То с крыла на крыло, предо
мною
развернётся...
И снова – в зенит!
Наблюдаю, а сердце томится
и по телу – щемящая дрожь...
... Ах, красивая вольная
птица – ну, куда ты бескрылых
зовёшь!?

МАЙСКИЕ ГРОЗЫ

Разыгрались майские грозы
над лугами, залитыми водой.
Раскачались со свистом берёзы
с неокрепшею, тонкой
листвой...
Не гляди на меня так тревожно
– я прикрою от ветра тебя...
Машут ветками робко берёзы,
и в вечернее небо трубят.

Я ВЕРНУЛСЯ

Я вернулся в край родной,
в деревню...
Летний вечер...
Домик твой приметный...
... Здесь, где ивы шепчутся над
речкой,
ты тогда тропинкою ушла...
Призрачное лунное колечко
высветилось в редких
камышках.
На воде славянской тонкой
вязью
ряска оживала, серебрясь...
Столько лет!?.
Но я забуду разве –
как душа пожаром занялась?..
Как я бредил в снах,
и как преданье –
свет струился от далёких звёзд.
– Я приду на новое свиданье,
если даже годы ждать
пришлось.

* * *

Щиплет уши мороз... Всё
окрест
в белых бликах.
Блестят
покрывала.
Чисто так!.. Целомудренный
лес,
приюти мою душу усталую.
Как светло от обвальных
снегов!
Как узорчивы гребни сугробов!
Я вернулся, но я не здоров...
Снег на пнях, вроде чьих-то
надгробий.
Светлой вере в поклоне
клонюсь
и бреду по безлюдному полю,
и шепчу: «Здравствуй, край
мой, винюсь...
Возврати снова радость
и волю!...».

* * *

Ты зовёшь к себе маня –
и дразня, хохочешь...
Нежной песенкой звеня,
Покорить всех хочешь.
И в глазах – такой огонь!?
– Нет ему преграды...
Но в последний миг: «Не
тронь!»
– шепчешь мне – «Не надо...».

НА ПРИЗ «НУВЕЛЬ ДЕ МОСКОУ»

Бал ледовый в полночи зимней
кульминации высшей достиг.
В каждом жесте –
неповторимость обаянья...
Загадочный миг!
В бирюзовых костюмах пара
над площадкою в танце парит,
и на лицах волшебным
пожаром
вдохновенье в улыбке горит!
Нежность пластики –
до изумленья!
Да, в партнерше, видимо, соль:
красота в возвышении
женщины,
а мужчине – поддержки
изволь...

Он ведет ее четко по кругу,
поднимает легко над собой,
опускает в размахе упруго
на сверкающий лед голубой.
И она скользит в завихрении,
чуть капризна, лукава,
вольна –
в ней и блеск, в ней и власть,
снисхождение –
словно правит всем балом
одна!..
Замедляется музыка...
Страстно
на колено партнеру клонясь,
непокорной принцессы
прекрасной
на мгновенье утратила власть!

СНЕЖИНКА

Ты дышала горячо...
Были в инее ресницы...
Снег скрипел под каблучком...
– Стала ты мне чаще снится!..
Вот стою на том же месте,
и снежинка на ладонь
села и, видать в отместку,
обожгла слегка огнём!
И растаяла мгновенно,
испарилась, словно вздох...
Те же окна, те же стены...
Ржавый на дверях замок.

ТВОЙ ГОЛОС

Ау!.. Ау!.. – и я бегу
туда, где оживают звуки.
Ты на далёком берегу
опять протягиваешь руки.
Ау!.. Ау!.. – слабеет звук
за дымкой дальних лет,
и я твоих не вижу рук –
тебя там просто нет...
А я бегу всё... Я – бегу...
Твой голос тайный берегу!

15. ЛЕТНЕЕ РАЗДОЛЬЕ

В ЭТОМ КРАЕ...

В этом крае камыши
высоки, как лес,
бесшумны.
Вёрсты плыть – и ни души,
жуткая за полночь
лунность.

По протокам, с плёса в
плёс,
пробираюсь... Мучит жажда.
В тьме глубинной – сотни
звёзд.
Обступает зыбь и лавда.
Лишь ондатры здесь и там
дыбят воду, как
подлодки...
Здесь, на линьке, гусакам
редко встретится охотник.

КРУТОЯР

Луг внизу – кусты на нём,
домик, бродит стадо...
Я – на берегу крутом,
сосны светят рядом.
Крутояр – крутой откос
над водой завис.
Как спуститься – вот
вопрос:
нет тропинки вниз...

СЫРОЕЖКИ

В дни войны те сыроежки
приходилось в поле есть –
радость детства!
В рощах здешних
столько видов их – не
счесть!
По окраске – отблеск радуг,
волны утренней зари.
... Край грибной, встречай
и радуй,
вновь улыбку подари!

ЛУННЫЙ КОТ

А ночь поначалу
была так темна,
но тучка промчалась
и вышла луна.
И стало светло –
хоть иголки ищи,

а кто-то назло
всё мяукал в тиши...
Ограда, плетень –
в ледяной белизне.
тополя тень
подступила ко мне.
Из тени, вдруг, вышел
наш Васька – кот.
Взобрался мгновенно
на гребень ворот.
Смотрю я, не веря
глазам своим: «Чёрт!?!»
Похожим на зверя
стал лунный кот.

СКИРДА

Позабывтая скирда
с прелою соломой –
ты стоишь уж года два,
словно дом огромный.
Как так?
Кормом можешь стать,
или крышу закрывать...
С края поля, у леска,
дремлешь – и плывёт тоска.

НИВА

Год назад здесь рос
бурьян,
нынче – хлеба грива...
Говорит мне дед Иван:
«Ах, полюшко красиво!
Наш сибирский сорт
пшеницы,
надо ж – славно уродился!»

В УРМАНЕ

Деревья подступили к
избам,
и светят огоньки в лесу.
По снежным голубым
изгибам
позёмку ветерки несут...
Иду по мягкому снежочку
до крайней, брошенной
избы.
Вот след зайчишки в два
прыжочка,
след лисий – там,
у городьбы.
Собака злобно лает где-то,
на ветках иней, звёздный
блеск.

Луна восходит...
До рассвета
ей плыть и плыть – в страну
чудес.

В КАСКАДЕ БРЫЗГ

Уставший к вечеру, почти
больной,
иду я к Иртышу косою
песчаной.
Здесь дачи. Здесь – цветы, уют,
покой.
Иду к воде прохладной и
желанной.
И окунувшись, яростно плыву
– спортивный «кроль» –
мелькают руки, ноги.
В каскаде брызг я юностью
дышу
и наполняюсь силой
понемногу.
И вот – прощаюсь с ласковой
волной
и выхожу на берег – молодой!
«Иртыш, тебе спасибо!» –
говорю.
«Тебя я на века боготворю!»

НА ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Ветра промчались тёплые
с ковыльной стороны,
тугие почки лопнули
среди майской тишины!..
С утра листва зелёная
одела тополя...
Во взглядах всех влюблённых
рассветинки горят!..
Плывут гудки над речкою
в безбрежный небосвод.
И птичьими наречьями
гусиный клич – с высот.
Грачи слетелись стаями
на влажные поля!..
Оттаяла, оттаяла
родимая земля!
Как вольно, легче дышится
под первую листвою!
... В шуме веток слышится
далёкий голос твой!!

НОЧНАЯ ГРОЗА

Гром разразился майской
ночью,
и долго длился страшный гул.

Он с перекатами так мощно
лес сотрясал
и в тьме тонул.
Грозу я слушал, как впервые,
и, сжавшись весь, не смел
постичь
небесной силы позывные,
Природы тайной дикий клич.

ВСЁ ОЧНУЛОСЬ ВМИГ

По болоту шёл я
осторожно.
Но раздался треск гнилых
жердей
под ногами – словно
выстрел грозный
прогремел, вспугнув двух
крякашей.
Закричал угод, за ним –
сорока,
стала булькать, ухать
кочкара,
и лягушки всхлипнули в
осоке –
всё очнулось вмиг в лучах
утра.
Всё насторожилось,
окликаая: Кто я?..
И зачем в их тихом крае?!

ПЕРЕПЕЛЯТА

На поляне, клубникой богатой,
треск кузнечиков.
Сотни стрекоз...
Разбежались перепелята –
слышен писк их у дальних
берёз.
Меж цветов и травы
непролазной
малых птенчиков как
рассмотреть?
Мать кричит: «Где ж,
проказники?».
... То – взлетит, то – садится на
ветвь.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Над берёзовым леском
прокатился резвый гром.
Капли звонко застучали
по раскрывшейся листве,
на дороге зажурчали
ручейки...

И – всплеск в траве.
За увал свалилась тучка,
встала радуга-дуга.
От травы дурман пахучий
дымкою прикрыл луга.

КОВАРНОЕ БОЛОТО

А кочки, как живые, на плаву
играют, прикрывая мрак
колодцев.
Шагнёшь поспешно в рыжую
Траву –
и с головою в воду окунёшься.
И не достанешь илистого дна.
Вокруг – талы и мхом
заросший
берег...
Шумит камыш о том, что
жизнь – одна,
и что нельзя болотным кочкам
верить.

КНИГА

Буква к букве – слова,
следом – строчки.
Ну, а смысл весь порой между
строк!
...В этом мире жестоком,
непрочном –
научи верить книге, пророк!

ВСЁ КАК ПРЕЖДЕ

Дождь пролил... Десяток радуг
над рекою... Всюду – грязь!..
«Здравствуй, старая ограда,
что грустишь ты, накреньясь!?
Здравствуй домик!
Здравствуй, детство!

*Петушиный, здравствуй,
крик!..
Дайте, дайте наглядеться –
я от вас почти отвык...»*
... Вижу рядом – солнце в
окнах...

Голоштанная орда
мчит по лужам – все промокли.
Брызги градом – не беда!
Всё как прежде: небо, ливень
и речушки светлый лик...
Рядом плачется крикливый,
потревоженный кулик...
Прохожу вдоль огородов
по тропиночке крутой.
Захотелось, как в те годы,
искупаться под горой.
Тот подсолнух ярко-рыжий,
речки голубую гладь –
всё, что рядом слышу, вижу –
я готов расцеловать!
Улиц грязь – и та родная!
Край родимый не кори,
освежи меня прохладой
и любовью напои!

ОТПУСК В ИЮЛЕ

Июль выращивает травы,
зверят, рыбёшек и птенцов...
Для нас растут – не для
потравы,
делянки ягод и грибов!..
Над полем в радостном
паренье
взлетает птенчик на крыло...
клубника красная в горенье...
над речкой чисто и светло!..
Всё к солнцу тянется до
срока...
За месяц я окреп, подрос!
Порозовел июльским соком!..
– Ещё б недельку – вот
вопрос!?

ИЩУ ОТВЕТ

Вкруг рощи – пахота...
По лесу – борозда
от плуга.
Длинная, во всю поляну.
... Я за клубникой вновь
пришёл
сюда,
но всё переменялось как-то
странно.

Нет ягодника, белых нет
цветов –
растёт сорняк да тощие
травинки.
Прошли палы весною – из
кустов
обугленные видятся тычинки.
И словно шрам, темнеет
борозда...
Не слышно птиц – видать,
сгорели гнёзда...
Какая драма, что же за беда
случилась здесь?..
– Найти ответ не просто.

Я УЙДУ...

Если друг меня обманет
или словом обзовёт –
жаловаться я не стану
взрослым дядям. Я – не тот.
Я уйду на луг. Цветами
надышусь, совет спрошу
у реки!..
Вновь сильным стану!..
И обидчика прощу...

ВОЛНУШКИ

Говорит мне бабушка:
«Август – для волнушек!
Семьями, все рядышком
светят по опушкам.
Шляпки в ярких лучиках,
с войлочным пушком...
Я ногами мучаюсь,
трудно в лес пешком.
Набери мне, внучек,
полную корзину,
маринады лучшие
наготовлю в зиму»

16. ДНИ РАЗДУМИЙ

РАССВЕТНАЯ РАНЬ

Ковёр таёжный мягок и
зыбуч.
Над ним переплелись
верхушки сосен –

и в них застрял рассветный
первый луч.
Не верится, что на пороге –
осень.
Нетронутый покой.
Смола... Озон!
Так запах мха с багульником
дурманят!
Гагары крик всплывает в этот
сон
от небольшого озера в
тумане.

Урман...

Вокруг – такая глухомань,
за сотню вёрст охотничья
избушка.
Здесь в предрассветную,
глухую рань
люблю я дикий мир часами
слушать...

СОРОК ЛЕТ

Жизнь диктует свои права
и пугает суровой новью.
Кругом – кругом идёт голова,
обливается сердце кровью!
Сорок лет? –
Для мужчин – это срок!
Прежнего нет стремленья,
горенья –
может, жизни уже потолок
давит сверху томительной
ленью?..
Всё темней за окном небосклон
всё свинцовее низкие тучи...
И какой-то незримый сон
отчуждённостью давнего
мучает.

В ШАЛАШЕ

Засыпает речка и поляна,
засыпает дальнее село.
И белеют белые туманы,
словно лебединое крыло.
Спите, подорожники и ивы.
И стога – как стойбище
слонов!
Спи мой луг, уставший и
счастливый –
я всю ночь сны охранять
готов...

БРОШЕННОЕ СЕЛО

Бурьян берёт в полон дома,
в проулках лишь репей с
крапивой.
Без окон избы... Дел – нима...
Посмотришь – и даёшься диву.
А в улице один старик
сидит на лавочке, вздыхая...
Не слышен петушиный крик,
собаки у ворот не лают...
И странно: даже не слышать
детей играющих, их криков...
Мертво вокруг. Ни дать – ни
взять...
Пустые окна смотрят дико.

НЕ СПИТСЯ МНЕ

Взошла над гривой яркая луна
и осветила лодки на приколе.
Уже за полночь – всюду
тишина...
Туман и лунный свет плывут
по полю.
Костёр погас...
С надрывами храпит
напарник мой, уставший на
болоте...
Но от чего душа моя болит?..
Не спится мне...
Не радуется охота.

ИЗ ПИСЬМА ДРУГУ

В сумерках поздних струится
река,
паром негреющим дышит...
Ты мне напрасно судьбу
предрекал
– время иное нам пишет.
Здесь, над обрывом, в густой
тишине

щелкают перепелята...
вот отдалённо сигнал
прозвенел ...
скачут вдали жеребята.
Мчатся игривые на водопой,
пыль над дорожкой клубится...
Вновь на рыбалке –
но я здесь – чужой...
Прошлому не возвратиться!

ЗАЧЕМ РАЗДОР

Взгляд твой укоризненный
и жалящий
ощущаю знойно на спине...
Ну, зачем раздор – ответь,
пожалуйста?..
... Ухожу вновь в злобной
тишине...
С поздней электричкой,
гремящей –
еду я на дачу, в замок свой...
... И в колёсном грохоте –
кричащий,
голос твой всё гонится за мной.

НОЧЬ – КАК ВЕЧНОСТЬ

Ветерок порывистый,
свистящий
щёки в темноте мне холодит.
Я иду от пристани сквозь чащу
– низко впереди луна висит.
За кустом «жигуль» мой
светлобокий...
Термос есть – костёр не надо
жечь.
Ночь – как вечность, если
одинок...
Выпить бы чайку да раньше
лечь.
Выспаться, на зорьку встать до
света...
А грустить к чему – пускай и
ночь?..
Да и кто мне на печаль
ответит?
Кто сегодня может мне
помочь!?

СИЗАРЬ

Я – больной, и в постели
пилюли
горьковатые, пью целый
день...

За окном, в небе ясном,
июльском
голубиная мечется тень.
Сизарь – то пронесётся
стрелою,
то по ветру вольготно парит...
То с крыла на крыло предо
мною
Развернётся... И снова – в
зенит!
Наблюдаю, а сердце томится,
и по телу – холодная дрожь...
Ах, красивая вольная птица –
ну, куда ты бескрылых
зовёшь!?.

НОЧЬ НА КОПНЕ

Глухомань лесная, всхлип
болота.
Глеют зябко звёзды в вышине.
Вымок и продрог – на то охота.
И лежу, согревшись, на копне.
Самолёт плывёт сверху.
Мигают
Дальние сигнальные огни –
как в погоню, вслед за птичьей
стаей,
к югу удаляются они.
Гул тоскующий, протяжный,
долгий –
мысли ворошу, схожу с ума:
Где я? Что я?..
Рядом блеск двустволки...
Осень... Слякоть...
Впереди – зима...

ГРУЦУ О НЕВОЗМОЖНОМ

Я – упрямый, озорной,
месяцами жду удачу...
Но душа порою плачет,
разуверившись судьбой.
Очень редко я смеюсь,
если рядом чьё-то горе...
И с собою часто спорю:
а на что же сам гожусь?..
И в глаза вползает грусть,
Если что-то невозможно,
и на мир гляжу тревожно...
Жить легко не научусь!

СВЯТОЕ ДЕЛО

Я – отпускник, бреду с охоты,
а рядом хлеб шумит волной.

Ядрёный колос с позолотой
усы склоняет над тропой.
Пора бы жать. Стоят
комбайны:
солярки нет на МТС...
Хлеб перезрел, и не случайно
полёг на землю там и здесь.
А я с утра брожу с ружьишком
в лесу озябшем и пустом,
и вспоминаю – как
мальчишкой,
в войну, я жил земным трудом.
Как я работал на прицепе...
сенокосилкой хлеб валил...
как звонко молотили цепи...
в гуртах пшеницу я сушил.
И плицей грёб зерно на печку,
и на току ночами спал,
где дед мне с думою извечной
о жизни мудро так сказал:
«Святое дело унаследуй,
хлеб – наш кормилец, жизнь
сама...
Есть хлеб – и никакие беды
нас не возьмут...
Не в страх – зима».

И ПОЙМУ Я

Жизнь, порою, нас конючит,
бьёт по лбу, пинает в зад.
Исчезает солнца лучик –
и тогда себе не рад.
Если грусть в меня заглянет,
изомнёт без сна постель –
утром я уйду к полянам,
где в ночи пел коростель.
Упаду в левкой, ромашки –
обниму цветочный свет...
Пчёлы, яркие букашки
принесут мне свой привет.
Посвежев, смотреть я стану
в голубую неба высь...
И пойму здесь на поляне
по-иному слово «Жизнь».

НА ДУШЕ – ПОКОЙ

Вокруг крылечка – лужи...
С крыши – дождь...
Ни выглянуть, ни выйти за
порожек.
И сумрачно в избе...
А ты всё ждёшь,

отодвигая шторы незаметно.
Напрасно...
Дождик мелкий, обложной –
наверное, уж где-то осень
рядом.
И странно: на душе такой
покой!..
И думать, думать в тишине
отрадно.
... А дождь стучит, лепечет и
поёт –
и, вроде, нет ни дел и ни забот.

ДИЧОК

Он в саду и в огороде
рядом с яблоней растёт.
В дикой роще – на природе
зреет солнышком, зовёт...
Слово звонкое – «дичок»
светит, словно огонёк!

НА РАЗЛИВЕ

Ах, Паисыч, как любили
край берёзовый с тобой!
Глубока твоя могила –
только ты всегда со мной.
Тюкалинский край приветлив:
плеск волны... берёзы дрожь...
По разливу в зорьке светлой
в лодке ты к сетям плывёшь.

В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБУШКЕ

Потемнели к вечеру деревья,
обступили хижину мою.
Где-то притаились рядом
звери.
Камыши озябшие поют.
В песне этой – расставанье с
летом...
Мне дремать в избушке –
до рассвета.

ЖАРКИЙ ПОЛДЕНЬ

Вьюн взметнётся – и уляжется
золотистой струйкой пыль.
Нежно-белым морем кажется
вдоль обочины ковыль.
Коршун медленно снижается,
миг – и камнем упадёт...
Распахнулась степь тишайшая,
жаворонок лишь поёт.

ЖУРАВЛИ

В ясный полдень в небе синем
кружат стайкой журавли.
Пригляжусь: лишь росчерк
крыльев
различаю я с земли.
Марево...
И испаренья,
как потоки, ввысь текут...
Крыльев взмах, затем –
скольжение.
По волнам плывут, плывут!
На безветрии небесном,
в синеве купаясь вновь,
чуть курлыча, грустной
песней –
дарят светлую любовь!

Я НА СВОЁМ ВСЕГДА СТОЮ

«Воспоминание о будущем!» –
я заголовок написал...
В стране свободных и
бунтующих
по прошлым дням не тосковал.
Что мне оплакивать
парткомы –
в коммуне я не состою,
Их лозунги мне не знакомы.
– Я на своём всегда стою!..
«Воспоминание о будущем!» –
смысл заголовка режет глаз...
Да, мне хотелось быть бы
любящим,
но не когда-нибудь, сейчас!!.

МОЛЮСЬ НЕБЕСАМ

Светятся кедры в разводьях
зари,
стекают лучи по иголкам.
Где-то токуют в глуши глухари,
дремлют в урочище волки.
Алой брусникой усыпаны мхи,
птицы на кочках болотных:
между тетёрок черны петухи –
держится выводок плотно...
– Праведный Боже!
Молюсь небесам,
стою, приобнявшись с сосною,
себе я хозяин – и волен я сам,
какою идти мне тропою.
Нет на лице от сомнений
теней,

зарёю рассвечены дали...
Вот вышло навстречу
семейство лосей –
они здесь людей не видали.

17. СЕВЕРНЫЕ ОЗЁРА

ТЕНИС

«Да, такая вот история
приключилась у нас.
Был Тенис не меньше моря», –
начал тихо дед рассказ.
Дед – рыбак, он любит воду,
в лодке может ночью спать,
а предсказывать погоду –
словно семечки щелкать!
С бородой замысловатой
над размахом плеч тугих,
он рассказ повел:
«Когда-то
не было страстей таких.
Чтоб такая уйма люда
на машинах, и сюда!
Утка поднята повсюду,
вёсел столь – кипит вода!..
Раньше здесь была избушка
на все озеро одна,
жил тогда я со старушкой...
Помню,
раз пришла весна –
щука, и карась, и окунь
в берег шли икру метать,
и у самых этих окон
мог хоть тыщу
их поймать.
Не сетями, а руками
щук хватал из камыша –
вот с такими головами!?!..
А теперь-то ни шиша?
Есть-то есть –
не та уж рыба...
И Гослов,
и Рыбнадзор

все разводят,
да не в прибыль –
недород, а тот помор...
Зарастает, обмелело –
и не жалко помирать.
А рыбацкое-то дело
надо тонко понимать...»
...Дед умолк,
темно в избушке –
он не любит свет зря жечь.
На соломенных подушках
и на нарах
нам всем лечь.
Молча, скопом, потихоньку
разбираемся впотьмах...
Словно сыч, сидит в сторонке
дед,
в огромнейших пимах.

ОЗЕРО ИК

Гаснут звезды. Тишь да гладь.
Лишь заря зардела,
рыбки начали всплывать
и плескаться смело.
Разбегаются круги
в золотистых волнах,
Светом радуги-дуги
лучики в них тонут.
Плес огромен – вдаль и ширь...
Кажется безбрежным мир.

* * *

Непроходимый
в заводи камыш
склонился над водой
– и дремлет чутко...
Вверху прошелестела стая
уток,
и снова разлилась тягуче тишь.
Вода прозрачна,
глубоко, до дна –
рассматриваю рыбок с
интересом,
и с борта лодки,
осторожно свесясь,
пью жадно –
и пьянит меня она!
И смотрит из воды,
поймав с поличным
меня,
обветренное чуть лицо!..
Две капельки тяжелые
свинцом,

сорвавшись с губ –
летят в мое обличье!
Круги слегка расходятся,
скользят
по лбу, щекам –
и кажутся улыбкой!
На зеркале, ломающемся,
зыбком
так странно я гляжу в свои
глаза!
...Я долго пью,
и зубы леденеют –
засвищут скоро в небе холода!..
И потому прозрачней и светлее
день ото дня
озерная вода.

* * *

В темноте
по узким, мелким плесам
пробираюсь сквозь густой
камыш...
Жалобно поскрипывают весла,
нарушая вдумчивую тишь.
Вот и гладь озерная...
Дорожкой
катится свет лунный по воде,
кажется,
что в сторону немножко –
и луна исчезнет в темноте.
Но плывет она со мною рядом,
льет в лицо мне
свой лимонный свет...
Островов заснувшие отряды
медленно смыкаются вослед.
Поднимаю весла
и бездвижно
жду отставших путников
своих,
и такая тишина –
что слышно,
как сорвавшись с весел,
дождь затих...
Где-то первых птиц раздались
крики,
посветлело слева в вышине...
И зари расплавленные блики
засветились тихо на волне.

В БУРЮ

Почернело озеро,
лохмато
волны поизрезали залив,
гребни их с отливом седоватым
пенятся,
дорогу преградив.

Лодочки,
малютки-раскладушки,
из дюралья,
попятились послушно –
их пугает пьяная вода!
Ветра вой порывистее,
злее...
Час-другой...
Но хочется домой,
и нашелся тот,
кто всех смелее,
выплыл и –
подхвачен уж волной!
Чуть спустя,
вслед ринулась армада,
лодок десять –
брызги, весел взмах...
С каждым метром вал встает
громადней,
вяжет руки затаенный страх.
Главное,
чтоб лодочка-малютка
находилась сверху на волне!
И гребу,
сколь силы есть,
но жутко:
вал нещадно хлещет по корме.
Всё острее страх –
и так охота
вылезть из костюма и сапог...
Озеро огромно и глубоко,
да и берег все еще далек.
Зубы сжав,
гребу и привыкаю
к мысли,
что борьба с волной сладка!..
А над берегом вдали мелькают
чайки, –
словно чей-то всплеск платка.

НА МЫСЕ

Озеро с чайчьим криком, –
за плотной стеной камыша.
Здесь
зыбун пузырится дико,
и невольно стынет душа!..
Глубина метра три,
не меньше,
плес идет к озеру
рукавом...

По разводьям во льду,
по трещинам
раскладушку толкаю с трудом.
Жестяная лодчонка-скорлупка,
оступись –
и разглядывай дно,
не спасись ни за что...
Это ль шутка:
лед схватил камыши давно!
... Сзади плес от шуги
серебрится,
и снежок замелькал в
вышине!..
Вот и озеро...
Стайками птицы:
гоголь, чернядь
на чистой волне.

*Озеро Тенис. Самое северное
гнездование колонии кудрявых
пеликанов, занесённых в
красную книгу.*

ВСТРЕЧАЙ, ПАИСЫЧ, НАС...

Под ноздреватым снегом
жесткий наст,
теплеют заскучавшиеся выси!..
Март близится...
Встречай, Паисыч, нас –
давай поговорим,
откройся в мыслях.
Давай поспорим про житье-
бытьё:
марксизм в тебе –
мозолистые руки...
любовь к земле, как песни
давней
звуки...
Ну, а рыбалка,
в чем-то божество!
Ты едешь с превеликою охотой
рыбачить с нами
на родной Тенис.

Паисыч, –
 друг,
 разве мой заботы,
 веселой шуткой снова
 отзовись.
 ... Вот впереди маячит Конкуль
 старый,
 а слева Новый виден на бугре.
 На озере повсюду люди...
 Яро
 мы бурим лунки в ледяной
 коре...
 Отменный клев!..
 От луночек –
 пар синий,
 ворчит Паисыч:
 – Эко, как озябли,
 да и уха в котле давно уже
 стынет.
 Ну что, родня,
 по маленькой дерябнем?!

*Тенис. Молодые пеликаны
 поднялись на крыло.*

ОХОТНИЧИЙ ДВОРЕЦ

Нарядный дворец:
 разноцветные стеклышки,
 в стенах мозаики радужный
 блеск...
 Охотничья база сверкает на
 солнышке,
 сзади подворья –
 роскошный лес.
 А перед окнами,
 от калитки,
 водный канал,
 где стоят катера...
 Огромное озеро, солнцем
 залитое,
 сияет лучами сегодня с утра.
 Егерь небритый,
 в куртке зеленой
 сети в охапке на катер несет,

на грядке с клубникою красной
 у дома
 лохматая псина покой
 стережет...
 Баня... Гараж...
 Для прислуги два дома.
 Не база –
 дворец для князей!?
 Эта мне местность лет
 тридцать знакома –
 здесь я ловил карасей
 Вон Усть-Логатка,
 родня в ней осталась,
 дальняя, правда,
 но все же родня.
 На этом вот месте деревня
 стояла, Тенисовка –
 вон, в стороне, тополя!
 Веселые улицы к озеру
 длились, и там,
 где кончался забор-городьба,
 лодки-долбленки протоками
 плыли, охотились...
 Рядом гремела пальба...
 Нету деревни, лишь кладбище
 вижу
 за тополями, в бурьяне
 большом...
 Тех, кто разграбил дворы –
 ненавижу!
 Я говорю о былом, о больном.
 Нету деревни... А база
 сверкает
 в радужных стеклах,
 надменно глумясь
 над бедностью страшной
 родимого края,
 где юность когда-то
 моя пронеслась.

18. СОХРАНИСЬ, ПРИРОДА

* * *

Возле рожицы березовой
 в недалекие года
 на ветру плескалось озеро...
 И сверкала синь-вода!
 Чайки радостные с криками
 здесь кружили а вышине...
 Был карась... И утки дикие
 в стайках плыли по волне...
 Нет воды в низине илистой,
 нет берез и камыша...
 Есть канал...
 – По чьей же милости
 не осталось ни шиша?
 Кто хозяйничал бульдозером
 и куда ушла вода?
 Неизвестно... Было озеро
 и исчезло навсегда.
 Лишь в сторонке невысокие
 ивы – чахлые кусты,
 небольшой кочкарник около –
 от бывшей той красоты!

* * *

Опахали!..
 Совсем опухали вокруг
 деревню,
 и негде ступить.
 Всюду грязь...
 Ну, какому нахалу
 надо луг деревенский чернить?
 Если испокон веку знакома
 зелень улиц и зелень оград.
 Если нам
 перед окнами дома
 с детства виден родительский
 сад!
 Эти вишни,
 крыжовник с отрадой
 я любил по утрам поливать...
 Пахота подступила к ограде,
 где буренку из стада встречать?
 Нет лужайки, и нету теленка,
 нет играющей стайки ребят...
 И иду я родимой сторонкой –
 и овраги печалют мой взгляд.
 В поле сорные травы повсюду,
 ноги колет нещадно осот...
 – Ну когда мы научимся,
 люди,

жить без глупых вот этих
забот?
Опахали.
Совсем опыхали вокруг деревни
—
слезятся глаза.
Зря, наверное, землю мы хаем,
что не хочет она хлеб рожать!

* * *

Плотину окончательно
размыло...
А помню:
речка берега топила
весной —
на луг раздольно
выходила,
плоты и бревна на волне
кружила...
А нынче —
по колено воробью!

* * *

Через лес проторили дорогу —
чуть заметна в траве колея.
Вечереет...
Уставшие ноги
словно лечит родная земля!
Возвращаюсь с корзиною
полной
крепких,
сочных сырых груздей!..
Да,
здесь в годы военные,
помню,
мы охотились на косачей.
Здесь на тырлах,
в таловом скрадочке
поджидали их на чучелах...
А теперь —
пустота, ни следочка
в поредевших от рубки лесах.
С каждым годом все хуже,

и больно
полумертвые видеть поля:
исчезает нетронутость,
вольность
тех лесов,
где счастливым был я.
Пусть уйдут навсегда без
печали —
этой участи я не боюсь,
но хочу, чтобы птицы кричали
и цвела на лугах моя Русь!
И хочу,
чтобы мальчик, похожий
на меня,
здесь по лесу шагал...
И внимательно и осторожно
этот мир красоты познавал!

ЗАПРЕТ НА СТЕРЛЯДЬ

В старину здесь, давным-
давно,
Ермаку подавали уху
стерляжью,
а теперь Иртышом проплывает
дерьмо,
и мазут спины голые мажет.
Говорят:
есть налим и чебак,
окунь мелкий идет на
мормышку.
Есть и стерлядь —
то местный
рыбак
знает с детства не понаслышке.
Бороздят катера речки гладь,
и инспектор недремлющим
оком
смотрит в темень,
мечтая поймать
браконьера за тем поворотом.
Не рыбак я, но знающий толк
в рыбной ловле,
слежу с
возмущеньем,
как сетей распускается шелк
с катера, широко по теченью.
То бригада у всех на виду
для обкома и облисполкома
тянет невод —
и в ней на беду
самый старый рыбак —
мой знакомый.

У него удрученный вид,
ведь в лицо говорят ему дома,
что холуй, потерявший он
стыд,
и преступник от
Облисполкома.

* * *

В логу медвежьем тихо-тихо...
Через завалы, бурелом
пролазит потная лосиха
с лосенком маленьким вдвоем.
Вдали двухлеток, с ним —
рогач,
красавец с длинными ногами.
Там снег от крови ал, горяч...
Растоптан грязно сапогами...
Вчера, под вечер, обложила
в ряжке их пьяная толпа,
в упор из карабинов била...
И до сих пор в ушах пальба...
Под пихтой кряжистой
косматой
устало лоси прилегли.
Их раньше охранял сохатый —
подкрасться волки не могли.
Лосиха дремлет, на лосенка
глазами влажными глядит.
А он, истратив все силенки,
прижавшись к ней, во сне
дрожит.

* * *

От леса до леса
по полю, по лугу
петляет машина,
надрывно рыча,
и мечутся зайцы прыжками
в испуге,
под фары к колесам
летят стгоряча.
Жнивье ослепляя,
деревья и травы,
свет фар между колками ночь
колесит...
Напрасно охотник грешит на
потраву — вот так,
браконьерски,
весь зверь перебит.
А стайка косуль
в полутьме на зеленке
сверкает глазами...

Все ближе мотор,
и вот из-за леса,
пугая козленка,
взлетает машина,
и фары – в упор!
И свет не щадящий,
пугающий, яркий
сжимает поляну –
вокруг темнота.
Ружейные выстрелы...
Стоны подранков...
Вот фары погасли, –
вокруг немота.
Во тьме непроглядной
встревоженной ночи
дыхание ярое черных людей...
Копытцами бьется козленок
и хочет
из кузова выпрыгнуть
в сумрак полей!

МЕСТЬ ЗЕМЛИ

В мир божий, человек, поверь!
Земную плоть красой измерь!..
У ног бурлит порог Падунский,
а там, за тридевять земель,
я словно вижу край
подлунный:
там – Ниагарский водопад!
В каскадах брызг – светлейший
град!..
Мир Божий всем!... Звенит
Катунь
и волны – синь по камням
катит!..
Но где-то взрывы: гильз латунь
искрит – там выстрелов
раскаты!
Там кровь и боль!..
Свистят снаряды!..
Не дремлет вечная вражда:
в подземных взрывах –
штат Невада!..
Боль Хиросимы – навсегда!..
Земля скорбит от ран
кровавых:
и в мирный день земную
твердь
терзает сталь, в полях –
потрава,
в лесах – пожары. Та же
смерть!

Рвы – оспой на лице
природы...
яд в реках... тиф...
Беда лиха!
О, страшный миг
– дымит Чернобыль!..
Взрыв поездов – в слезах
Уфа!..
О, люди! Загораясь мщеньем,
земля от боли восстает:
вулканами, землетрясением
нам лаву огненную шлет!
Вызванивая дрожь глубин,
Кавказ, от пепла задыхаясь,
лежит в руинах...
“Как могли мы не беречь
земного рая?!..

* * *

Когда мне горько,
не хватает
ни сил, ни волн –
вижу я
в родимом небе птичьей стаи,
в осеннем золоте поля!
Я вижу дом родной у речки
и маму тихую мою –
и сразу
мне теплей и легче,
и тверже на ноги встаю!..
Иду я на свиданье снова
туда,
где жизнь взяла разбег,
где я,
пацан большеголовый,
пью холодок светлейших рек!
Там ястреб кружит осторожно
над перепелками во ржи,
там расцветает подорожник
на перекрестке у межи!
Там по тропиночке окольной
вновь на охоту ухожу
в поля росистые, раздольные,
где сердцем до сих пор живу!

* * *

Я встрепенулся –
быть не может?!..
На самом деле слышу крик,
крик журавлей!..
Он растревожил
меня и в душу мне проник!..
Все меньше птиц
в просторном небе,

все глуше крики в высоте...
– Уже ль за думами о хлебе
забыли мы о красоте?!
Распаханы поля бескрайне,
и в пыльных бурях мглист
простор,
в тайге да, может, на окраинах
найдешь нетронутость озер.
Течет мазутом индустрия
в разливы рек и синь морей,
мощней
и внешне так красиво
живем среди сверхскоростей?!
Все надо!..
Как лишь соизмерить
те плюсы, минусы – когда,
чтобы последствия проверить,
нужны века, а не года!
Не рубим ли мы древо жизни,
и не природа ли, грозя,
в душе рождает некий
кризис...
Что можно нам, чего нельзя?!
д. Таскатлы

К ПРИРОДЕ

Когда бывает очень трудно,
когда, хоть плачь и невтерпеж –
в глазах темно от многолюдья
и мысли разные подспудно
одолевают – сам зовешь,
зовешь прошедшие года:
летят обратно поезда!
И быстрой лентою кино
меняются события, люди...
Иное было так давно,
и уж, наверное, не будет.
Но есть и будет навсегда
со мною верная природа –
и не обманет никогда
меня в любое время года!
Не безысходностью –
теплом
глядит осенний лес в озера,
а озимь даже зимним днем
горит в снегах лучом
зеленым!..
О, сотни раз сюда я мчусь
в дни выходные с сердцем
грустным,
и наслаждаюсь, и лечусь!..
И вновь в душе и свет,
и чувства!..

19. СПОРТИВНЫЙ ХАРАКТЕР

* * *

*Шестикратному чемпиону
мира по классической борьбе
Виктору Игуменову*

Олимпийский Мюнхен
грозовой:
бронетранспортеры, стража в
касках,
КПП, проверки, встряски...
Первый день –
и роковой.
Город солнечно лучится.
Тренировочный бросок –
хруст ребра. И боль в висок...
Надо же тому случиться!
Вечером парад, борьба,
но, ломая расписание,
экстремисты рвутся в зданье:
взрывы слышны и стрельба.
Взяты в плен израильтяне.
Как заложники они
в эти жертвенные дни
показали: мир обманут!
Беспристрастно снайпер целит
в точки крохотных голов –
и на спуск нажать готов.
Кто же горечь ту оценит?
И тогда, как те бойцы
из Бобруйска и Рославля,
что в рейхстаг в огне
ворвались,
встали вы, богатыри!
Казаков, Рязанцев, Рошин
и Шамиль Хиссамутдинов –
в схватках вы непобедимы,
ветер алый флаг полощет...
И еще один борец
с острой болью в межреберье
шел в захват, в победу веря,
веря в дружбу, наконец!
Капитан не мог отстать –
только в бой, а не в больницу...
Пусть в финал не смог
пробиться,
но ты смог героем стать!
Увлекая за собою,
вел дружину ты вперед.
И победой общей горд.
И прекрасен той судьбою!

СТЕНДОВАЯ СТРЕЛЬБА

*Чемпиону мира Бенешу
Николаю*

Взглядом цепким,
пристальным
я весь во власти выстрела!
Чуть наклонясь, пружинясь,
кричу команду: “Дать!”,
надеждой одержимый
мишень не прозевать.
А таймер лихорадит,
И прибавляет дрожь –
далекою отрадой
в секунды те живешь.
Нет, это не тарелочка
мелькнет от козырька,
а прыгнет где-то белочка
в просвете сосняка...
А может, в дымке перепел
из-под самых ног
с посвистом и трепетом
взлетит наискосок?
А может, с кочки рыжей
бекас пульнет в зенит?
...Но вмиг мишень я вижу,
приклад в плечо скользит.
В одной прицельной линии
тарелка, глаз, душа –
выстрел майским ливнем
над далью камыша!
Загадочно мерцает
блеск спаренных стволов,
и гарь пороховая
приятней всех духов!

МАРАФОНЕЦ

Канули в бессмертие века
с битвами жестокими,
громами...
с колесницами и со слонами...
с дротиком, пронзившим
облака.
...Из легенды юноша бежит,
чудится: под ним земля
дрожит.
Он бежит, спешит издалека –
кровь стекает в желтый зной
песка!
Силы на исходе, путь коварен,
а в плече стрела
и ноет рана...

*Сорок два километра
сто девяносто пять метров
надо ему пробежать!*

Что за чудо
этот человек?
По преданью, воин славный,
грек.
Из дружины, прямо с поля боя
послан он на родину гонцом,
зажимает рану он рукою –
и плывут круги перед лицом.
Видятся в кругах тех миражи,
где чумеют сфинксы от жары,
где жрецы в гробницах-
пирамидах
не простят БЕССМЕРТНОМУ
обиды!
Но, презрев их, юноша бежит
к нам,
и больше жизни дорожит
тем,
что прокричит в конце пробега
слово величайшее:
“Победа!!”

ОДА МАРАФОНУ

*В городе Омске
международный марафон
проводится с 1989 года*

Радости не тая,
площадь празднично
светится!
– Здравствуй, юность моя,
вот и снова мы встретились!

СТАРТ

...Многолюдный поток
хлынул в уличный створ.
Свет улыбок –
в них пламень задора.
И болельщиков
пестрый живой коридор –
стадионом стал целый
город!

НА ДИСТАНЦИИ

Ты устал, изнемог –
на лице тяжкий пот.
С Иртыша веет свежесть,
прохлада.
В спину выдох соперника...
Вновь поворот...

Из толпы крик:
«Терпи, парень. Надо!».

ФИНИШ

Спурт!.. На финиш рывок!
Что за воля, как смог
вмиг собраться, пружиною
сжаться?
И победа сладка –
это счастья плоток.
Репортер, дай хотя б
отдышаться.

КРУГ ПОЧЕТА

Он по кругу бежит,
и гудит стадион.
Он возносит молитвенно руки
к солнцу, к людям –
счастливейший он,
перенесший сомненья и
муки.
Он так долго бежал –
и в азарте шалел,
задыхаясь от ветра и пота,
обгонял, уставал,
но воспрянув, смелел...
И в награду теперь –
КРУГ ПОЧЕТА!

ГОРОДКИ

*Председателю колхоза
Рудских Игнатию Ивановичу*

Я играю в городки
на зеленом поле,
зуд в плечах, как от тоски
по забытой воле!
С косарями я косил,
лес валил в деляне
и с тобой,
Игнатий, жил
общими делами.
Так что
очень не гордись
удалью старинной,
не проигрывал
ни в жизнь?
– А мне ли быть с повинной?!
Бью с размаха:
звон плывет
колокольным гулом,
в вихре пыли “Пулемет”
словно ветром сдуло!
“Крепость” – в щепы!..

Охнул “Рак”!
“Серп” блеснул над битой!
как Иванушка-дурак,
я не лыком шитый.
Распечатаю “Письмо”,
доберусь до истины,
но, коварное, оно
хочет дольше выстоять!
А Игнатий тут как тут
подпирает, ахает –
да, характером он крут,
впрямь, закалка пахаря!
Взмок я,
труден очень “Кон”
и мешает “Пригород”.
Долго целюсь, бью!..
И звон
сотрясает изгородь!

ЖЕЛЕЗНЫЙ ГАВАЕЦ КОНО

“Полиомиелит” –
это слово жестоко звенит!..
Родился мальчик и заболел:
судорогой свело ручки,
одна нога короче другой.
Его бы в старое время в Спарте
сбросили в яму –
калека, урод,
но врачи привязали железо к
рукам,
груз тяжелый к ноге –
для вытяжки, тянули кости,
выпрямляли кости, –
неверующие смеялись:
“Бросьте...”
А мальчик с годами сам
стал целыми днями железки
ворочать – играть в них,
ласкать их.
Гантели и гири
простыми игрушками были...
Стал юношей он,
окрепили кости,
исчезли дефекты,
но осталась любовь,
любовь к железу!
К гантелям и гилям
юноша штангу себе приобрел.
И пали рекорды,
вначале города,
затем и страны,
ну а парень все креп.
...Первенство мира!

Звездами в выси
засияли слова “чемпион”,
“рекордсмен”.
А позднее конкурсы красоты
культуристов –
красивей фигуры
и рельефнее мышц не
нашлось!
Нет, не сказка, то был,
этот юноша жил!
Из калеки, уroda
через тяжкий труд,
чудотворный труд
вырос самый красивый
и сильный!

В ДОМБАЕ

М.И.

“Хочешь, эдельвейсы принесу
в спящую палатку утром
ранним?..
С лепестков не оброну росу –
только не смотри так строго,
странно...
Хочешь, я залезу к облакам
на снега вершинные Домбая,
поищу целительный бальзам,
хочешь, счастье вместе
попытаем?..”
Ты молчишь,
задерживая взор
над дымками дикого ущелья
и на иглах белоснежных гор,
устремленных в синеву
прицельно!
В кружевах резные терема,
теннисные корты и газоны.
Бьет фонтан нарзана...
Ты сама
уверяла в прелести озона!
Ты грустишь,
и это как укор
шумному вокруг тебя веселью.
Не уже ль пугает до сих пор
грохот камнепада в том
ущелье?
По тропинкам солнечных
полян,
в белом платье
празднично одета,
бродишь ты,
глядишь по сторонам –
словно ищешь давние
приметы.

Столько с той поры
уже воды
утекло!.. И разве помнят горы
перевал в тот горький час беды
на пути к синеющему морю.

* * *

Мир прекрасен твоею мечтой!
Счастья самого трудного
требуй,
каждый день,
каждый час иди в бой!
Силой духа себя исповедуй,
но в заветной дали голубой
отыщи свое слово – ПОБЕДА!
Это сладкое слово – ПОБЕДА!
Если выпала в спорте судьба:
в буре тяжкой,
под синью ли неба,
на чужбине ль –
себя не щадя,
стань Отчизны любимой
полпредом!
Как горька ни была бы
борьба –
полюби, полюби навсегда
это трудное слово – ПОБЕДА!
Это гордое слово – ПОБЕДА!
Нескончаем победный путь!
Бесконечно движенье к
пределам –
в этом жизни манящая суть!
На вершинах,
белеющих снегом,
боль сомнений
и радость изведав,
сохрани, сбереги навсегда
это юное слово – ПОБЕДА!
Лучезарное слово – ПОБЕДА!

20. БОЖЕСТВЕН- НЫЕ ДАЛИ

* * *

Отавой скошенного луга
печалится душа моя,
а птичьи стаи круг за кругом
уходят ввысь, тоской звеня.
Чернеют тучи, заслоняя
озерный розовый закат...
Последняя исчезла стая...
Лишь крики в вышине звучат.

В ИЗБУШКЕ

Проснулся – в оконце большая
луна.
Смотрю я вокруг оробело:
Как днём.
И, признаться, уже не до сна.
А свет на стене мёртво-белый.
Струятся в окошко потоком
лучи
и по полу стелют дорожку.
В причудливом блеске
избушка молчит –
смотрю я вокруг осторожно.
И холодом веет, и боязно
мне...
И слышу дыханье и скрип в
тишине...

ГЛАВНОЕ СЛОВО

Слово «правда» –
самое главное,
я вносил в заголовки страниц.
И стихи, вылетая и радуя,
были очень похожи на птиц.
Что им надо?
Синь неба да ветер.
Ввысь взлетая, играя крылом,
уносили меня в быль и
небыль...
Возвращался на землю с
трудом.
Но теперь – в дымах низкое
небо,
и «неправда» всем правит
вокруг.
И в глазах моих, тёмных от
гнева,

то – печаль, то – смиренье
разлук.
Зло и нечисть по улицам
бродят,
мутят прихотью души
людей...
И, сдвигая морщинисто
брови,
не пою о любви я своей.

МОЙ ПЛЕС

Со снегом ветер хлещет по
глазам.
Во льду озера... Стылый хруст
осоки...
Сгибается покорно рогоза,
и застегнуться поплотней
охота.
Прощай, мой плес, с напевом
камыша,
с ночевкой у костра и сладкой
негой.
Прощайте, крутояры Иртыша
под дымкой холодеющего
неба.

ПРОЩАЙ, РАЗДОЛЬЕ ГОЛУБОЕ ВОД

Морозный пар... Шуга,
шурша плывет,
колышется у берега припаем.
Медлительный последний
теплоход
идет в затон, гудком рассвет
встречая.
Белесый берег инеем блестит,
холодный ветер тальники
качает,
и одиноко на косе сидит
рыбак... Не слышно даже чаек.
Прощай, раздолье голубое вод!
Прощай, причал до будущего
года!..

ЦЕРКОВЬ ОТКРЫТА...

Я мимо церкви в шумящей
толпе
медленно двигаюсь...
Мало мы знали всегда о себе –
бога не видели!
Долгие годы мечтала душа
в сне настоящем,

чтобы достойно, ни в чём не
спеша,
внять говорящим.
Правда ...
Лишь правда открыла глаза
жаждущим людям,
правда способна одна показать
– кем же мы будем.
Церковь открыта.
Блестят купола
алостью вышнюю...
Долго нас к богу душа всё
звала –
нынче услышали.
Я мимо церкви прошёл и ушёл
с думой о хлебе.
Тот, кто себя на земле не
нашёл,
ищет на небе...

* * *

Когда уйду и буду я ничей,
сквозь полумрак и ветра
завыванье
из глины и песка пробьёт
ручей
к тебе, с моей любовью и
признаньем.
Родник! Беду и радость он
роднит,
и, словно жизни тайное
теченье,
из-под земли весною
зазвенит –
моей судьбы он станет
продолженьем...

МИЛАЯ РОДИНА

Капают капельки.
Капают
дождинки, и с ними – тоска.
Чью-то судьбу оплакивать
решили с утра облака.
Дождь беспробудный и нудный
в душу мою моросит...
Милая Родина, трудная
зимушка нам предстоит!

ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА

Ночной крадётся полумрак,
в глаза и сердце проникая.
И делаю с трудом я шаг,
на ровном месте спотыкаясь.
Вокруг не ночь – то хмурый
день
ползёт по матушке – России.
Не Судный день, а злая тень
надежду в сердце погасила.
Не спрятаться, не убежать –
всё поглощает тьма ночная...
О, Русь, как сыну не
пропасть?!
Зри, Богородица святая!

* * *

Какая прелесть! Бабым летом
цветет осиновый колок:
Красным-красно!.. Вишневым
светом
в кустах шиповник сумрак
сжег!
Осенний лес в убранстве
ярком
роняет золото листвы.
Подставь ладони – станет
жарко
от захмелевшей головы!..
Иду тропиночкой окольной
и листья липнут к сапогам.
Ах, сердце, глупое, довольно
лететь за птицей к облакам!

В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБУШКЕ

Зеленеет сосновая роща,
резок запах смолы на
стволах...

Ветер солнечный ветки
полощет,
и закаты плывут в облаках.
Ни звонков, ни гудков – над
избушкой
вьется струйкой узорчивый
дым.
Вместо радио – птицу я
слушаю,
в синей речке смотрюсь не
седым.
Как стемнеет – сажусь на
порожек:
чай брусничный из кружечки
пью...
Лет на двадцать себя я
моложе
здесь, в дремучем
таежном краю!

речка Туй

ГРУСТНО МНЕ

Потянуло холодом из леса,
льдистый снег уныло в окна
бьет.
Оттого, наверное, не весел
воробей, что под стрехой
живет.
Грустно мне от птичьего
молчанья,
видно, петь нам в зиму – не
судьба...
Дверь скрипит, скрежещут
петли ставней.
Сразу почернела вся изба.
Вот за изгибом скрылся
теплоход,
и крупный снег слетает с
небосвода.

БРОШЕННОЕ КЛАДБИЩЕ

В роще берёзовой холмики
всюду.
Сгнили кресты.
Кто же были те люди?..
Здесь я случайно...
На ранней заре
тополь мерцает в сплошном
серебре,
алый с вершины и светлый с
боков, –
высится призрачно до облаков.
Я у оградки, взгрустнувший,
сiju –

и за вершиною в небо
скольжу...
Души согбенных, далёких
людей
выплыли в выси среди
журавлей.

В ДУШЕ РОЖДАЮ ЛУЧИК

Источник радости – я сам!
И сам – источник света!
Иду по льдистым берегам
осеннего рассвета.
Пусть резок ветер, морок
пусть,
и дымкой даль затмило,
но в сердце – нежность,
радость,
грусть...
Мне всё в округе мило.
И этот голый березняк,
загон, изба у речки...
И шелест вербы – добрый знак
над маминым крылечком.
Да, чем ненастней в осень
день,
и непроглядней тучи –
превозмогая тлен и темь,
в душе рождаю лучик.
Он раздвигает серый дождь,
и освещает дали...
Мне с ним понятней веток
дрожь
и птичий крик прощальный.

СПУСТЯ ПОЛСТОЛЕТИЯ

Я к земле припаду – и услышу
всю несладость, немилость
пути...
И душа моя грустью задышит –
и не просто печаль отвести.
От морщин невесёлых,
усталых
встрепенусь в опадающей
мгле – и пройду к озерку, как
бывало,

по холодной, но милой земле.
Озерко тихо светит в тумане,
здесь в войну был
огромнейший ток...
Молотьбы гул звенел по
поляне...
Шёл тогда мне восьмой лишь
годок...

БОЖЬЯ КРАСА

В небе распахнутом – синь,
глубина!
Вечностью пахнет полынной.
Полюшко – поле, моя сторона:
клич журавлиный, былинный.
Тихая рощица светлых берёз
берегу дарит прохладу,
вновь ветерок запах мяты
принёс
с луга –
а луг, вот он, рядом...
Божья краса, ты во всём мне
видна,
в зелень упал – и хмелею.
Божья коровка, очнувшись от
сна,
крылья раскрыла, как фея!
И с рукава моего – фить!
– В полёт!..
Кузнечик над ухом стрекочет...
И жаворонок всё выше поёт,
его разглядеть – нет уж мочи.

21. ПУТИ – ДОРОГИ

В ПОЛНОЧЬ

Вмиг ослепит звезда шальная,
слетевшая с небес стрелой!
И снова – мрак...

То – жизнь чужая,
стгорев, прощается с тобой.
И ветер непонятной речью
среди веток тайно прошумит...
И станет ясно: жизнь – не
вечна,
и сердце – так заохолдит!

НА ПОЛУСТАНКЕ

В долгой скуке вокзала
дремлют, спорят, жуют...
На судьбу ты не жалуйся –
знал тепло и уют.
На потёртой скамейке
не впервые лежишь...
От заботы житейской
вновь подальше бежишь.
И блестят твои очи:
миг – и в них грянет гром!..
Скорый поезд грохочет
в темноте за окном.

Я СНОВА МАМУ ПОВСТРЕЧАЮ

«Жигуль» лесной дорогой
жмёт.
спешу в село, души не чая...
У старых низеньких ворот
я снова маму повстречаю.
Вот и деревня на виду,
виднеются проулок, речка...
Там детство давнее найду,
Услышу мамино словечко.
Там, у калитки нараспах,
скамейка – и её подружки...
Там вечер маками пропах,
и во дворе белеют стружки...

МИРОВОЙ КРИЗИС

Вьёт следы в лесу дорожка
и выходит на поля.
Шаг за шагом – понемножку,
в край родимый привела.
– Здравствуй, просека
сквозная!..
– Здравствуйте, в росе поля!..
Здесь горячая и злая
жизнь конючила меня.
Всё снесли: пожары, войны...
И теперь беду снесём.
... В поле чистом, в поле
вольном
утро плещется овсом.

НА ПОЛИГОНЕ

СЕМИПАЛАТИНСКА

Взревел над зелёною степью,
как гром, испытательный
взрыв...
От вспышки живое всё
слепнет...
Я – в бункер укрылся, я –
жив...
А утром ещё в синем небе
все птицы трезвонили в степь,
но смерч, словно облако гнева,
взметнулся, пророча всем
смерть!..
... И сердце сжимается
смутно...
Померкло весеннее утро.

В ПУЛКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

Поднимаемся мы на высоты
меж деревьев, что покрыты
шрамами...
В глыбе камня – щель, остаток
дзота...
Тополь без вершины... Всюду
– ямины... А экскурсовод
ведёт
рассказы
о планетах, о мирах
безвестных...
Рядом слышен скрип
протезный вяза,
заглушающий мне птичьи
песни.
– Нет! Совсем не трубы
телескопов –
жерла пушек смотрят в синеву!
И бурьян засыпанных окопов
шепчет мне полынную молву.
Вижу будто: Ленинград... и
холод...
в улицах – смертельные бои...
с Пулковских высот расстрелян
город...
«Девушка, об этом расскажи!»

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Заросший берега обрыв
навис над светлою рекою...
Стоял здесь – юный и красив,
ты давней раннею весною.
Последний лёд по речке плыл,
сверкая снежной белизною...
Твой край тебя благословил
в дорогу, ставшую судьбою...
И вот через десятки лет,
домой вернувшись, вновь с
обрыва
в осенний смотришься
рассвет...
Уже уставший и бескрылый.

МОЙ КРАЙ

Да, я горжусь своей деревней:
я родом из красивых мест,
где в тихих зорях речка
дремлет,
где луг цветёт, и хмель –
окрест...
Люблю по-детски, безотчётно
в росе высокие хлеба...
Люблю дроздов, синиц,
чечёток...
Былин и сказок короба!
Моя Солдатка с речкой Ошей –
заветная навек судьба,
и не моя вина, что брошенной
стоит, ссутулившись, изба!
Вернусь ли снова
я в деревню –
не знаю: возраст... мало сил?..
Но где б я ни был, свято верю:
мой край, меня ты не забыл.

В КОМАНДИРОВКЕ

Давно в своей деревне не был
и в поле не встречал зарю...
Вновь в сельском клубе:
люстры... мебель...
картины...
Но с тоской смотрю
на танцы – скачки, дикий
визг!..
Я плавность музыки
приемлю –
в душе моей жива деревня,
где под гармонику и свист
чечётку с дробью, трепака
или камаринскую пляшут...
Иль с выходом – родную,
нашу!..
– Да так, что звон до потолка!

ВЕРНУЛСЯ

Приблизилось время жестоких
итогов,
и каяться, клясться – совсем
ни к чему.
Уж вечер.
Сиж у пахучего стога.
Лист жёлтый, сорвавшись,
летит в полумглу.
Я шёл по России – столбы
верстовые,
как вехи, остались вдали...
Вернулся – и поле, и лес, как
впервые.
В них – запах родимой земли!
И в лоб мой прохлада и листья
стучатся,
свет звёздный глаза озарил...
Не верится в вечность!
Ведь скоро прощаться,
а я ещё словно не жил...

В «ЧЕРНОЛУЧЬЕ»

Ни стука. Полночь. Меркнет
снег...
Но поднялась луна –
её холодный резкий свет
струится из окна.
Лучи упали на кровать...
Свет по полу скользнул
и начал стены освещать,
в глаза мне заглянул.
И странно: сон хотя исчез,
я видел в полусне –
цветы на стёклах... дивный
лес...
И профиль твой – в окне.

ТУРБАЗА НА ДОМБАЕ

Транзистор допоздна поёт...
Цветной экран... и люстры...
... Я спать ложусь. Сон – не
идёт.
И на душе – так пусто.
Вновь вижу пред глазами даль
– Сибирь обетованную!..

Там по лесам цветёт миндаль,
малина там багряная.
Там – синь озёр...
На тропке в рям
мох ластится периной...
Вольготно там тетеревам
и стаям журавлиным.
Там где-то есть и мой шалаш...
И в нём – забытый патронташ.

ИЗ КЛЕТИ ЖЕЛЕЗНОЙ

Запах сладкий плывёт от
леска...
Золотится июльский полдень...
Листья замерли – ни ветерка...
Собираю клубнику в ладонь я.
Я вернулся в родные края,
окунулся в лесное приволье –
как дикарь – из небытия,
как из клети железной – на
волю!

В ЭКСПРЕССЕ

Я помню: в юности, на-
встречу
летели гулом города...
Прошли года... Осенний
вечер...
Вновь за окном летят
Назад –
мосты, деревни,
 полустанки...
– Назад!?
– Нет!.. Это – как понять?..
Я – возвращаюсь!..
После странствий,
вдали от дома,
ждет нас мать...
Пора нам камни собирать...

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Тяжело опершись на лопату,
молитвенно руки сложив,
старушка стоит, горбятся –
глазами состав проводив.
Мгновенье – и сразу пропала
за летящий назад откос...
– Что она у дороги копала,
что ей в жизни видать
привелось?..
Вспомнил мать:
с топором и лопатой...

в огороде до самой зари...
рано утром – у печки с
ухватом...
сковородки, чугушки, горшки...
Вспомнил детство несладкое,
бедное –
под гудок паровоза
победный...

ТАРА

В улыбку робость спрятав,
настилами скрипя,
по мостикам горбатым,
по улочкам опрятным
иду после дождя!..
Каков он музыкальный
старинный тротуар!
... На лицах встречных – алый,
зоровой пожар!
Вдоль сквера маки алые,
здесь девушки смешат
безусых, на побывку
приехавших солдат.
Поют частушки – баиньки
встревоженным сердцам!..
– Ах, тары-бары...
Бабоньки
судачат здесь и там.
Открыты настежь створки,
калитки – нараспах...
У Русиных вечёрки –
там пёстро от рубах!..
У Ивановых проводы –
сынка готовят в путь.
... И по прямому проводу
молю: «Приедь... Ну, будь...»

ВОЖАТАЯ

Тороплю я трамвай до вокзала,
он скрипит... он дымит – и
встаёт.
И вожатая громко сказала
в микрофон: «Всё, хана, не
идёт...»
Дверь открылась в кабине –
молодка
краснощёкая вышла, смеясь:
«Что, не чуешь – сгорели
колодки...
Ну-ка, топай пешочком,
князь!..»

ТЮКАЛИНСКИЙ КРАЙ

Край озер, лесов зелёных
с криком чаек, в блёсках линз!..
Вспомни первых новосёллов,
древний город Тюкалинск.
География России
в поселениях слышна,
лишь отчаянных и сильных
принимала сторона!
Здравствуйте – Оша, Орловка,
Островная, Кабырдак...
Славен силой и сноровкой
в них охотник и рыбак!
В память тех, кто шёл этапом,
улицам навеки цвесть!..
Курская в Старосолдатке
и Воронежская есть!
Вспомните: почтовый станец...
Тройка...
Голос: «Та – не та?..»
И с тех пор пошло название:
«Тюкала» да «Тюкала»...
Есть форпост Кумыры,
первый...
Старой церкви купола...
Труд упорный, беспримерный
славит прошлые дела!
Вдоль увала длинной гривы
пахотный прочерчен клин...
– Будь весёлым и красивым,
славный город Тюкалинск!

22. ТРЕВОЖНОЕ НЕБО

ЛУЧ НАДЕЖДЫ

И чем ненастней в осень день
и непроглядней тучи,
в душе преодолеваю темь,
я сам рождаю лучик!
Он раздвигает серый дождь,
в лесу находит звуки,
мне с ним понятней веток
дрожь,
и ближе – боль разлуки.

ПОГОСТ

В роще кладбище и церковь,
на надгробьях – имена...
Даже солнце в листьях
меркнет,
и немеет тишина.
Низко голову склоняю.
Лица близких вспоминаю...

ОГРОМНЫЙ МИР

Если грустным станет вечер,
если дома – канитель,
я иду к туманной речке,
где так плачет коростель.
Посижу я над обрывом
у холодного ключа...
Будут звёзды плыть над ивой,
месяц вспыхнет, как свеча!
И в воде холодной, тёмной
отразится мир огромный.

КОСТРОВИЩЕ

Чёрный пепел вдаль разносит
дым огромного костра.
Костровище на покосе
превратилось в боль утрат.
Долго здесь расти не будет
ни трава и ни репей!
Пожалейте луг мой, люди:
ивы – нет, исчез ручей...

НАДГРОБНЫЙ КАМЕНЬ

Печалью роковой белеет
в степи поляна ковыля.
Огромный камень – мавзолеем!
Тревожно щели в нём глядят.
Исхлёстанный дождём и
снегом,
от горя, времени – седой,
под вольным неоглядным
небом
грустит один в степи большой.

ГРЕХИ И ОБИДЫ

Темно в душе – ах, как болит
обида, брошенная камнем...
Смотрю я ввысь: метеорит,
сгорев, в ночном просторе
канул.
Привольно жил, легко дышал,
спешил в цветущий дол,
а вот сегодня сотни жал
вонзились...
Мукой изошёл!
Не уберечься, не сбежать
от божьей кары нам.
Что в оправдание сказать –
мы непослушны небесам!
Врагами меж собой живём,
святое топчем безрассудно...
Грехи вернуться к нам копьём
и покарают – зло, подспудно!

Свой крест я бережно несу:
горька обида – боль легка...
Прости безбожных, Иисус –
коснулась лба твоя рука!

В ОЖИДАНИИ ГРОЗЫ

На лесной глухой поляне,
где токут глухари,
на меня саранки, глянув,
спрятались среди травы.
Прячутся и медуницы,
светом синих зорь маня...
А вдали мелькают спицы
молний страшного огня.
Слышу дальний гром – и вижу
отчего цветы грустят:
тучки чёрные всё ниже –
и, возможно, будет град.

ВЕЧЕРНИЙ СНЕГ

Пусто в роще, одиноко.
Лишь кричит вдали сорока.
Шапкой снежной горд
кустарник,
иней травы серебрит,
на сосне корявой, старой
сверху облачко висит.
К вечеру мороз серчает,
тихо плавится закат.
А стволы скрипят, не зная,
что тревожат сны зайчат.

КУРГАН

Нет, не злостный ураган
эти вздыбил кручи –
захоронен здесь в курган
человек могучий!
Был он воин-богатырь
иль охотник смелый...
Степь цветёт...
Такая ширь!..
И ковыль – сон белый.

У КРЕСТА

Разрыв-трава, полынь-трава...
Как жизнь жестока, неправа!
Могильный холмик свежей
глиной
зовёт, кричит мне: «Ты
повиновен!».
...Дождь мелкий перешёл в
туман.
И шепчут губы: «Мама...
Мам!».

БОЖЕ

Боже всевышний, на землю
сойди –
дай нам молитвы,
крест свой спасающий не
отведи
от душ, что печалью сокрыты.
Встань над безверьем,
разверзни простор
и озари наши лица,
а всем виновным сверши
приговор
своей беспощадной десницей!
Боже, но слабых утешь,
пожалей...
Пусть жаждущим чудо
приснится..
Явись над просторами вольных
полей.
Да имя твоё осенится!

АВГУСТОВСКИЙ ВЕЧЕР

День угасает...
Тени враз легли
на пыльную дорогу меж
деревьев...
А облака, прозрачны и легки,
плывут в высоком небе над
деревней.
Иду домой с корзиною грибов –
белеют шляпки и чернеют
срезы.
Как чуден запах!.. Давняя
любовь,
я в городе о нём зимою грезил.
В тумане – луг... Печалится
трава...
И птицы умолкают в
перелеске...
Всё резче запах – кругом
голова!
... Закат сгорает тихо в
поднебесье.

ДЛИТСЯ МИГ

Я содрогаюсь на ветру
под огненной листвою!
К лесному тихому костру
склоняюсь головою.
Настой увянувшей травы
дыханье будоражит...
– Пред вечностью мы все
равны,
лишь только в землю ляжем!
Пред вечностью?..

Но длится миг
борьбы моей день каждый,
пусть многого я не постиг –
своё мы слово скажем!
Что вечность!?.
Осень отойдёт
и белая равнина,
укутав даль, опять замрёт
и будут рощи стынуть.
В ночах морозы затрещат,
обламывая сучья,
страша напуганных зайчат...
Бессонницей всех мучая!?

ЕСТЬ СЕКРЕТ

Если жизнь не в радость станет
и померкнет белый свет,
самогон пить из стакана
я не буду... Есть секрет!
– Я уйду в поля, в тумане
упаду в цветы, в траву –
надышусь – вновь сильным
стану!..
Беды все переживу.

СТАРЕЮ

Старею... Множество болячек,
и сердце ноет по ночам...
Но я больничный лист не
клянчу
и даже – не хожу к врачам!
Режим вольготный не меняю
и рву бессмертник на меже.
Не будет птиц, цветов – я знаю,
на том, последнем рубеже.
А потому – природой нежусь,
и пью берёзовый я сок...
Останусь до конца я прежним,
и старость зря стучит в висок!

НОЧЬ У ИРТЫША

Угасающий день
бросил в улицы тень,
тихнет шум –
и отчетливей шорох.
Нефтефакелов всплеск
бьется в сини небес –
и огнями
край дальний распорот.
В светлых бликах Иртыш:
острова в ивах,
тишь...

Вот всплывает к поверхности
рыба:
в жабры впился мазут,
смертный яд,
страшный зуд...
Плавники замирают дыбом.
Вижу я, как река
продолжает
вдаль течь, –
нефтяные разводы – уроды
на волне с быстринной...
И разносится смерч,
отравляя природу на годы...
Мчит Иртыш сквозь тайгу,
где в лесах стерегут
зверя, птицу все новые беды:
из-под фар по ночам –
/это видел я сам/
там стреляют зайчишек
последних.
С вертолета в снегу
рыжих лис на бегу
хладнокровно дырявят
картечью,
с вездеходов лосей –
мирных, как лошадей –
пулями, жаканами калечат.
Поопасней медведь? –
В щелку танка смотреть,
гусеницами въехать в
берлогу!..
Ужасающий век:
жалок ты, человек,
не боишься проклятий и Бога.
Столько зла натворил
и себя отравил:
пестициды, сульфаты,
нитраты...
Синь озер осушил,
лес огнем опалил...
Обмелел Иртыша фарватер...
Но Иртыш все течет,
потеряв бедам счет,
до Оби, с ней – до синего моря!
...Вот и тундра! Встречай,
необъятнейший край!..
Чу!?! Сегодня и здесь –
боль и горе.
Ягель трактором взрыт,
нефть ручьями журчит,
грязной глиной очерчена
вышка,

А кругом – мерзлота
и траншей немота...
И гусей перелетных не
слышно...
На оленьей тропе
нефтепровод везде –
путь отрезан до пастбищ...
И бескрайний Ямал
оказался так мал
для оленьих
бесчисленных кладбищ!..
Ах, прости нас, Иртыш,
и Сибирь вся услышь,
как жестоки к природе мы –
люди!..
Город мой, огневой,
задымленный, больной –
отчего тяжело
дышишь грудью?!

КОНЕЦ СВЕТА

Христос воскрес?!
– Давно воскрес,
да не спускается на землю,
глядит тревожно он с небес
на мир внизу,
что странно дремлет.
Где были реки – там камыш...
В полях – бурьян, в деревне –
пусто...
А вместо леса – пни да тишь...
Не видно птиц, зверей...
Так грустно.
А города –
в сплошном дыму,
вкруг – котлованы да
траншеи...
И не понять умом ему:
«Как мир надел ярмо на шею?»
Он шепчет: “Бедная земля,
твои ожоги и нарывы
чем залечу сегодня я?..
Как убережешь тебя от взрыва?..
Очнись, безбожный человек. –
от боли корчится природа!
Ты омрачил двадцатый век
и дикарю опять подобен.
Страшись!
Смертельный близок риск:
от ран и мук сойдя с орбиты,
земля звездой сорвется вниз –
обугленной,
дымком обвитой.

ПУСТЬ УЙДУ

В небе месяц блестит
однорогий,
выплывая на Млечный
Путь...
Пусть моя оборвется дорога,
пусть оплачет болотная
грусть!
Я – пожил!
Исходил мест немало,
целовал и уста, и цветы.
Годы копят седины,
усталость –
только в сердце рассветы
чисты!
И гляжу на поля я с отрадой
на осенний закат золотой...
Посижу, погрущу.
Мне лишь надо
не забыть – попрощаться с
рекой!!

23. КРЕСТЬЯНСКИЕ ЗАБОТЫ

ДЕНЬ ГОД КОРМИТ

Цыплят по осени считают.
Хороший вырос урожай –
ты собери его, и к чаю
сготовь душистый каравай.
Иду в полях... По грудь
пшеница,
давно созрели колоски.
Пора страде поторопиться,
деньки под осень коротки.
Дождь брызнет – полнедели
слякоть,
валки намокнут... Там снега...
И хлеб под снег уйдет...
Да, плата
за разгильдяйство дорога.

ДИВНЫЙ СВЕТ

Сошли на нет последние
цветы,
Лишь озимь полыхает
буйством лета.
И свет зеленый нежной
красоты
в осеннем поле издали
приметен!
И я шепчу ему: «Мой дивный
свет!
Уйдешь под снег ты
молчаливо скоро,
но не погибнешь от мороза,
нет...
И сохранишь мне душу от
разора!»

ПОЛЕВОЙ СТАН

Будка... Рядом под навесом
стол огромный, две скамьи...
На лугу, за ближним лесом,
крики, ржанье до зари.
Люди сено убирают,
до деревни – далеко...
Здесь едят и отдыхают.
Стан – устал... Сказать легко.

БРОШЕННОЕ ПОЛЕ

Некошеной пшеницы островок
грустит в сыром и неуютном
поле.
И перепелки тонкий голосок
в нем раздается затаенной
болью.
Снег первый выпал, сутки
полежал,
растаял, мертвой белизной
пугая.

От желтых колосков исходит
пар...
Ворон крикливых опустилась
стая.
Коров бродячих стадо
подошло.
Идут пшеницей... Мнут и бьют
копытами.
Кипит во мне отчаянье и зло:
О нива, потом ты зазря полита.

АВГУСТ ТКЁТ ЗОЛОТИСТУЮ ПРЯЖУ

Август ткёт золотистую пряжу,
погружаясь дремотно в
теплень...
Я берёзку корявую глажу
в налетевшей тоске паутин.
По-над речкой туманы
колдуют,
расцветает в полнеба луна...
И скучая, медлительно жду я:
прозвенит ли во мне тишина?!
О желаньях заветных не споря,
растворяюсь, почти невесом...
... Не смолкают комбайнов
моторы
на полях, прозвеневших
зерном.
В свете фар, к элеваторам
дальним
движется вереница машин...
И сижу я у стога, печален,
с тайной ночи – один на один.

ЗАКОН ПРИРОДЫ

Верь старой проповеди – верь:
не страшен человеку зверь.
Я в этом убеждался часто,
когда один в тайге глухой
шагал в непроходимой чаще.
Я спал на травах, под сосной.
И ночью слышал рыки зверя –
и шелест рядом, за кустом...
Но знал от стариков поверье:
Не трогал зверь нас испокон!..
Закон природы!..
Почему же
я ночью в городе страшусь
пройти по улице со службы?..
... Иду, нет–нет да оглянусь.

ГОСПОДИ, КОГДА МЕНЯ УЙМЁШЬ

«Господи, когда меня
уймёшь?..»
В полночи глухой, дождливой,
стылой
я тащусь по полю через рожь,
вымокший в росе, почти
бессильный.
В лес вхожу –
берёзовая ветвь
бьёт наотмашь, обжигая
щёки...
Осень... Сырость...
Дома бы сидеть!?.
От тоски бегу я, одинокий,
и оплачет осенняя грусть...
Я – пожил!..
Исходил мест немало,
целовал и уста...и цветы...
Годы копят седины,
усталость –
только в сердце рассветы
чисты.
И гляжу на жнивье я с отрадой,
на осенний закат золотой...
Вот и берег крутой...
Мне лишь надо
поделиться тревогой с рекой.

ДОЖДЬ ТРЕТЬИ СУТКИ ЛЬЁТ

В полях полёт созревший хлеб,
в ухабах грязная дорога...
Весь транспорт встал...
Лишь скрип телег
там, за кустарником, у лога.
Дождь третьи сутки льёт и
льёт,
грядой плывут по небу тучи.
Деревня просит, молит, ждёт –
хотя бы ветер, малый лучик.
Чернеет в копнах Кошара,
а бурая вода ручьями
журчит... По радио вчера
снег повсеместно обещали...
...С ружьём с охоты я бреду
и чую близкую беду.

НА ВОСХОДЕ

Звенит коса у тальника:
жиг... жиг...
Отавы – блеск...

Пчела на маковке цветка
колдует... Дремлет лес...
Молчат в тени перепела,
молчит берёз листва...
И лишь коса в мой стих вплела
с мелодией слова!

В ЧАС ПОСЛЕДНИЙ

Я хочу, земля родная,
в час прощальный, на краю –
где всех ждёт судьба слепая,
быть душою не в раю.
Что мне звёзды, поднебесье!?
– Грех от Бога не тая,
в час последний, неизбежный,
я уйду в свои поля.
Там, в вечернем птичьем хоре,
не мешая никому,
растворюсь вновь в алой
зорьке,
побеждая боль и тьму!

ДЕД-КЕРЖАК

Над рекою посветлели выси,
отражаясь бликами в воде...
Дед серянкой огонечек высек,
и махрой пахнуло в бороде.
Не спеша столкнул баркас. И
тонко
скрип уключин в воздухе
поплыл...
Два мешка сетей, рюкзак,
двустволку
поверху от брызг плащом
накрыл.
Сидя на скамье, любуюсь
зорькой,
в телогрейке, сжавшийся в
комок,
в темноту уставя взгляд свой
зоркий,
к островам погреб наискосок.

УЧИСЬ!

Дождинки били по стеклу...
Одна с другой сливаясь,
натягивали тетиву –
и вниз, стремглав, срывались!
И исчезали за окном
серебряные стрелы...
Но вот затих уставший гром
и капли отзвенели.

А эта капелька – одна –
последняя, слабея,
скользит... След тонок – не
видна...
«Учись!» – шепчу себе я. –
«Учись, ты также одинок
и к цели путь твой труден,
но окупись в людской поток –
втройне сильнее будешь!»

ЧУЖАЯ ПЕЧАЛЬ

Там, у калитки в вечер синий
скрывается, как тень, во двор...
– Я знал её лицо и имя...
– И помню встречи до сих
пор...
За ней ухаживал мой друг,
стих посвятил, дарил букеты...
На Сахалин уехал вдруг,
и ни привета, ни ответа...
Болезнь жестоко с ней
разделалась...
Тоска... Старушка –
в тридцать пять.
Ведь всё ждала, и всё
надеялась:
придёт расцеловать!
И плечи выпрямит покорные
и увезёт её с собой...
... Но за окошком –
ночи чёрные
с невыразимую тоской.

ДОЛГИЙ ДОЖДЬ

Час какой – не знаю,
сыплет дождь подряд...
День тоскливо замер,
словно виноват.
Полдень или утро,
вечер ли идёт?..
Сонно, беспробудно
сверху льёт и льёт!
За окном заплаканным
серый город сник,
крышами – заплатами
у земли приник.
Улица безлюдная
речкою плывёт,
и трамвай причудлив –
словно теплоход.
Жизнь повсюду смолкла,
тонет звук любой –

над землёй размокшей
плещется прибор!..
Я стою, прижавшись
к влажному стеклу –
как порою важно
побыть так одному.

ДЕМОКРАТИЯ

Да... Дураки и делают
погоду...
Их – большинство. А умных –
раз... и два...
Ты демократам явно не угоден,
что требуешь себе особых
прав...
Черту, дозволенную лишь
немногим,
переступил под вопли
дураков –
и сразу в угол жмут,
клеймят йогом!..
И ты – на голове стоять готов!

СЛОМАЛИ ДОМ

Остались лишь ворота,
а на воротах чудо-петушок,
с таинственной блестящей
позолотой,
возносит в небо красный
гребешок.
Расправив крылья, хвост
слегка откинув,
в простор небесный, кажется,
взлетит!
И оттого, что всеми он
покинут,
вот-вот в пустой ограде
закричит...

д. Ипатово

ИЗБА НАША

И вот за увалом деревня
открылась... Я всё узнаю...
Домишки на солнышке
дремлют,
разлив – до колен воробью.
Ах, речка любимая, Оша –
совсем превратилась в ручей!?
Ловлю я гусёнка в ладоши:
«А ну, желторотый, ты чей?..»
Спешу по-над речкой ...
В сторонке
свалилась в полынь городьба...
156

Кровь ёкает под селезёнкой,
а пульс у виска, как пальба!..
Родник бьёт струёй из-под
кручи –
жи-ви-тель-ная вода!..
... Избы нашей окна – все в
лучиках...
Точь-в-точь, как в былые года.

ЦЕЛИНА

Там, в урмане, за болотом,
есть широкий луг с травой...
распахать собрался кто-то
его нынешней весной.
«Целиной» зовут в народе
луг – но нет к нему дорог.
По болоту люди ходят
в ягодный тот уголок.

ЧУГУНЛИНСКИЙ РЯМ

Озябшее солнышко лижет
лучами верхушки стволов...
Оранжевый, розово-рыжий,
над озером – шлейф
облаков.
В просветах, над топью
болотной,
сквозит бесконечная высь.
Во взгляде моем беззаботном
иные пространства слились.
Пугает в них тайная вечность:
миров неземных
бесконечность.

24. СЕЛЬЧАНЕ

РАЗГОВОР С КОМБАЙНЕРОМ

«О чем еще задумался,
ответь!...
Хлеб скошен весь, и убрана
картошка,
а в погребах на полках всюду
снедь...
Еще не снег, передохни
немножко...».
Но молвит он: «Стар дом, и
сгнил сарай,
там слегу заменить, углы
подправить,
у бани двери – палкой
подпирал,
отпали петли... Там сенник в
потраве...».

А я молчу в ответ, моя печаль:
прошай, охота... Зорь медовых
жаль!..

д. Конкуль

ОЧЕРЕДНОЙ ПРИЕЗД

Тропа словно в прятки играет:
то в рощу ведёт, то – в овраг...
А рядом – река протекает,
где берегом ходит рыбак...
Знакомые всплески рыбёшек...
Вмиг кряква взмахнула
крылом...
Утята снуют – ловят мошек...
Вот мостик – две плашки с
колом.
До боли родная картина,
пять лет не бывал – как вчера!!
Всё те же плетни и плотина...
лай...хрюканье... стук
топора...
Трезвеющий запах полыни,
на грядках – сырой чернозём...
Всё дорого, близко поныне...
– Мы детство в душе бережём!

* * *

Капли бьются о листья
крапивы,
в дымке серой плывет
городьба...
И ручьи зажурчали игриво –
только вмиг постарела изба.
Стали черными стены и
крыша,
заслезилось на окнах стекло...
Из дверей голос мамы я
слышу:
“Сенокос, что ж ты, Боже,
назло?..

ВДОЛЬ ШОССЕ НА БОЛЬШИЕ УКИ

Вот что значит целина –
осушила рям до дна.
Нет багульника, нет ягод –
так кому-то было надо...
Гать болото раздвоила,
вдоль канала – кочкара...
Помню: утки здесь носились
стаями по вечерам.
Этим местом любовался,
приходил сюда не раз –
из травы крякаш срывался,
я стрелял... Был зорким глаз...
Сколько всякой дичи было?!.

КОМСОМОЛЬСКИЙ ВОЖАК

Трубы вьют дымки в простор,
в улицах – бело!
Речка с лугом, косогор –
а на нём – село.
Шутит милая дивчина:
«Что вам показать?..»
В полушубочке овчинном –
шапка, валенки – под стать.
И лукавит и смеётся
комсомолии вожак:
«Говорите, как живётся?..
– Хорошо, судите так:
Клуб вот новый, МТС,
кормоцеха стройка...
А за речкой, дальше в лес –
новая там дойка...»
И в словах – сердечный жар!..
Речь лишь о подруге.
На щеках – густой загар
от ветров и вьюги.
Но с потрескавшихся чуть
губ, улыбка сходит:
«Что, учёба?.. Как-нибудь...»
– И глаза отводит.

ОТ ЗАРИ ДО ЗОРЮШКИ...

У тракториста Сидора
в дому два телевизора –
их некогда смотреть.
В пригоне две коровы,
свинья в хозблоке новом
и с птицей разной клеть...
Есть сапоги с подковами,
костюмы не надеваны,

и даже галстук есть...
Но от зари до зорюшки
на тракторе он в полюшке.
И некогда присесть.

СЕЛЬСКИЙ БАЗАР

Я случайно на базаре –
районный городок, –
суетня, как на пожаре!
“Эй, посторонись, дружок!”
В мотоциклах
и машинах,
на телегах и пешком –
все спешат неудержимо
к воротам.
И я бочком.
“Беларусь” пыхтит с прицепом,
с лентой свадьба в “жигулях”.
“Эй, Покровка,
вас с приветом!..”
“Ба!..” – и руки нараспах.
“Эх, деревня ты, Кумыра,
где частушек перепляс?..”
“Погоди шуметь-то, милый,
угости сначала нас...”
И скрипят слегка подпруги,
кони рвутся на вожже...
Парень – в шапке, тетка – в
шубе,
дед –
тот в валенках уже!!
Деревянных лавок мало,
вижу –
прямо на земле
на подстилках горки сала,
в жире вафельном гусей!
Клюква алым соком брызжет,
пробую:
кислит, бодрит...
Фляги меда, масло “рыжик”,
серебрятся караси!
Тушки цельные баранов:
“Подешевле?..” –
“Забирай!..”
Лица свежестью румяны,
плещут шутки через край.
...И плывет дымок холодный,
на заборах иней бел.
Прибавляется народу –
больше шума, меньше дел.

НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

«Скажите, бабушка Аксинья,
Вам, верно,
девяносто пять?..»
Смотрю в глаза с весенней
синью,
ответ хочу в них прочитать.
Лицо иссохшее в морщинах
покрыл загар нелегких лет,
но этот отсвет
юно-синий
из глаз струится, как рассвет!..
Она смеется:
«Да, сыночек,
мне скоро девяносто шесть,
в деревне этой,
между прочим,
вся жизнь прошла моя,
как есть.
И та скамейка возле входа,
огнетушители, ходок –
на наше схоже,
наше вроде
– дай погляжу еще разок?»
И смотрит на газету “Правда”
со снимком птичника в углу,
косит и на меня украдкой –
что я еще сказать смогу.
«Вот, бабушка,
и надпись ниже:
совхоз Иртышский,
Ваше имя...»
«Нет, плохо я, сыночек, вижу,
с чего ты взял,
откуда вынял?..»
И гладит пальцами старательно
концы линялого платка
ее сухая, узловатая,
неторопливая рука.

ДОМ КУЛАКА

То березовые рощи,
то осиновые
обступают путь-дорогу с двух
сторон,
деревушки –
то Солдатка, то Совиновое...
А над ними стаи черные ворон.
На отшибе грива чудная –
Копытиха –
разметала золотистые хлеба,
дом стоит один – калек
недобитый,
а над ним преданий тайных
короба!
В тех тридцатых,
распроклятых,
по Сибири
раскулачивали всех
среднячков:
дед мой, Павел, не носил
одежды в дырах,
был зажиточнее многих
мужиков.
Меньше спал, вставал до
зорьки с петухами,
сильным был, хозяйство умно
вел:
раньше сеял, раньше жал, –
но с потрохами
раскулачили его –
в тайгу ушел...
Дом его перевезли вот на
бригаду,
и порою, на охоте, я здесь спал,
на полатах и на стенах я
разглядывал
знак родства –
наследство мне он завещал!
Бревна в стенах толщины-то
необхватной –
прилегают друг на друга без
щелей...
Говорили: дед мой был
с хорошей хваткой,
мастерить любил,
любил детей, коней.
Памятники, как обычно,
мертвые,
этот дом особый –
он живой!
Снова я на Родине,
и черточки
оживают старины былой.

КУЗЬМА СТЕПАНЫЧ – ВОДОВОЗ

Два в бричку впряженных
коня,
перебирая удилами,
храпят, глухую тьму дразня, –
и вот уж где-то за домами
стихает дробный стук копыт,
и вновь деревня тяжело спит...
Танкист,
он глор на поле битвы
от взрывов,
лязга гусениц –
четыре “тигра” им подбито
еще под Брестом,
у границ.
Потом в степях у Сталинграда,
в Крыму,
на Эльбе дрался он,
на минах рвался...
И снарядом
в бою последнем подожден.
И на таран
горящий танк свой
вел в наползающем дыму...
Теперь по службе
интендантской –
протез ноги виной всему.
Наохлившись,
как старый беркут,
к далеким правит огонькам,
на черных бочках звезды мер –
кнут...
Все ближе гул издалека.
Комбайны, светом тьму
кромсая,
идут повзводно полем ржи,
из бункеров зерно ссыпают
на землю прямо у межи!..
Туман слоится над поляной
и островком чернеет лес,
и там,
у полевого стана,
он ставит бричку под навес.

КОМБАЙНЁР ПРИШЕЛ В КИНО

На экране ласковое море
лижет загорелые тела...
А в ушах – стучат ещё моторы
тихо, будто бы перепела.
А в глазах пшеница морем
катит
и в руках – дрожание руля,
и комбайн натруженный
укачивает
в сумерках остывшая земля.
... Кадр за кадром – на экране
море,
пляжи – и лежат в лучах тела,
а его усталость клонит, борет –
дома ждут хозяйские дела.
Не был отродясь на жарком
юге
и без дела часа не лежал,
на ветрах степных, в колючих
вьюгах
лишь лицом багрово загорал.
Раза три за лето искупался,
было даже – баню пропускал,
для вдовы – соседки
постарался:
дров привёз и сено ей сметал.
Осень Прииртышская –
короткая,
прозеваешь – и хлеба в снегу,
надо запастись ещё картошкой,
дом подправить, заменить
слегу.
Надо многое – усталость
клонит,
и глаза слипаются без сил...
Чудится ему: свои ладони
в волны ласковые опустил!..

25. ИРТЫШСКИЕ ПРОСТОРЫ

НАД ИРТЫШОМ

Берёзы островком стоят в
воде.

Парит...

И зеленеют смутно ветки.
Скользят казарки клином в
высоте,
я слышу клич их в тишине
рассветной.

Горит костёр, дым вьётся в
 синеву. Гудит буксир за
 поворотом дальним.
 И чибис, кувыркаясь, наяву
 исчез над луговиною
 зеркальной.
 А солнца шар над кручей
 Иртыша
 вползает в небо, ослепляя
 дали...
 О чём, о чём печалится
 душа?
 И почему в кустах снега не
 тают?

* * *

У оврага сестрички – две ивы
 желтым пухом слегка зацвели.
 Ветер треплет им косы
 ириво,
 слышу клик лебединый
 вдали.
 Пахнет гнилью, увядшей
 травую.
 Пар прозрачный плывет из
 куста.
 Неуютно, прохладно – не
 скрою,
 но такая вверху – СИНЕТА!!

ЗАТОР

Льдины мчат во весь опор
 по реке могучей...
 У моста опять затор –
 льдины сбились в кучу!
 Треск и скрежет...
 Ледокол
 жмёт, гудит призывно.
 С хода глыбы расколлот!..
 Волны плещут зыбко.

ДИВНЫЕ СЛОВА

Погружённый опять в
 созиданье,
 дивные созываю слова.
 А они не идут – со
 состраданием
 смотрит нежно с небес
 синева.
 Вышел к берегу.
 Чайки взлетают.
 Вдаль сверкает разлив
 Иртыша,
 острова из воды прорастают –
 и невольно очнулась душа!
 И люблюсь, как пойма
 лучится,
 вижу лодку и взмахи весла.
 И в висок радость пульсом
 стучится.
 И звенит новой рифмой
 весна...
 Зеленеют, шумят острова –
 в них волшебные слышу
 слова.

СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ

Камыш в метёлках
 пожелтелых...
 А дальше плёс, шугой шурша,
 качает плот обледенелый...
 Ознобом веет с Иртыша...
 Скользят по ветру птичьи стаи,
 и день и ночь спешат на юг...
 И пуст причал...
 Не мне ль оставлен
 спасательный, на крючьях,
 круг?!

ИРТЫШ В НОЯБРЕ

Испепеляющий закат...
 Сажу на камне у реки –
 под плеск волны,
 грачиный гвалт
 мне думы осени горьки.
 Припомнил юность: ледостав,
 смех девичий, весло.
 Звучали дивные слова –
 куда их время унесло?..
 ... Свинцово светится залив
 за кромкой камыша...
 О чём спросить у голых ив
 пытаешься, душа?..

ПОЗДНЯЯ ОХОТА

Вновь горечи мои, обиды,
 как искры, гаснут на ветру...
 Знакомый лес – моя обитель,
 я голову клоню к костру.
 Полночный вздох.
 В нём запах тонкий
 травы осенней, камыша.
 Крик одинокой перепёлки.
 Туман холодный с Иртыша.
 Мне утешенье и отрада:
 палатка, лодка и ружьё...
 Охота!? –
 Большого не надо,
 ты – исцеление моё.

МЫС

Плыли мы по Иртышу
 по теченью, вниз...
 У местечка Артышу –
 остров, рядом – мыс.
 Белый выступ, пляж
 песчаный –
 одинокий и печальный.

В БУРЮ

Когда волна в лицо швыряет
 каскады брызг, а вихрь грозы
 пугает одичавших чаек,
 ты страх подальше отложи.
 И пусть трясёт, как в
 лихорадке,
 тебя отчаянная дрожь –
 берись за вёсла без оглядки!
 Гребь смелей – и доплывёшь!

БОЛЬШАЯ БИЧА

Цветы – по грудь, и пчёлы –
 у виска...
 Хожу я по некошеным
 полянам,
 по ягодным местам – им нет
 конца!
 Здесь Север –
 и закат в сто крат румяней!
 Под соснами – багульник, мох
 – как пух.
 Непуганые рядом птицы,
 звери...
 Мир перевозданный –
 вековечный дух!
 Впервые хочется в бессмертье
 верить!

НА РЕКЕ ДЕМЬЯНКА

Дремлют тихо камыши,
рябь воды седая.
Крики дальние слышны
перелётной стаи.
Паутина на шесте,
лёд, намёрзший в лодке, –
И снежинки в высоте
запоздавшей сводкой!

ПОДРАНОК

Там, в облаках, за клином клин
по ветру вдаль летит казарка...
На озере, во льду, один
подранок – крик несётся
жалкий.
С утра вверху за клином клин –
и кружит пух, как отблеск зим.

* * *

Болотная,
застойная вода
слегка гнильем в округе
отдавала,
но сосны зеленели...
И всегда
брусника алым соком
наливалась.
И вот канал прорыли отводной,
кочарники весною распахали –
не видно даже ягодки одной!
А сосны на корню
повысыхали...
Багульник лишь зацвел
и отгорел,
по пахоте – осоки малый
пучик.
Посеяли подсолнух –
он сопредел,
а к осени подрос бурьян
колючий.

Так поле бросили...
Ну, а поздней
мох загорелся –
дым до снега в ямах...
И думал я:
какой же дуралей
творит со зла трагедию
упрямо?
Зачем природе душу ворошить
и выворачивать нутро
наружу?..
Иду тропинкой прежней –
не попить...
ни ягод...
даже птахи не послушать!

* * *

Ах, какая акварель
в ярко-красочных лесах!..
Пахнет терпко дикий хмель,
ал шиповник на кустах!
Лист осины ярко-красный
на безветрии дрожит,
и на зорьке чисто-ясной
травы иней серебрят!
Тихо светит можжевельник,
ракита слегка блестит.
Рям зеленый,
как отшельник,
летний свет в себе таит!
Пожелтел камыш прибрежный
и метелки поутру,
осыпая бисер снежный,
коченеют на ветру!

ОТАВА

Вспомнил детство:
... Луг в стогах
светится прокосами,
в дымке утренней слегка
распевает косами!..

Друг за дружкой мужики
движутся, махая.
Вижу: где сошлись платки –
там мама молодая!..
... Вновь ступаю по ковру
мягкому, зелёному,
Поклоняюсь я добру
– и присказка вспомнилась:
*«Хоть трава там не расти
после нас...»* –
Неверно,
вот успели лишь сгрести –
прёт отава кверху!..
Верю:
будут после нас
бить ключи заветные
И придут на луг, как в класс,
дети с думой светлою!
Вновь в сторонке я родной,
не узнать край ныне –
рощицы той, молодой,
не было в помине...
Напевает тихо мне
юная отава:
*«Вспомни день тот по весне,
как свой дом оставил?...»*

* * *

На лугу меж ивами мерцает
старицы серебряный рукав...
Ряской, камышом он зарастает.
Берег в мягких травах, как в
коврах.
Отражаются в воде сонливой
белые, как льдины, облака...
От кувшинок тихий блеск
игривый...
Далеко за дамбой синь-река.
п. Кушайлы

НАЧАЛО ЛЕДОСТАВА

На песке – шуги наросты,
меж камнями – первый
снег.
И его сгребает горстью
любопытный человек.
Рядом первая синица
шустро шмыгает в ветвях.
Над рекою пар дымится,
словно вздох о летних
днях.

ПОЙМА ИРТЫША

Пойма Иртыша. Лес...
 Ежевика
 в глубине роскошно так цветёт,
 на больших листах играют
 блики,
 иволга загадочно поёт.
 Папоротник с головой
 скрывает,
 прячет мох лосиные следы...
 По тропе звериной я плутаю –
 а они ведут все до воды!

26. ОСЕННИЕ ПЕРЕМНЫ

СЛЕДЫ ПРОШЛОГО

Озябший лес промок, он
 светел,
 наг...
 Тропа усыпана листвой
 багряной.
 Смеркается... Я замедляю шаг,
 и обхожу туманную поляну.
 Зачем я здесь?.. Ищу что в
 вечерах,
 с двустоволкою, закинутой за
 плечи?..
 Нет в рюкзаке «ни пуха, ни
 пера».
 И все же, чем так дорог этот
 вечер?..
 Не в мыслях, а в душе ищу
 ответ..
 За мной в траве рососою светит
 след.

ПЕРВЫЙ ИНЕЙ

На исходе сентября
 инеем лесок припудрен.

В нём сверкает перламутром
 охлаждённая заря.
 На траве зелёной – блёстки
 ослепляют новизной,
 и смущают наготой
 у дороги две берёзки.
 На ветвях у ивы пух –
 расцвели под снег серёжки!
 Слышит вьюгу осторожный
 напрягающийся слух.

«ДЕНЬ ИЛЬИ»

Вот и август. День Ильи –
 синь прохладой веет
 с речки.
 Откупались, отгребли...
 Пляж пустынный смотрит
 в вечер.
 С луга стелется туман.
 Сырость из кустов пахнула...
 В небе – птичий караван.
 И грибами даль вздохнула.

ЛЕСНОЙ СКРИП

Пахнет пронзительно сладкою
 гнилью
 ягод, груздей и травы.
 Пусто, прозрачно... Поляны
 накрыли
 Пледы опавшей листвы.
 Тихо, беззвучно иду по опушке
 и огибаю лесок.
 Пташек не видно, исчезли
 кукушки,
 слышится скрип–голосок.
 Ближе звук, ближе... Большая
 осина
 ствол, расщепленный по вдоль.
 На полу высохшей черной
 вершине
 в скрипе – щемящая боль.

У КОСТРА...

У костра, золотого костра
 я один просижу до утра.
 Буду слушать, как пламя гудит,
 как притихший лес тягостно
 спит,
 и во тьму будут искры лететь...
 Я костру расскажу все, как
 есть.
 Память пе-ре-во-ро-шу!..

Все обиды чужие прощу...
 И останется блеск от костра
 на лице, словно ответ утрат.

НА МАРЬЯНОМ ПЛЁСЕ

Дремлют тихо камыши,
 рябь воды седая...
 Крики дальние слышны
 перелетной стаи.
 Паутина на шесте,
 лёд, намёрзший в лодке –
 И снежинки в вышине
 запоздавшей сводкой...

ДАЛЬ УГАСАЕТ

В березняке от гнили, черни –
 так зябко!..
 В поле – ни души.
 На паутинке листик прелый
 играет, трепетно дрожит.
 Даль угасает. Лес – немеет...
 Бредут стада через туман...
 С минутой каждою – темнее,
 мрак льнёт плотней к моим
 ногам.
 Бреду по лугу, наблюдаю...
 Мне сладко, грустно – даже
 дрожь
 в груди...
 Я с осенью прощаюсь...
 – Столь пережить с ней
 довелось!

ЗА КЛЮКВОЙ

Пахнет багульником, хвоей и
 мхом...
 Булькает лавда под кочкой...
 Четверо нас. Через рям мы
 идём –
 путь этот много короче.
 Клюква поспела, красна и
 чиста...
 Солнце встает из-за леса...
 Пот на лице и во рту –
 тошнота.
 «Что нос, Андрюха,
 повесил?..»
 Друг улыбается: «Мне не
 впервой,
 больше за вас беспокоюсь –
 кромкой тропинки держитесь
 за мной,

дальше – воды аж по пояс.
Клюква, она на столе весела:
светится алая, рдеет...
А на горбушке, ой – как
тяжела.
Обратный путь вдвое
труднее...»
Я рассмеялся: «Спасибо,
дружок,
добрым словечком утешил...»
... Путаюсь в лямках болотных
сапог, споткнулся:
«Ах, чтоб тебя, леший...»

НА СТАРИЦЕ

Мороз сковал огромный плёс,
и вмёрзли лодки в няшу,
и ветер первый снег разнёс
над лугом полинявшим.
Шуга шуршит на Иртыше,
льдом старица мерцает...
Вот и лисица в камыше
подранков подбирает.
Виляя огненным хвостом,
ползёт она к закрайкам.
А ворон хрипло над леском
по-зимнему закаркал.

НА ИСХОДЕ СЕНТЯБРЯ

На исходе сентября
инеем лесок припудрен...
В нём сверкает перламутром
охлаждённая заря.
На траве зелёной блёстки
ослепляют новизной –
и смущают белизной
у дороги две берёзки.
На ветвях у ивы пух –
расцвели под снег серёжки!
Слышит вьюгу осторожный
напрягающийся слух!

ОСЕННЯЯ ДРОЖЬ

Слегли цветы, осыпав семена.
Шиповник красный рожицы
мне корчит,
и жидкой грязи колея полна –
в ней два пера обшарпанных
сорочьих.
Дождь нудно третьи сутки
моросит –

промозгли, почернели пни,
коряги...
Лес каждой голой веткою
дрожит,
и в сердце – дрожь...
И нету с нею сладу.

* * *

На паутинке листик
прелый
играет, трепетно дрожит.
В березняке от гнили,
черни –
так зябко...
В поле – ни души.
Даль угасает, и в закате
бредут стада через туман.
И вот туман стада уж
спрятал.
И мокрый иней – по ногам.
Бреду по лугу, наблюдаю.
Мне сладко, грустно – даже
дрожь
в груди...
Я с осенью прощаюсь.
А что взамен её ты
ждёшь?!

СЕНОКОСНЫЙ СТАН

Болотный осенний туман
укрывает притихшую
речку.
Сенокосный дырявый стан
приютил меня в этот вечер.
Рядом плещется рыба в
сетях,
а сквозь крышу вверху –
отсвет звёздный...
Думаю о безвестных
мирах
и о счастье своём,
невозможном.

ЗАРНИЦЫ

Скатилась с неба
колесница
за горизонт,
А грома – нет.
Тепло в полях. Хлеб
колосится –
не от него ли молний
свет?!

ХУТОР

На отшибе, за лесами
есть избушка, скотный двор...
Нелюдимый дед Исаич
проживает с давних пор.
Семь коров, телки, барашки.
У ворот – пёс с рыком
страшным.

ПОРА СОМНЕНИЙ

В паутинах куст белеет
над обрывом Иртыша.
Не пойму – о чем жалеет
грустный шелест камыша?
Стынет золотая осень
на жнивье и по лесам,
почему никто не спросит:
отчего печалюсь сам?..
В небе дальнем птичьи стаи
клиньями спешат на юг.
Отчего в глазах грусть тает,
с чем я нынче расстаюсь?..
В паутинках куст – белеет, –
ну, а он о чем жалеет?..

БАБЬЕ ЛЕТО

Бабье лето!..
В рощах – просинь
с ярко-рыжею листвой!
Паутину вдаль уносит
свежий ветер озорной!
Ветви в красках – словно шали
дорогие на плечах!..
Две осинки размечтались,
осыпая лист в лучах.

ПЕРВАЯ ШУГА

Даль пожелтела, посветлела.
Свинцовый плёс, шугой
шурша,
качает плот оледенелый...
Ознобом веет с Иртыша.
Скользят по ветру птичьи стаи,
и день, и ночь спешат на юг.
На жёлтых травах иней тает,
и холодно сверкает луг!

* * *

Там, в облаках, за клином –
клин,
крича, летит на юг казарка...
На озере, во льду, один
подранок – клич несётся
жалкий!..
На камышах – нить паутин
и белый пух, как отблеск зим...
... А в небе вновь – за клином
клин.

ЗАОЗЕРЬЕ

Под липким вихрем листопада,
среди налетевшей полумглы
уже не дождь – дробинки града
стучат о лодку и стволы.
Волна встаёт и с пеной бьётся
в мой островок...
Накинув плащ,
сизу, притих. А сердце –
рвётся
за вихрем ввысь.
Тоска, хоть плачь...
Ещё немного – свечереет,
и длинная настанет ночь.
...Никто меня не обогреет,
никто не в силах мне помочь.

ЛИСТОК

Меж кустов, где пахнет
тмином,
сети натянул паук.
В них попал листок осины

и качается: «тук-тук».
На листке, в прожилках
красных
точки, знаки – шрифт лесной...
Словно строчки о прекрасной
стороне моей родной!

27. В КРАЮ ОЗЁР

ДОРОГА К ОЗЕРУ

Гулким шагом в стылой
тишине
на лесной дороге след
впечатан.
У межи кричат перепелята.
Рядом коршун кружит в
вышине.
Вдоль болотца, в колее, вода
отливает чистотой стальною.
Точечкой плывущей, золотою
светится в ней поздняя звезда.

НА ЧАНАХ

Озеро в тумане тонет,
стынет синяя вода.
Выпь в болоте тихо стонет,
вздрагивают невода.
Всплеск, круги – то рыба в
сети
попадая, бьёт хвостом.
...У костра я не заметил:
ночь ушла, светло кругом.

НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Завешены зелёным хмелем
окна,
и облепиха дремлет у ворот.
От зноя день затих. Плывут

волокна
прозрачных облаков.
А высь – поёт!
В ней – жаворонка голосок
беспечный,
в ней – грусти журавлиной
оклик вечный.

В ЗАОЗЁРНОЙ СТОРОНЕ

Вновь пришла седая осень.
Тёплую постель забросив,
сплю я сладко на охоте
то в палатке, то в копне,
то в избушке допотопной
в глухоманной стороне.
Клюкву ем, варю ушицу,
чай с душичкой на ночь пью.
Крепко сплю – и часто снится
как я в облаках парю...

ЛУННЫЙ СВЕТ

В небе меж тучками вышла
луна
и осветила речушку до дна:
белые рыбки неслышно
скользят...
блеклые травы задумчиво
спят...
Грустные листья поникших
берез
в капельках светлых
мерцающих рос...
Снежные совы к поляне летят,
белые мыши у норок сидят.
В белой, хрустящей одежде
я сам...
Всюду бело – даже больно
глазам.

ОЗЕРО ЧЕРТАЙЛЫ

Таёжное озеро – старицы
ветвь.
У берега – лодки,
на вешалах – сеть.
Кувшинок цветы, зелень ряски
в воде,
гагары на лавде пригнулись
в гнезде.
Тревожные чайки над синью
кричат...
Гребу на рыбалку,
мой светится взгляд.

Сквозь толщу воды
различаю язей –
метровые шуки на дне среди
корней!
А рядом вдоль берега кедры
шумят –
красив величавый зелёный
наряд.

ГИБЛОЕ МЕСТО

Расскажу Вам повесть – был
про урман, где в детстве был:
...За сосновыми лесами,
где есть клюква по рямам,
где безлунными ночами
воют волки в души нам –
на заимке вчетвером
сено косим и гребём.
Два мальчика, два старика –
мы копним, вершим стога!..
Впереди лежит болото,
там в рамке есть озерко.
Поразьело майки потом,
нам с Ванюшей нелегко.
Очень хочется помыться
в озерке, да и напиться.
А дедам хоть что – кричат,
нам купаться не велят.
Говорят: там не вода,
а сплошная тина...
Видели, как лось туда
шаганул – и сгинул.
И пошел, пошел ко дну –
грязь его всосала...
Не один он утонул –
всяко здесь бывало.
Эти гиблые места
кляли старожилы.
Утверждали: не спроста
черти здесь селились.
Раньше жили две семьи,
год назад – исчезли.
А зимою полыньи
все открыты бездной.
Паром дышит озерко –
сотни в нём промоин,
Нет в них dna. Так глубоко.
Подходить не стоит.
... Вот такое нам деда
с Ваней рассказали...
Много раз у той воды
с ним потом стояли.

Не вода, а вонь и грязь
булькала, вздыхала...
Тычка, что у нас нашлась,
дна не доставала.
По ночам во тьме сычи
плакали, стонали.
Чудилось: как кто кричит?..
Мы тревожно спали.

озеро Поварня

ДОЖДЬ ТРЕТЬИ СУТКИ ЛЬЁТ

В полях полёг созревший хлеб,
в ухабах грязная дорога...
Весь транспорт стал...
Лишь скрип телег
там, за кустарником, у лога.
Дождь третьи сутки льёт и
льёт,
грядой плывут по небу тучи.
Деревня просит, молит, ждёт –
хотя бы ветер, малый лучик.
Чернеет в копнах кошара,
а бурая вода ручьями
журчит... По радио вчера
снег повсеместно обещали...
...С ружьём с охоты я бреду
и чую близкую беду.

ПОГОНЯ

М. А. Ларину

Под корнями березы,
поваленной ветром,
в логове тихом среди
темных трупоб
спят волчата, дыханьем
согретые.
Но привстал волчица,
наморщив лоб.
Слышен лай, голоса,
лошадиные всхрапы...

И все ближе и ближе топот
и визг,
заскулили волчата,
царапаясь лапами,
за волчицей к реке
припустили вниз.
И вдоль вязкого берега
узким проходом,
среди коряг ивняка,
камышами ползут...
Голоса, лай собак позади
стихли вроде.
Вот и брод – и по речке
всей стаей плывут.

ОХОТА С ПОДХОДА

Жнивье да скирды...
Кончилась страда.
Чернеет пашня влажными
пластами,
и медленно в загон бредут
стада,
и резкий ветер свищет над
кустами.
Прохладно так... А чибис,
как шальной,
взлетел – и кувыркается,
смеется...
Вхожу в кочкарник, и
прижав рукой
приклад, все жду: а вдруг
крякаш взметнется...

НА РАЗВАЛИНАХ

Деревни нет... Есть три избы
полуразрушенных, без окон...
да два пролета городьбы...
да с края – тополь невысокий...
Родные веси!– с дядькой нам
всё хочется сюда упрямо...
– Вот снова здесь – по
сторонам
обломки кирпича да ямы.
Где скотный двор был – там
холмы
стоят, поросшие бурьяном...

... Глаза прикрыл я – вновь из
тьмы
всё возвращается обманом:
собак примчались голоса...
и женский крик ворвался в
ветви...
и кони в поле у овса
заржали... рассмеялись дети...
Старик на лавочке в тени,
пуская дым из самокрутки,
напомнил мне былые дни,
что в памяти остались смутно.
Вот женщина прошла легко,
к груди ребёнка прижимая...
... Глаза открыл я – далеко
всё растворилось, исчезая.

* * *

Музыку осени в ветках берез
слушаю с трепетом.
Запах полынный, горький
до слез,
выплеснут ветрами.
Листья, сорвавшись,
под ноги летят,
полуживые,
но почему же печалят мой
взгляд
дни золотые?
Золото! Золото!
Осени клад
выстлал дорожки...
Но почему же себе я не рад,
что так тревожно?
Долго по лесу кружу я
и пью
чудные запахи,
ветки деревьев зовут и поют
музыкой Баховой!
В небе бескрайнем
по ветру скользят
белые стаи,
музыкой вечной крики летят,
нас настигая!

* * *

Живу не так,
как сам хочу,
и в том нелепость!
Зажечь бы надобно свечу –
гляжу так слепо.
Я не любил всегда людей
с лицом под маской,

и близких я
забыл друзей
и чьи-то ласки.
И часто говорю не то,
иду с оглядкой,
скрываюсь, я – инкогнито,
играю в прятки.
А как хотелось б дорожить
своим талантом!
Зачем в себе мне тайно жить,
как эмигранту?
Душа изныла, тяжело ей...
Из заточенья кричу себя я:
«Дуралей, к чему терпенье?..»
Кричу: «Холопом сколько быть
под небом вольным?
Пора и честью дорожить,
и жить достойно»

МОЖЕТ БЫТЬ

Я в полях навек останусь,
растворюсь в них, как в
раю.
Утром из тумана встану
и откликнусь журавлю.
Или на лесной опушке
васильком на вас взгляну.
Может, голосом кукушки
о забытом намекну...
Ну, а может, в час ночной
загорюсь вверху звездой.

28. ИСТОКИ ПОЭЗИИ

* * *

Е.Е. Чащину

Я спрашиваю у себя:
«За что люблю поэзию,
за что, так многое терпя,
в нее, как в дебри, лезу я?..»
Вновь за ответом прихожу
в край, что всего дороже,
в край детства,
где во снах брожу
без тропок, без дорожек.

Тот край я знаю наизусть,
ему мечтой обязан,
он для меня и дом,
и Русь!
Я с ним навеки связан.
Был горек он от вдовьих слез
в дверях военкоматов,
я беспризорным в поле рос –
мать в том не виновата.
Я драл подошвы по лесам,
в озерах умывался,
как сказке, веря чудесам,
с которыми встречался.
Лес вел мне точный календарь,
луга цветы дарили,
мне песни пел свои глухарь,
сверчки во тьме светили.
Там в первый раз подслушал я
шептанье трав и листьев
и подсмотрел, как у ручья
мышата зубы чистят.
А как завидовал птенцам,
поднявшимся на крылья!..
– Да, в том краю, конечно там,
свой первый стих открыл я.

ДА, Я – ОДИН

Я избегаю творческих
дискуссий,
я не был членом СП и
литгрупп...
И не вхожу на паперть к
Иисусу,
и не хвалюсь,
что есть особый друг.
Да, я один – какие могут
школы
зажечь в душе таинственный
огонь?
Я перед совестью своею голым
всегда стою...
Других прошу: не тронь!
Отвечу за грехи свои, коль
надо, и кровью!..
Только, Боже упаси,
зачем признания мне и
награды?
Я это делал для святой Руси!
Я это делал исподволь,
невольно –
для тайных чувств судьи на
свете нет!

Хотя и мне бывает очень
больно
от множества непонятых мной
бед.
Так жизнь устроена,
что мало солнца иному –
и не радуется весна,
когда в душе порой угрюмо,
сонно... О, муза!
Мукой грешным ты дана!

О ВЕЧНОМ

Долдонят мне друзья кругом:
«Стихи про космос?!
То – навечно!..»
Я соглашаюсь... Но молчком
пишу о самом о простом –
о теплоте сердечной.
О, звезды, звезды?!
Славят вас,
но жизнь бы враз померкла
без света добрых, милых глаз,
без любящего сердца.
Пусть небо в тучах, солнца нет,
но не пугает вечер,
когда пишу, как дорог свет
любви,
и как он вечен.

* * *

Неужели
напрасны слезы мои,
когда, стихами измучен,
слышу, как ручейки крови,
отзвенев, затихают в
излучинах...
Я шагаю по тихой поляне
Предосеннего теплого дня –
пусть надежда на счастье
обманет,
только радость вселилась в
меня!
С ней светлей
пожелтевшие травы,
ярче поздние в росах цветы!
Пусть стихи мою душу оправят
цветом,
жаром такой красоты!
Пусть от запахов сердце заноеет,
защемит сладким чувством
в груди...
Словно август, я хмелем
настоян,
не пугают ни хмарь,
ни дожди!

* * *

Кружатся жернова
под ночным колпаком,
не зерно, а слова
засыпаю тайком!
Что-то там перемелется,
не горчит ли мука?..
У меня ль, у Емелюшки,
белый дым у виска?..
В облаках высеивается
и не дождь, и не снег.
– С чем же ты приближаешься,
Двадцать первый век?!
...Вихрь над древнею
мельницей
взмыл,
как атомный взрыв!
Целый мир перемелется,
кто останется жив?..
Кружатся жернова –
мы играем с огнем,
как полова, слова,
если в чем-то солжем!
От полыни, от хмелюшка
боль сквозит у виска...
– Только в лучшее верится
на года, на века!

* * *

Что хотелось, то и пелось
просто так, вполголоса...
Не заметил: прошла зрелость,
серебрятся волосы!
Не хочу я краснословить,
воду в душу лить –
от частушек и пословиц
путь мне свой торить.
В свой талант пора поверить,
пусть мне не везло,
но зачем за плотной дверью
прятать барахло?
Брошу все! Пойду по миру,
ноги в кровь собью,
образу... Святой и сирый,
песнь свою спою!

ВОЗМУЖАНИЕ

В.А. Макарову, другу-поэту

Набитая рука...
Отточенное слово...
И рифма – так звонка!
И ритм – душой взволнован!
В стихию без прикрас
стремись,

как в храм господний.
Люби, как в первый раз,
в полста – ничто не поздно!
Склоняясь головой
пред звездами ревниво,
в стихах Россию пой
без позолоты лживой!..
Как молнии, строку
пронзают биотоки.
Пусть жизнь неведомогу –
придут иные сроки!

* * *

Да, каждый день, подаренный
судьбой,
уходит в сумрак, к звездам
отдаленным...
Работа на износ –
борьба с собой,
и на душе – как в роще
оголенной.
Средь седины пролысины
видны,
и тени под глазами,
боли в сердце...
Страничкой улетают мои дни,
и все труднее радостью
согреться.

ДВЕ ОТРАВЫ...

Две отравы: стихи и вино,
две старинные, сладкие боли
мне завещаны были давно
прадедом из моей
родословной.
Пусть душой молодею на час –
никуда мне не деться от
страсти.
Вновь бросаюсь я всякий раз,
словно в омут, в их пламень
прекрасный!..
Две отравы: стихи да вино –
а иного мне не суждено.

ТВОРЧЕСТВО

Погруженный опять в
созидание,
дивные созываю слова...
А они не идут –
с состраданием
смотрит в окна небес синева.
Скомкал листики, бросил в
корзину,

одеваю скорей башмаки –
и дорожкой любимой,
старинной
через рощу спешу до реки.
Вышел к берегу...
Чайки взлетают,
вдаль стремится разлив
Иртыша...
Из воды острова прорастают –
и невольно очнулась душа.
И любуюсь, как пойма лучится,
вижу лодку и взмахи весла...
Половодьем стремнина
искрится,
лёд последний на Север неся...
... Зеленеют, шумят острова –
в них волшебные слышу слова.

* * *

Чудак, напрасно время трачу,
жгу чувства лучшие свои...
Пусть, я – никто...
Зачем же прячусь –
ведь мне пропели соловьи?!
Стихи созвучны с шумом моря,
когда штормит – и что мне
ритм,
с самим с собою часто в споре
–
в моей груди огонь горит?
Стихи живы не яркой рифмой,
и даже мысль, порой, не в счёт.
И даже голос, может,
хриплый – СТИХИ,
когда душа поёт!..
... А ею – человек живёт!!.

УСТАЛОСТЬ

Рано лист рябины вянет, –
слишком резки холода...
От тумана ли устану,
иль озябну ото льда?!
Но стихи я не заброшу!
Выйдя в поле поутру,
душу с первою порошей
в них развею на ветру.

ТАКИМ ОСТАНУСЬ

Я – независим! Так должно –
останусь прежним.
Наивен – пусть!?.
Но всё равно:

в мечтах – железный!
И мне начхать на весь абсурд
и кривотолки.
Общественный не страшен суд
в насмешках колких.
Я сплетни слышу за спиной,
и желчь, и бредни...
Такой останусь: гордый, злой –
из могики последний!
Дилеммы нет мне:
«Быть – не быть?!»
Живём однажды...
И новый день спешу дарить
себе, как праздник!

* * *

Тимофею Белозёрову

Тимофей Максимович, с вами
было радостно думать,
дышать...
Понимаем мы только с годами
тех, кого нам пришлось
потерять.
Я – дурачился, я – каламбурил,
над тобой насмеялся не раз.
Это было немножко от дури,
от лихачества – напоказ!
Уважая твой дар в поэзии,
и твою неумную страсть –
почему же порою невежливо
я старался тебя исказить.
И теперь вечерами тоскую,
вспоминая, как близок ты был
очень многим – к себе их
ревнуя,
понимаю: тебя я – любил!!

ПОЭЗИЯ

Не счесть теперь поэтов,
играющих стихом:
тот – фокусник со светом,
тот – в крике, петухом!..
Порой сильнее грома,
как молнии лихи,
врываясь в мир огромный,
теряются стихи.
Слова их сладковатые,
подкрашенные хной,
смешно замысловатые
встают горюн-травой!
Зачем мне позолота,
узоров кружева?

Поэзия без пота
и крови, – не жива!
С мольбой шепчу: «Поэзия,
тернист твой, труден путь,
порой идешь по лезвию –
ты знаешь боль и грусть!
Бесхитростною строчкою
приди ко мне, приди...
и непроглядной ночью
раздумья освети!..»

* * *

Жестокий май!..
Там, на рассвете,
погиб отец, цвела сирень.
И ныне давней грустью светит
тот солнечный весенний день
... Мои стихи –
мои дороги!
Из них не выбросить
теперь
раздумий и сомнений
многих,
как память горькую за
дверь.
Как есть –
таким мир принимаю:
едины “радость – боль”,
“свет – мрак”.
Иду всю жизнь
навстречу Маю
и не могу дойти никак.
И обелиски, монументы
отчетливей весной
видны,
мне не вплетать цветные
ленты
венками в праздничные
дни.
Признаюсь –
по душе мне осень
за скромность,
хмельную красу,
но если откровенно
спросят –
я в детстве потерял

весну.

29. ОХОТНИЧЬИ ЗОРИ

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ОХОТНИК

Лай дальний слышен от
деревни,
вдали мигают огоньки...
Меня пугают меж деревьев
не то зверьё, не то пеньки.
Слетает тяжестью на плечи
такой пушистый, первый снег.
Я голоден. Огни далече.
И клонит в сон усталость век...

НОЧНАЯ КОПНА

Меня застала ночь в лесу...
Залез в копёшку сена,
согревшись, сразу же уснул.
И выпался отменно.
Проснулся: темень под
плащом,
у ног мышь шелестела,
ночная птица за кустом
светло о чём-то пела.
Вот где-то вскрикнула сова,
ей кряква отозвалась...
Плащ приоткрыл – вдали едва
зарёй высь освещалась.
Светлело небо...
А вокруг
в росе луга искрились –
как будто звёзды с неба вдруг
на травы опустились!

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

Небо тонкой полоской зарится,
кромкой плёса пронёсся
чирок...
Гладь озёрная смутно
искрится...
Выпрыгнул из воды окунёк.
В камыше кто-то булькнул? –
Ондатра,
да, конечно – там хатка
видна...
Первый выстрел по займищу
трахнул –
раскололась вблизи тишина.
Стайка чернядей мчитя со
свистом,
вслед им кряква призывно
кричит...
Розовеет восток светло-чистый.
... Ствол ружья повлажнел
и блестит...

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ОХОТЫ

Злой, голодный и
полузросший –
возвращаюсь из лесной
глуши...
Словно гость, полночный и
непрощенный,
у дверей избы стою в тиши.
Мать на стук любила
отзываться,
и дверной засов враз
открывать...
А теперь тоскливо
возвращаться.
Некому меня уже встречать.

МОЙ ПУТЬ – НА ОЗЁРА!

Отстали, исчезли огни
городские...
Мой путь на озёра, в леса!..
О, душевные скверы, заботы
мирские –
и в дымах сплошных небеса?!
От вас убегаю...
Дремучие дали
с туманом, с кострами зовут.
Там нету насмешек, разборок,
скандалов.
Там звёзды в сны тайно сойдут.

НА ВЕСЕННЕЙ ОХОТЕ

Утро майское разлилось
под лучами солнца,
дымкой озеро покрылось,
затихая сонно.
Камыши в воде – бездвижны,
а пары – всё гуще.
Я в плену у белой жизни
миражей плывущих.
Стайки уток надо мной
просвистели низко,
но покрыто небо мглой –
слышу только свисты.
Рядом острова плывут,
миг – и исчезают...
Рыбы всплеск... растаял
круг...
В белизне – витаю...
Явь ли это, или сон!?
Может сказка злая?..
И немного обозлён:
вроде, чушь какая...

Дышит воздух горячо,
солнце жжёт до пота!..
... И кладу в чехол ружьё –
кончена охота.

ТЫ – ИСЦЕЛЕНИЕ МОЁ

Вновь горечи мои, обиды –
как искры, гаснут на ветру.
Знакомый лес – моя обитель,
я голову клоню к костру.
Полночный вздох!..
– В нём запах тонкий
травы осенней, камыша...
Крик одинокой перепёлки...
Туман холодный с Иртыша...
Мне утешенье и отрада:
палатка, лодка да ружьё.
... Охота! – большего не надо,
ты – исцеление моё!

ВОЛЧИЙ ВОЙ

Ночь... Луна...
Хруст морозный, печальный,
на снегу – лап огромных
следы...
Волчий вой от болотины
дальней
наплывает в просвет городьбы.
Под навесом скотина в сарайке,
пар над крышею дымкой
встаёт...
... И Мурзилка, отменная
лайка,
чуть скулит и хозяина ждёт.
Ждёт, когда из избы выйдет он
и с берданкой, уже не впервые,
обойдёт сеновал и пригон,
слушая волчьих стай
позывные...

КОРМУШКИ

Дед сказал мне:
«Внучек, слушай,
нынче лютая зима,
понесём мы в лес кормушки –
птицам там кормов нема».
Положили мы в кормушки
зёрна, хлебные горбушки...

ДРОБОВИК

Дробовик 10-го калибра
(шомпольное, древнее ружьё
на пристенке затаилось
хитро).

Это дедовское – не моё.
Он тяжёлый, длинный,
неприкладист,
а отдача – что не устоишь.
Для стрельбы рогатину дед
ладит,
если стрелишь – стаю всю
сразишь...
У меня же – лёгкая берданка,
и калибр всего лишь –
тридцать два...
Вытертый затвор...
Я спозаранку
в лес иду, на ток, к тетеревам.
Заряжу патрон с литою
дробью,
выстрел бахнет – дробь летит,
свистит...
Глажу я берданочку с
любовью,
если птица камнем вниз летит.
Мне и лет-то нынче только
десять –
но без дичи не хожу домой.
Вот сегодня – тетерев увесист.
Бережно держу его рукой.
Я держу его за шею крепко,
ноги волочит он по стерне:
ведь я ростом – меньше метра,
с кепкой,
но охотник – признанный
вполне.

В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБУШКЕ

Проснулся, а в окнах –
большая луна...
Смотрю я вокруг оробело:
как днем... И, признаться, уже
не до сна.
А свет на стене – мертво-
белый.
Струятся сквозь стекла
потокм лучи,
и по полу стелят дорожки,
в причудливом блеске избушка
молчит...
Смотрю я вокруг осторожно.
И холодом веет, и боязно мне.
Я слышу дыханье и скрип в
тишине.

СТАРАЯ СОСНА

Огонь прошел по ряму,
обжигая

багульник, ели, даже влажный
мох.
Курились ветки, тихо остывая,
но торф погаснуть до конца не
смог.
И вот уж тлеет целую неделю –
и дым клубится белою
куделью...
А на поляне, в стороне,
сверкает
зеленой кроной старая сосна,
огонь к ней крался, искрами
играя,
но обошел... Теперь стоит одна.
Смола слезой застыла на коре –
и каждый день она
горит в заре.

* * *

Охотничья
заветная тропа:
лесной рассвет
с полоской нежно-алой,
грибной настой,
которым лес пропах,
ручей с осокой –
жесткой, полинялой.
Предутренняя сладостная тишь
и куропатки белые на кочках,
безоблачная заревая высь –
где спутника светящаяся
точка!..

Охотничья
заветная тропа!
– Нет, не мирки,
миры летят навстречу
на крыльях птиц
и в легких облаках...
Мою ты
душу новизною лечишь!
Целебен воздух,
чист полей простор,
светла вода,
приветливы дубравы!..
– Гори вовек,
охотничий костер,
не требуя ни денег
и ни славы!
... Уходит тихо к горизонту
день,
палатка растворилась меж
деревьев –

и светит мне в ночи трухлявый
пень,
и льются песни за рекой,
в деревне!

ТАК СВЕТЛО

Так прохладно на зорьке,
светло!..
Облака растворились в
просини,
лист пожухлый с деревьев
снесло,
и открылись сквозные
просеки!
Тянут клином на юг журавли,
и седая плывет паутина!..
Есть щемящее чувство любви,
когда роща тиха и пустынна.
Над водой поднимаю весло,
и срываются капельки–
лучики!..
Так прозрачно –
что видно дно
на зеркальной
речной излучине!
Даль светла,
широка, высока!..
Над живьем светит
хмельная радуга!..
Пригорюнился стог у леска,
только жду я чего-то
– и радуюсь!?

* * *

Домик егеря. Причал...
березняк, дорожки...
Нынче домик заскучал
брошенной сторожкой.
Но зато по выходным –
здесь столпотворенье:
«москвичи», «газоны»,
«зимы»
льнут к его строеньям.
Полны комнаты гостей,
а сегодня – вторник...
Золотистых карасей
чишу я проворно.
Пес зевает у крыльца,
бабка моет сенцы.
Два зеленых деревца
напевают сердцу
тихий, радостный напев
на господней воле...

И дымок,
с трубы слетев,
улетает в поле.
Егерь где-то заплутал
в озере с сетями...
Вновь транзистор забренчал
музыкой, вестями.
Выключаю... Вечер тих,
солнце красит воду
и звучит в ушах мотив
песенки народной.

НА ТРОПЕ

Закат догорает...
Я слушаю звуки
лесные в сосновом бору.
Иголки мне тычутся в тёплые
руки,
я шишки в ладони беру.
Как пахнет смолою, озоном
и мхами –
как дышится грудью легко!
Сажусь на пенёк, в полутьме
отдыхаю –
идти мне ещё далеко.
В медвежьем логоу
у затерянной речки
избушка давно меня ждёт,
и там из трубы
дым струится колечком –
охотник Федулыч чай пьёт.

ОСЕННЕЕ НЕБО

В белой дымке осеннее утро.
Первым инеем росы легли
и, сверкая, искрят
перламутром...
Первый холод дохнул от земли.
Чёрный тетерев ветку качает
и серёжки неспешно клюёт,
а над озером с криками чаек
золотистое солнце встаёт.
И лучи, растекаясь несмело,
красят алостью воду, камыш...
Ставлю сети – приятное дело.
Светят плёсы, и в воздухе –
тишь!

30. ЗЕМНАЯ КРАСОТА

В РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ

*Чемпионке Мира
по художественной
гимнастике
Галиме Шугуровой*

На окнах зимние цветы
в кристалликах тончайших
ожили, начали цвести
под светом фар случайных!..
Погасли фары... Меркнет
снег...
Там, за стеклом мерцающим,
твой различаю силуэт,
из сини воскресающий!
... Ты, приподнявшись на
носках,
плывешь, держа высоко
спящий мяч в резных лучах,
я узнаю твой локон!
Вот обруч – легкий и упрям,
неведомой орбитой
вращаясь строго по кругам,
летит – ты им обвита!
Твои раскосые глаза
с улыбкой обжигающей
поведать могут, рассказать
про Рождество и таинства...
Про быль и небыль, ворожбу
с причудами, где снится,
как ждем иную мы судьбу,
в которой нам не сбыться!
Дрожат огни...
Цыганки вальс...

Из ленты плещет пламя!..
Но медленно простор угас,
и остывает память.
Гляжусь я в звездное окно
из хрусталя тончайшего.
Да, божьей милостью дано
искусство величайшее!

ВСТРЕЧА С КРАСОТОЙ

Вы появились так внезапно –
что мир невольно засверкал,
от клумб повеял нежный запах
и день светлее, шире стал!
Улыбка Ваша излучала
Ум,
Благородство,
Чистоту!
И показалось мне сначала:
Я вижу просто Красоту!
Не знал тогда я, к сожаленью,
тот горький и святой секрет:
есть сердце Вашего горенья
и восхищающий нас Свет!
О, вам непросто быть красивой
в заботах разных и делах,
еще труднее стать счастливой
и скрыть печаль в своих глазах.
Вы все смогли!..
И вновь, как прежде,
с улыбкой смотрите в рассвет.
Пусть не обманутся надежды
и не погаснет в сердце свет!

* * *

С рождеством, Ангелина!
Здравствуй на года!
Мы в судьбе неделимы
и сейчас, как тогда.
Сколько зим просвистело
за оконным стеклом,
сколько весен звенело
в Иртыше серебром...
Вы по-прежнему ясно,
смело смотрите в жизнь.
Вы душою прекрасны.
Чужд вам женский каприз.
Зная радость в работе –
отдаетесь ей вся.
Да, года с позолотой,
нелегка и стезя.
Время бедами метит
каждый день, каждый час,
но ведь счастье же светит
иногда и для Вас!

Этажом живем выше,
этажом живем ниже –
Ваше сердце я слышу,
Вашу горечь я вижу!
Как Вам хочется верить
в близость преданных душ
и светить в жизни серой
огоньком давних дружб!
В чистый день сокровенный
тайного Рождества
Вам желаю везения,
женских чар – божества!

В РЕСТОРАНЕ

А ты ничуть не постарела,
еще прекрасней расцвела.
Бровей смолистых, жгучих
стрелы
летят над краешком стола.
И откровенность плеч
открытых,
улыбка губ, движенье глаз –
возникли тайной позабытой
в далекий тот,
прощальный час.
Степей хакасских, полинялых
ковыль ласкает мне лицо...
Я захотел, ты поменяла
позолоченное кольцо.
Сверкая,
с седовласой пеной,
унес волну вдаль Енисей...
И забывал я постепенно
ту красоту в угаре дней.
И Абакан, как бы в тумане,
все растворялся и мельчал,
и, словно камень на кургане,
я высыхал, белел, дичал...
Но горделивые Саяны
и храп коней,
твой тонкий стан –
опять возникли сном
случайным,
и, как тогда, тобой я пьян.
Да,
ты ничуть не постарела,
еще прекрасней расцвела!..
И беспощадно, жгуче стрелы
летят, разят...
Как ты мила!

В ДЕНЬ ВЕСНЫ

Еще снег и мороз,
Ярким лучиком, нежным,
солнце светит в глаза,
согревает плечо...

Поздравляю я Вас
с первым праздником женским,
много праздников Вас
ожидает еще!
Золотая пора!
Исполненье желаний,
в зрелом возрасте их,
как подарков, не счесть.
Вы – любимая женщина,
бабушка, мама.
Вы – земная, но в Вас
что-то тайное есть.
Не весенняя синь,
не июля цветенье –
в вас осенний пожар
сладолюбивых садов!
Красоте, волшебству
и святому горению
в День Весны, в День Любви
поклониться готов!!

ЛЕЙК-ПЛЕСИД

*Ирине Родниной,
многократной Олимпийской
чемпионке*

Оваций шквал –
девятый вал!
Прибоем дышат страсти,
качая потрясенный зал
в волнении прекрасном!
Все убыстряется прокат,
сложней на льду узоры,
неповторим прыжков каскад –
и вновь зал гулом взорван!
О, миг,
тебя не передать
словами и стихами,
– немногим в жизни испытать
пришлось такой экзамен.
Когда от Родины вдали,
когда весь на пределе –
твои рекорды так могли
служить бы высшей цели!..
Ковры разостланы на лед
и пьедестал, сияя,
тебя,
богиню танца, ждет –
восторг предвосхищая!
...Восходишь ты на пьедестал
с улыбкой неизменной
и, вдруг,
слеза – грозы
накал,
что схлынула мгновенно.

И медленно скользит слеза,
а губы в трудном счастье
сжимает боль...
Твои глаза
– о как они прекрасны!
Торжественно всплывает гимн,
мерцают флаги звездно.
– Стать олимпийцем золотым
в который раз – не просто!

* * *

Я – ничего... Ещё живу,
но в сказки о добре не верю.
Не верю в май и синеву,
скрываюсь незлобивым
зверем.
Смотрю спокойно на закат,
и даже гром и шквальный
вихорь
меня с тобой не разлучат,
а станут музыкою тихой!
Антенной шест вознёсся
ввысь,
на нём сверкает паутина.
Все звуки к озеру сошлись
и тонут на воде пустынной.

* * *

Женщина с нелегкою
судьбою –
ты нежна
и снова весела!
Ты опять любишь себя собою,
прошлое тебе,
как трын-трава!
Жарче полыхает поздним
летом
Разнотравье и крупней роса,
зря гадали бабки: песня спета,
озорные отцвели глаза.
Нет!
Еще сильнее сердце бьется
и стройнее, величавей стан,
не духами – медом сада льется
аромат...
И я немного пьян!
Словно манекенщица, нарядна,
ты проходишь, чуточку строга,
и мужчин восторженные
взгляды плавают
давней горечи снега!
ВЫ – САМО
СОВЕРШЕНСТВО!

Из туманности звёздной,
из загадочной
дали
ангел сходит незримо
с небес...
Поджидаю украдкой Вас
вечерами
у подъезда театра, в смятении
весь.
Стройный стан, грациозность
и нежность...
Всплески лёгкого платья,
вуаль...
Блеск очей...
Неги дивной безбрежность...
Плеч открытых влекущая
даль...
Вы – само совершенство!..
Актриса – от Бога!..
Вам природой дано свет
дарить!!
... Ангел сходит с небес –
в сердце радость,
тревога!
Страсть моя неподсудна –
Вас нельзя не любить!

НА СЦЕНЕ ДРАМАТИЧЕСКОГО

Вы на сцене...
И в небо –
вдаль летите, парите –
унося нас в иные миры...
Возвращаясь на землю,
вы странно смотрите
незнакомкой любовной игры...
И мерцают чуть люстры над
залом,
– и такая стоит тишина...
Вы взмахнули рукой и сказали:
«Наше грустное время...
Больная страна...»

* * *

Трудно мне в людском прибое
без чудесных Ваших глаз...
Где они? Кому с любовью
Святят нежно в этот час!?
Поздно...
Улиц шум стихает,
и в мерцанье фонарей
слышу голос Ваш стихами,
вижу блеск живых лучей.

ТЫ ВЗГЛЯНУЛА...
Ты взглянула!..
– Высь стрельнула
оборвавшейся звездой,
жгуче в сердце заглянула
тайна, с синью неземной...
Как морозные иголки
выси звёздной и чужой –
в этот вечер, знойный, колкий –
в грудь мою вошли с тоской.
Ухожу, как неприкаян,
унося насмешку глаз...
А вернее – убегаю
от мечты в который раз!

ЗЕМНАЯ БОГИНЯ

Н. Ф.

Для меня
Вы – земная богиня –
а не звездная, там – в
небесах...
Вы явились над бездной
гордыней
наяву и в таинственных снах.
Вас нельзя ни обидеть,
ни выдать,
Вы встаете везде предо мной:
Вы мой свет и задумчивый
выдох,
Вы горенье и бред мой
ночной!..
Лишь подумаю только:
«Богиня!..» –
сразу жар ударяет в виски:
отсвет синий и запах полыни,
и поляны лесной васильки!
А когда жар в висках
поостынет,
приоткроется звездная высь –
Вы уходите в дали святые,
оставляя мне серую жизнь.
И молю я вослед Вам:
«Богиня,
я не знал о любви, я не жил...»
И на счастье ли,
иль на погибель
это чудо в себе я открыл.

31. МИГ – И ВЕЧНОСТЬ

* * *

В лице прекрасном –
Миг и Вечность!
Так близко звезды чудных
глаз.
Они мне часто душу лечат
с надеждой вновь увидеть
Вас!!

* * *

Царство лесное...
Внутри озерко
с бликом рассветным.
Мне одиноко
и странно легко
в проводах лета.
К пристани тропка ведет в
камыше,
еле заметна.
Тихо,
уютно с утра на душе –
кончилось лето!
Солнцем сочится
березы листва
в каплях росистых!
Как беспредельна вверху
синева
осени чистой!
В синей пустыне,
в небесной дали
кликают стаи,
словно по морю плывут
корабли,
белым блистая.
В царство лесное
зовет озерко
чаячьим криком...
Мне одиноко,
приятно, легко
в сне полудиком.
Сети проверю,
ушицу сварю
с перцем душистым...
Я одиночество боготворю
осени чистой!

* * *

Как стали вечера тихи
в морозном
свете...

Хотя дела твои плохи –
терпи, не сетуй!
Ты все хотел свободней жить,
служить талантом –
и только правдой дорожить,
но нет гарантий.
Вокруг теперь царит разбой,
всем злоба правит...
Шельмует всяк твоей судьбой
и душу травит.
Да, с нищетою сладишь сам,
найдешь и хлеба,
но как открыться небесам?
Что скажет небо?
В Христа не веришь –
Бога нет,
есть только вера,
что небеса подарят свет
в день серый.
Чтоб грудью полною дышать
и жить свободно,
ни в чем не надо подражать
кичливой моде.
Скромнее пусть,
зато – свое!
Своя кровинка.
И верь:
посветит волшебство
душе невинной!

* * *

Снежком с утра запорошило
продрогшие насквозь поля.
Не спрятать грусти,
словно шила
в мешке,
глаза мои болят...
Снег ослепляет белизною
и мучит чистотой до слез.
Дорожка светит бороздою
среди пышных,
в инее,
берез.

Белым-бело...
Пустыня жизни...
Я сам притих,
как в землю вмерз.
И размышляю с укоризной:
а до приюта – сколько верст?
Где он, предел
тревогам, мукам
на этой стынущей земле?
И взгляд опять печали мутят,
как ты того бы не хотел.
...А лес красив
и не заслежен,
и небо в дымке голубой!
О, край родной –
не жил я, не жил...
Как мы расстанемся
с тобой?

РОЖДЕСТВО

День рождественский теплый,
без ветра.
С неба хлопьями сыплет
снежок.
Да, молитвы –
лечебное средство,
если кто-то душой занемог.
Я молился от зла, наговора,
и от сглазу и всякой чумы...
Бог у каждого – свой,
и не спорят
о чудачествах
те, кто умны.
Снег пушистый все кружит и
кружит,
он не хочет касаться земли.
Христарадничать вовсе не
нужно,
вижу белую церковь вдали.
Непорочная дева Мария,
богочтивым не стану вовек,
только вера и мне подарила
в сердце святость –
ведь я человек.
Тайное нам от рода не чуждо,
и любовь к ближнему,
ко Христу...
Но в загробное верить так
трудно:
рай всевышний
мне невмоготу!
И хотел бы я в светлой

рубашке
в час последний прийти
на лужок,
поклониться ручью и ромашке,
из ключа выпить
чистый глоток!

ЗНАКОМОЙ КРАСАВИЦЕ

А в тебе на глубине
жуткий, темный омут,
быть с тобой наедине
не желал б любому.
Где-то рядом ясный день,
лес и птичьи трели –
а в тебе ночная тень,
холодок метельный.
Рядом запахи лугов,
росы и рассветы,
рядом свет живых цветов –
ты же безответна.
Нет в тебе любви ручья,
нежной, светлой песни...
Тем горда, что ты “ничья”?
– Не хочу быть вместе.

* * *

Снег, из низкой тучки выпадая,
хлопьями летит среди ветвей...
Кажется он – лебединой стаей,
если взгляд прищурить
посильней.

С ТОБОЙ РАССТАТЬСЯ НЕ МОГУ

Уйти бы надо – не могу...
Сказать в ответ, в словах
взорваться,
и попытаться – разобраться!..
Но молча я чего-то жду...
А недомолвки, твои ссоры,
претензий всевозможных груз
сильней всё давят – и боюсь:
разъединить нас могут скоро.
Я пытки все пока терплю,
Бегу из собственного дома
Порою даже к незнакомым...
О, как я ругань не люблю.
Быть может я не берегу
тебя, очаг семейный...
Может
У нас характеров несхожесть!?
Расстаться бы – но не могу.

ПЕРВЫЙ ЛИСТОПАД

Творится на душе разлад –
мир предстаёт в превратном
свете.

Пугает первый листопад
дыханьем стынущего лета.
Быть может, испытанье сил –
вся эта скверная погода.
... Так долго дождик моросил
до твоего прихода.
Балкон продрог... Среди
цветков
в горшочках, жёлтоватой
меткой,
прозрачный тополя листок
пожухлой коркой светит...
Причин не видится пока
трагедии и драмы,
но с желтоватого цветка –
предательское пламя!
... Закрою наглухо балкон
(порывы ветра, свисты),
скользит по крыше небосклон
и сыплет дождик мглисто...

* * *

Тепло в машине под брезентом,
по крыше тарабанит дождь –
при мысли об ушедшем лете
по телу пробегает дрожь!
Полупроснувшись,
ощущаю,
как приближается рассвет,
и медленно я одеваюсь,
и не включаю даже свет.
Пускай Иван поспит немного:
ему сегодня в ночь рулить,
грязища будет на дороге –
а надо двести верст пилить...

Открыл машину –
ветер льдистый,
и серый сумрак над водой.
Накинув плащ,
иду на пристань,
по сторонам – камыш
стенной!
Беру насос,
качаю лодки,
готовлю сети,
чучела...
И стройность
с твердою походкой
моя фигура обрела.
Размялся и согрелся малость,
дышу всей грудью на ветру –
и не пугают годы,
старость!
В рассвет уверенней смотрю!

* * *

Там,
где волны сбрасывают пыль,
где черта свиданий проходила,
там, на волнорезе, ждать
любил,
чтоб тебя
ко мне волной прибило...
Появляясь в брызгах предо
мною,
ты на камень скользкий
выплывала.
Он, зеленый,
с мягкой травой,
становился, вроде пьедестала.
И твой тонкий
профиль над водой
в бронзовом загаре,
под лучами
отливал такую чистотой,
что в висках
прибоем кровь стучала!
Волнорез от берега вдали –
волны бьют, шипит,
стекая, пена...
Рядышком проходят корабли.
Нам с тобою море по колено.

* * *

Над талою весеннею водой
сверкает зелень молодых
побегов!
О, где же вы, оставленные
мною
улыбки,
увлечения,
победы?!..
Я разучился весны понимать,
я многое теперь не замечаю,
и кажется пустынной луга
гладь,
и прозрачность миражная
пугает...
Но рядом травы
зеленью лучей
пробились сквозь сияющие
лужи,
и этот мир,
огромный и ничей,
опять меня в своих объятьях
кружит.
Я подхожу
и пальцами ловлю
на гибкой ветке почку золотую,
и терпкий запах
снова я люблю
– и эту иву я к тебе ревную!
Не замечая,
как и для чего,
я с хрустом
прутик тоненький
ломаю,
и на губах творится
колдовство:
горенье поцелуя ощущаю!
И молодею снова я душой –
я тайное весны опять изведаль!..
Над талою весеннею водой
сверкает зелень
красотой победной!

32. ПРИБРЕЖНЫЕ РОЩИ

ЛОЖБИНА

Луг искрит закатом синим,
воды талые сошлись
по низине на ложбину.
Отразилась в водах высь!
Гуси, лебеди на плёсах.
Лодка, сети – капли с
вёсел...

МОЯ БЕРЕЗА

Декабрь.
Моя береза во дворе
в хрустальных ветках, серьгах
утопает,
сверкает в непорочном
серебре,
как Королева Снежная,
святая...
Но странно – в бледных
отсветах
зари
я женский лик так близко
различаю:
румянец на щеках, – иль
снегири
на ветках... И опять души не
чаю!
Прошло немалых долгих,
трудных лет,
а предо мной все тот же ясный
свет:
в костюме белом, светлая,
с улыбкой
пронзительной,
по даче Вы прошли
среди цветов... И может,
по ошибке,
вдруг биотоки сердце
мне прожгли!..
А вечером ушли Вы не одни,
и были отчужденно холодны...
Но с той поры нет образа
светлей!
И вот сейчас в мерцающей заре
я вспомнил: день рожденья
в декабре
у Вас... О Боже, даже –
юбилей!..
Что б ни было – судьбу
благодарю,
Вас и березу снежную –
ЛЮБЛЮ.

ДРЁМА ЛУГОВАЯ

А день с утра безоблачен,
горяч.
Поникли травы, вянет лист
берёзы,
гудят шмели.
И на поляне грач
вздремнул, над ним парят легко
стрекозы...
Пылит дорога на краю
села,
там стадо медленно бредёт
до речки.
Сию я в лодке – с мокрого
весла
срываются блестящие
колечки.
И нет конца ни дрёме
луговой,
ни дымке призрачной
с речной излучины.
А солнце плавится над
головой,
и на воде играют в жмурки
лучики...

ЗАКАТ

Золотые плывут облака.
Золотистые блики на
речке.
Рыжие у лошадки бока
влажной шерстью
отсвечивают.
С красным блеском
горшки на плетне.
Огненные над крышами
трубы...
И алеет одежда на мне.
Жаром дышат собачьи
губы.

БЕРЁЗОВАЯ РОЩА

Она стоит над речкою
царевной.
Возвышенная – светит и
искрит!

Иду я к ней на исповедь,
как в церковь:
в листве зелёной божество
горит.
Вхожу под ветви:
тишина сквозная.
Прохладу ощущаю
на лице...
Берёзка – мать, в коре твоей
есть шрамы,
они – воспоминанье об
отце.
Отце, погибшем в
страшную войну...
И эту горечь я в душе
храню.

БЕССОННИЦА

Над озером – огромная луна,
поблескивают лодки на
приколе.
Вокруг кусты, камыш и –
тишина...
Я слышу лай собачий в
дальнем
поле.
Костёр погас.
С надрывами храпит
напарник мой, уставший
на болоте...
Луна так низко над водой
висит –
видны мне камышинки
с позолотой.

ВМЁРЗШИЕ СЕТИ

Покрылись льдом
камышовые плёсы,
и первым снежком
ветер иней разносит.
И чаек не слышно,
и утки не кричат...
Ночь холодом дышит
на лоб мой горячий.
На плёсе, раздетый,
веслом лёд долбал
и вмёрзшие сети
весь день добывал.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь бил в лицо с порывом
ветра,
с небес катился грозный гул...

Возле берёзы встал под ветви.
 День летний в сумрак потонул.
 Прошли минуты.
 Ливень схлынул,
 скатились тучи за леса...
 До блеска дождичек всё
 вымыл –
 и капли всюду, как роса!
 Вмиг солнце брызнуло лучами,
 зацвёл и заискрился простор.
 Очнулись птицы, закричали –
 и в грудь мою вошёл восторг!..

ШУМ БЕРЁЗ

Ветра нет.
 Но в тихой зорьке
 слышу близкий шум берёз:
 в нём – полны запах горький,
 в нём – шептанье дальних
 звёзд.
 В нём – все звуки
 пробужденья:
 всплеск крыла дремавших
 птах,
 капель росных вниз
 скольженье
 и букашек первый страх...
 Листья ото сна очнулись –
 и лепечут, и поют.
 Веточка слегка качнулась –
 муравьи по ней ползут.
 Тонко тенькнула синица,
 сети вьёт свои паук...
 Лёгкий пар внутри струится,
 и скрипит засохший сук.

ЗИМНИЙ РЯМ

Под вечер так зелено в мягком
 ряму!
 Снежинки затеяли в нём
 кутерьму:
 с верхушек скользят...
 в ветках лепят снежки...
 и алую ягоду прячут в
 мешки...

Старик по лыжне на заимку
 спешит,
 и взгляд молодеет от веток
 зелёных,
 а лайка его на поляне в тиши
 крадётся вдоль лунок, в снегу
 затаённых.
 В тех домиках –
 лунках те-те-ре-ва,
 с деревьев слетев, будут спать
 до утра.
 И лайка сторонкою птиц всех
 обходит –
 лишь соболь и белка нужны ей
 в охоте.

ЛЕСОСЕКА

Был отец мой дровосеком,
 брал меня с собою в лес.
 Помню я, как в лесосеке
 на деревья, к гнёздам лез...
 И журил меня отец:
 «Не слети с ветвей, скворец!».

Я – ЧУЖОЙ

Я в лес вошёл – сплошная
 тишина.
 Покачивает ветка мирно
 листья.
 И лишь пчела передо мной
 одна
 на маковке цветка нектар всё
 ищет.
 Две-три минуты длилась
 немота,
 лес очнулся, ожил:
 Крик птичий, шорох с каждого
 куста...
 Да, я – чужой здесь,
 а точнее – прохожий.

НА РЕЧКЕ ШИШ

Легко взбираюсь я на кручу.
 Былинный яр, тропа – узка...
 В еловых лапах малый лучик
 мелькнул прощально, с висока.
 Вхожу в овраг.
 В нём – сумрак, сыро.
 Клокочет дико водопад.
 Поляна впереди открылась,
 и алостью цветы горят...
 По грудь таёжные цветы –
 необычайной красоты.

*Лайка загнала зверька на дерево.
 Громко лает, зовёт охотника.*

РАЗВЕДРИЛО

С утра металась тучи,
 и ветер листья рвал...
 Разведрило –
 и лучик
 на лодке засверкал.
 Я вылез из палатки
 на солнечный простор
 в одежде влажной,
 мятой –
 глаза свои протер.
 Разведрило!..
 Разведрило
 и в мыслях и в душе!
 И воля стала твердою,
 и весь я посвежел!..

* * *

Камыш стеной темнеет вдоль
 причала,
 над ним кружа
 в наплывшей тишине,
 как по сигналу, чайки
 замолчали
 и сели на прибрежном зыбуне.
 Я задремал...
 С лохматыми бровями
 Емеля-дед
 рукой убрал зарю,
 прикрыл луга туманным
 покрывалом
 и заложил табак себе в ноздрю.
 И так чихнул,
 что молния упруго
 свилась над колосящеюся
 нивой...
 И рассмеялся, сотряся
 округу...
 ...Проснулся я,
 а надо мною – ливень!
 Сверкали молнии,
 грома гремели...

И я залез под лодку,
как сурок,
и вспоминал про дедушку
Емелю.
А сон-то
в руку –
слыл дед
как пророк!

Я В ГОРОДЕ СКУЧАЛ

Через ночь дорога пролегла...
Вывездило и похолодало...
Огоньки знакомого села
на ночлег манили, как бывало.
Только некогда передохнуть,
и гудит мотор, свистят
колеса...
Близко в небе вьётся Млечный
путь,
полумесяц – словно знак
вопроса.
...Вот озёрный рям, камыш,
причал –
как я в городе без вас скучал!..

ЛЕСОСТЕПЬ

Здесь – осины, там – берёзы.
Синь поляны меж лесов.
Остывает отсвет розовый
летающих облаков.
Островками перелески...
Лесостепь –
мой край прелестный!

33. ТВОЯ ЛЮБОВЬ

* * *

Твоя любовь –
не легкая пыльца,
что веет с яркой розы
золотистой...

Твоя любовь –
не красота лица,
хотя и ей могу вполне
гордиться!
Твоя любовь –
не синий небосклон
и прелести всего земного рая...
Твоя любовь –
от бед любых заслон,
когда хожу по острому я краю!
Твоя любовь –
высокой чести долг,
в ней материнство,
женственность, забота,
и если я чего-то в жизни смог,
то это ты мне помогла,
не кто-то.
Твоя любовь –
рассветный, ясный свет
и луговое майское цветенье!..
И без тебя,
пожалуй, просто нет
меня, семьи –
всей жизни продолженья!

Я НЕ ПРЕДАМ

И пусть мерцает холодно
восход,
и в ночь, порою, лужа
замерзает,
но скворушка нам
радостно поет,
что время для влюбленных
наступает...
Цветет сирень, белея, по
садам –
и в небе синем – с громом
первый дождик!..
Своей любви к тебе я не
предам,
я с нею до весны желанной
дожил.

* * *

Ты, как эти дни, непостоянна,
как ручьи, как талые снега!..
То – смеёшься звонко,
неустанно...
То, вдруг, молчалива и строга.
Я люблю лучи твоей улыбки,
я ловлю задумчивый твой
взгляд...

Утром было солнце!..
По ошибке
к ночи разразился снегопад.
Потемнело небо, помутнело –
мокрый снег кружится
допоздна,
улица под вечер побелела,
словно здесь и не была весна.
... У окна сидишь, прилежно
вяжешь,
поправляешь шторы и
молчишь...
Ничего не спросишь, не
расскажешь –
и меж нами тягостная тишь.
Знаю я, придёт пора – растают
все снега, в саду мы будем
жить!..
– Но какие холода пугают,
если ты не можешь не
грустить?!

* * *

Ветра промчались тёплые
с ковыльной стороны,
тугие почки лопнули
среди майской тишины!..
С утра листва зелёная
одела тополя...
Во взглядах всех влюблённых
рассветинки горят!..
Плывут гудки над речкою
в безбрежный небосвод.
И птичьими наречьями
гусиный клич – с высот.
Грачи слетелись стаями
на влажные поля!..
Оттаяла, оттаяла
родимая земля!
Как вольно, легче дышится
под первую листвою!
... В шуме веток слышится
далёкий голос твой!!

* * *

Ты в глаза мои гляди почаще –
и поверишь чувству моему.
В них увидишь огонёк
горящий –
это сердце светит через тьму!
Ни ветра и ни ночная слякоть
не страшны, когда с тобой
вдвоём.
Если жизнь заставит нас
заплакать –
взявшись за руки, переживём!

ШУТКА

Умру – одиноко поплачешь...
Жить буду – поплачешь
вдвойне!
Ты дорого очень заплатишь
за то, что понравилась мне!!!

* * *

Солнце светит над поляной,
а подснежников все нет...
Ты опять непостоянна,
как ручьи,
как вешний снег.
То смеешься, то ревнива...
То добра, а то строга...
Вечером была счастливой –
ночью выпали снега.
Ты проснулась,
брови хмуришь,
отвечаешь невпопад,
у окна сидишь понуро.
Вновь под снегом тихий сад.
Кто в глаза твои заглянет,
душу кто твою поймет?
Ты со мной непостоянна,
как ручьи,
как вешний лед.

* * *

Днем ты –
свет в оконце!
Ночью ты – луна!..
Проживу без солнца,
обойдусь без сна.
Лишь была бы рядом,
улыбалась мне –
много ль счастья надо
людям по весне?

ТЫ – СВЕТИЛАСЬ!

Заметно прибавилось сини
в проталинах меж облаков...
Я сердце, как будто бы вынул –
и талой водой его вымыл
в сверканье несбыточных
снов!
Но солнце под вечер
скатилось
в озёрную тёмную глубь...
А ты вдалеке мне светила –
как божья, забытая милость,
с улыбкой таинственных губ.

* * *

Желтоватые поляны
на опушке меж берез
терпким запахом дурманят,
душу трогают до слез.
Отгорели, отшумели
листья ветреного дня.
С грустным полем неужели
столь созвучий у меня?!
Эти думы, эти шумы
мне поет густой овес.
У березки тонкой, юной
ветер блески рвет из кос.
Только озими нет дела
до ветров и холодов.
Как она зазеленела –
поклониться ей готов!
Вновь шагаю луговиной
к светлой речке у рямка
и, раздумьями гонимый,
хмурю брови я слегка.
Но на сердце прорастают
для тебя любви слова –
словно птицы вылетают
там, где в небе синева!

* * *

Снег закрыл небеса и
просторы,
хлопья снега чисты и нежны –
как узоры

на легких шторах
у далекой,
но верной жены...
Страхи прочь!
Прочь завесы и дымы!..
Дань забудьте,
раскаянья нет –
я прощенья прошу у любимой
через сотни сомнений
и бед!
Я на озере диком,
пустынном
зло ломаю предательский лед,
и опять предо мной
тлен незримый
и грозящий судьбы поворот!
Оступись на мгновенье –
и сразу
смертным холодом
будешь сжат...
Я тобою давно наказан –
как, не знаю,
вернуться назад.

* * *

За окном метельный ветер
свищет,
в проводах тоскливое нытье!..
Захотелось мне, грустя,
помыслить
и понять насущное, свое!
Вышел в поле...
Сумрачно и дико
волнами поземка вдаль
скользит,
слышу храп коня, полозьев
скрипы...
На лугу знакомый стог стоит.
Он – под шапкой снежной,
великана –
весь пропахший травами,
теплом.
Грустное мое воспоминанье
об охоте, лете, о былом!
Милое бродяжничество!..
Тайна увяданья,
крики журавлей...
Что же вечно в жизни,
что случайно,
что же главное в судьбе моей?!
Я преподаватель,
я учитель –
вечное, святое ремесло!
Как мне быть сегодня,
подскажите,

если в душу снега намело?
Голод приближается, разруха,
хватит ли терпенья,
наших сил
побороть нужду, собравшись с
духом,
чтобы день счастливый
наступил?

ЛЮБИМАЯ, ПРОСТИ...

Аэропорт...
рекламные огни...
турбины отгремели,
ставят трапы...
Слежу я издали
за профилем одним –
он ближе, ближе –
как огонь из мрака.
Подходишь... «Здравствуй...
Где твой поцелуй?»
В глазах усталых
чистота и нежность.
«...И не смотри так строго,
не ревнуй,
я прежняя,
не надо быть железным...»
Целую, вещи медленно беру...
Бреду к машине...
О какой измене
я грезил?..
Сам теперь, как на духу,
готов стать на колени!
«Любимая, прости!..» –
шепчу себе,
но холодны мои движенья,
речи...
Проходим в взбудораженной
толпе,
и близостью своею лечишь,
лечишь...
«Любимая, прости!..» –
твержу, твержу,
из плена тяжких бредней
вырываясь,
и с прежней нежностью
тайком слежу,
как прядь волос
ты тихо поправляешь.
«Любимая,
прости меня, прости!..»
...Закрыла дверцу,
мне в плечо уткнулась:
и по щеке, блеснув,
слеза скользнула...

И вспыхнул свет
на вздрогнувшем пути.

ДАЖЕ ВО СНЕ ПОНИМАЮ

Здесь, где лохматые сосны
таёжную пьют тишину,
в одежде ещё не просохшей,
я по мертвецки засну.
Будут медведи мне сниться
и рой мошкары на тропе...
Приснится, как с первой
зарницей
я возвращаюсь к тебе.
И нежно тебя обнимаю
в сотый, наверное, раз...
... Но даже во сне понимаю:
как далека ты сейчас!..

* * *

Заснеженность,
заснеженность...
Березок бахрама.
Из холода и нежности
сугробы-терема.
Сверкает поле белое,
а дальше – гребни крыш...
И что с собой поделаю,
когда в глазах стоишь.
Не ты ль поешь полозьями,
щеглами метишь путь,
не ты ли с веток гроздь
ссыпашь мне на грудь?
Сквозь призрачную сетку
ветвей и куржака
следишь ты, незаметная,
ревнива и строга.
Летят снежинки, кружатся,
скользят в сугроб, скользят...
И дарит силу, мужество
Твой негасимый взгляд!

34. ПРЕДЗИМЬЕ

* * *

Неяркий лист осеннего ковра
ласкает шаг, уводит в
перелески.
Речная заводь –
в бликах серебра!
Из кочкары бекас взлетает
с треском.
Зигагами – всё выше, всё
быстрей!..

Крикливый чибис над собакой
вьётся.
В высоком небе – нити
журавлей.
Под ледящим ветром ива
гнётся.

У БАБУШКИ МАРФЫ

Деревня Покровка над
льдиною
Ошей
встречает меня белой первой
порошей.
И грузные гуси по тонким
ледышкам
на лапках скользят
и гогочут с одышкой.
Над самой рекою –
с резьбою изба,
тесовый забор, новая
городьба...
У бабушки Марфы пыхтит
самовар, –
оладушки, вафли...
Над блюдами пар.
У бабушки Марфы варений
не счесть,
А в вазе цветной леденцы
даже есть!

ЗА СЕНОМ

С дедом в сани на солому
в шубе старенькой сажусь.
Нас Серко везет из дома
в поле, к белому стожку.
Снегири алеют в ветках.
Стороной летят щеглы...
А под шубой – воздух
летний,
пар плывет из-под полы.
Вот и стог. Граблями
скинув
шапку снежную, кладем
воз... Цветами
пахнет, тмином,
клевером... Грибным
дождем!

В ЗИМНЕМ ДЕНДРАРИИ

Я гуляю по зимнему лесу,
для тебя сочиняю стихи...
Вот в кустах кто-то
веточкой треснул...

Вот щеглы просвистели,
лихи!..
Снегири на сугробе алеют.
Сосны, ели – вокруг
зелено!
О весне той давно не
жалею,
и, признаться, тебе все
равно.
Вдоль поляны поземка по-
лисьи
заметают тропинки мои...
К неотправленным ранее
письмам
эти, несколько строчек,
возьми!

с. Подгородка

ДРЕВНЕЕ ремесло

Из прутьев ивовых мордушку
я с дедом у реки плету.
Он – в обод сверху,
словно в ушко,
вставляет прут – я снизу жду.
Веду дорожкой обводною,
и прутья мягкие, как жгут,
сверкая влажной белизною,
за кругом круг бегут, бегут...

ЛИК ПРИРОДЫ

Смотрю любовно в лик
Природы.
Рождаясь, яркая заря
сквозь ночь таинственно
восходит
с призывной песней глухаря...
День проступает, в струйном
свете
поляна нежит васильки.
Вот резеда и горчицеты
раскрыли к солнцу лепестки.
Пичуга свищет в перелеске,
над полем жаворонка трель,
вновь чибис надо мною резко
кричит...
И длится вечность день!
Но к ночи шум и гам стихают,
немеет мрачный небосклон.
Взошла луна...
Дышу – стихами.
Земля чудесный видит сон.

ДЕД МИТРОФАН

В щель сарая влез хорёк,
и зверюшке невдомёк,
что охотник – дед сердитый
в дверь капкан установил,
натянул две сетки скрытно...
Кур пропавших не забыл.

* * *

Порозовело – к холоду...
Мерцает небосвод.
Лед в лужице расколотый,
скользит – и звон идет.
Дождлив ноябрь. До снега
совсем недалеко...
Стог выбрал для ночлега,
влезая глубоко.
В нем пахнет лугом свежим!..
Дремлю... Мне коростель
поет... И пухом нежит
волшебная постель.

ЗАЯЦ-БЕЛЯК

Месяц из-за тучи
показался.
В небе тёмном – проблески
зари.
Холодно в лесу и страшно
зайцу –
шёрсткой белой на снегу
дрожит.
Ночь длинна для зайца-беяка,
он, вскочив, бежит вокруг
леска.
Чу! Вот с боку свежий след
лисицы –
где она, среди каких
кустов?
И зайчишка прочь,
подальше мчится,
а за ним следы больших
прыжков.
Впереди плетни и огороды,
лай собак.
И здесь не в первый раз
от лисиц защиту он
находит...
Светят окна в избах сотней
глаз.

ВОЛЧИЙ ВОЙ

Лунный свет...
Хруст морозный,

печальный –
на снегу лап огромных
следы.
Волчий вой от болотины
дальней
наплывает в просвет
городьбы.
Под навесом – скотина в
сарайке.
Пар над крышей в соломе
встаёт.
И Мурзилка – отменная
лайка,
чуть визжа, сзади робко
бредёт.
Я с берданкой, пацан
деревенский,
обхожу сеновал, огород.
Рядом – лес, затаились
деревья.

У ПРОРУБИ

Отсвечивает лед металлом,
застыли копыта камыша...
А прорубь в пузырьках метана
парит, еще теплом дыша.
Мальки сверкают в синей
глуби,
травой зеленой пахнет ил...
О, злой мороз, ты все
погубишь –
У речки мелкой мало сил.
Быстрее бы снегом обметало
ее крутые берега.
Ведь как-то было: промерзала
до дна, и рыб не сберегла.
речка Оша.

ВОЛК

Его поймал в капкан
охотник.
Набросив сетку, как в
мешке,
тащил верст десять по
болоту...
Потом повез в грузовике...
Потом на поезде... И вот –
волк в цирке месяц уж
живет.

На войлоке, в железной
клетке
встречает мрачные
рассветы...

Он пищу не берет с
подноса,
и не скулит, и не рычит –
хоть дрессировщик кнут
подносит,
размахивает и грозит...
Волк похудел – одни лишь
ребра,
да взгляд горящий, ярый,
злой...
Медведь-сосед с улыбкой
доброй
советует: не будь такой.
Все звери в цирке – тоже
звери,
а за заботу и доверье
выходят на манеж с
охотой,
забыв поля, тайгу, болота...
Но исподлобья волк
глядит,
медведю грустно говорит:
«Какое это унижение –
здесь умер тигр от
ожиренья!...
И от тоски тот бегемот
кричит, что скоро он
помрет...
Нет, лучше буду всем
врагом,
чем за кусок вилять
хвостом!...
Я не хочу смотреть на
суку,
что клоуну вон лижет
руку...
Пусть обезьяна ест
объедки, –

вот тетя та, ей – как
соседка.
Кто на кого похож – не
ясно...»
... И волк подох – то был,
не сказка.

РАННЯЯ ЗВЕЗДА

Над речкой гаснет ясный день
и, розовея, облака
в закатную уходят тень...
Звон тихий – свысока.
Восходит ранняя звезда,
как малый уголёк –
плывёт по небу наугад...
Как свет её далёк!

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Внимательней, пристальней,
строже
смотрю на летящий поток!
Машины, как люди, не схожи:
та – бедность, та – роскошь, та
– Бог!..
Подъезды, витрины – в огнях!
... А в сёлах – езда на санях...

ИЗМОРОЗЬ

Выбелила изморозь
ветки, провода...
Мне знакома издавна
эта красота.
Снежный лес сверкает
пышной бахромой,
иней рассыпая
пухом предо мной.

ДЕНЬ ОТГОРЕЛ

Осенний, тяжкий день
с молитвами и музыкой,
и с плачем...
Не стало мамы, за порогом
– тень,
и я иду в полях один,
незрячий.
И влажная, остывшая земля
стучит и ропщет гулко под
ногами.
... Там, в черной рамке, боли
затая,
на кладбище осталась моя
мама.

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ОХОТЫ

Терпко пахнет листвою
опавшей,
свежей сыростью ветка
сквозит...
И луна, словно ищет пропажу,
тусклым взглядом по лесу
скользит.
Ветер стих... Белой прядью
тумана
покрываются речка и луг...
Там, в избе, одинокая мама
задремала... Ей чудится стук.

ОСЕННИЕ ДНИ

В поднебесье синем
вызревает иней,
клич плывёт гусиный
с белым пухом зимним!
На озёрах клекот
лебединой стаи,
паутины блеклые
на шестах мелькают.
А на малом плёсе –
лёд, во льду – подранки.
И кричит мне слёзно
выпь на зорьке ранней...

35. МОРОЗНЫЕ УЗОРЫ

ЯНВАРСКИЙ ВОЗДУХ РАСКАЛЁННЫЙ

Январский воздух
раскалённый...
Мороз за сорок – прячу нос...
Как в новой, беленькой
дублёнке,
мой город инеем оброс.
Кусты, деревья – в кружевах!
Зима всем дарит по обновке...
– Какие белые серёжки
у той вон, маленькой берёзки,
на загляденье: «Просто – ах!..»
... А окна – в синей поволоке,
на стёклах – чудные цветы...
И мнится берег мне далёкий
и милой девушки черты!

НЕТРОНУТАЯ КРАСОТА

Дендрарий зимний полудик:
навстречу в шапках снежных
пихты...
сосновый бор... кедрач
возник...
– Повсюду дремлет мир
притихший.
С утра – такая белизна!..
Глаза слезятся, как от счастья!
И что ни шаг – то новизна,
и ты к ней чуточку
причастен...
... Стою под ёлками:
звенит
меж веточек струна лесная,
я слышу – кровь в висках
стучит,
за ворот холодок стекает!..
Здесь – заячьи следы подряд...
Там – дятел у дупла зацокал...
И целомудренности рад,
счастливый я, и одинокий!
Нетронутая красота –
как в городах, столицах мало
тебя, святая чистота!..
Как мне чудес недоставало!..

ЗИМНЕЕ УТРО

Крик вороний –
простуженный, злой,
просыпается в зимней
роще,
выплывая из дымки седой,
кружит в небе, на зимушку
ропщет.
Вижу я: на реке – полынья,
над водой – облако воронья.

* * *

Меня окружает завьюженный
лес,
и лыжная змейка по снегу
ведёт меня зимнею сказкой
чудес
в сугробы серебряной неги.
Куда ни посмотришь, искрит
белизна,
знобящая свежесть простора,
а в ней чистоты неземной
глубина...
И всё же душа с чем-то в
споре.

ЗИМНИК

Через озеро, болотом
едем в санях мы по льду,
едем в согру на охоту.
Конь трусит так неохотно...
А в снежинке, словно в
льдинке, –
свет, похожий на звезду!

ДЕД СОФЕТ

Дед Софет – охотник знатный
и сноровкой, и умом.
Знают все в Старосолдатке
на заимке его дом.
Вся охота – за Буслами.
И тех мест он старожил...
Зверя, птицу промышляя,
он капкан мне подарил.
На охоту взял с собою,
я полынью тёр капкан...
Утром встал, а он – с лисою!..
Так охотником стал сам.

ПЕРВАЯ ПОРОША

Седует лес, грустит жнивье,
белеет даль в холодной
дымке...
Охотник смотрит на ружьё
и шепчет: «Как там, на
заимке?..»
Он стар и глух,
сам – как зима...
С дремучей бородою,
в ушанке и больших пимах,
глядит в поля с тоскою...

ДОМИК ЛЕСНИКА

Снег да бездорожье...
Вверху – висит луна...
В роще осторожной
спит льдинкой тишина.
Мы скользим на лыжах
с увала на увал...
Путь у нас не близкий,
но рядышком – привал.

За соседней согрой –
домик лесника.
... Тычет пёсик морду
у каждого пенька.
Дышит Фёдор тяжело
под морозный скрип.
Мокрою тельняшкой
к рюкзаку прилип...
У реки-дорожки,
«путики» вокруг...
Домик спрятан в роще,
дед – наш давний друг.

СНЕГОПАД

Словно листики сирени
или яблонь первый цвет –
в зимний вечер неизменно
навеваешь грустный свет!
Снегопад! – летят снежинки,
лепестками льнут к стеклу...
В этот холод долгий, зимний –
рад свеченью твоему!

ЛЕСНАЯ УЛИЦА

Деревья подступили к избам,
и стала улица – в лесу...
Огни из окон... По изгибам
в проулок ветры снег метут.
Иду по мягкому снежочку
до крайней, брошенной избы...
Вот след зайчишки в два
прыжочка,
Вот лисий – там, у городьбы...
Собака злобно лает где-то.
На ветках иней – звёздный
блеск...
Луна выходит до рассвета,
ей плыть и плыть в краю чудес.

ЛЫЖНАЯ ПРОГУЛКА

Замела пурга дорожки...
Лес притихший – осторожен...
Ель покрыта снежной шубкой,
зеленью лучится вся...
А кустарник в белой юбке
спит в овраге, затаясь...
В мягкой шляпе, набекрень,
на опушку вышел пенёк...
Сток сияет на поляне,
он – в папахе великана...
Лисий след...

Вот крыльев взмах
на снегу... и писк в кустах?..
... Лес искрится и поёт.

ЗИМНИЕ ПРИЧУДЫ

На заснеженной полянке –
там и здесь – повсюду ямки...
Кто в них прячется, живёт?
Вижу крыльев росчерк – взлёт!
Ну, всё ясно: куропатки
спали в них.
Играли в прятки...

У ПРОРУБИ

Отсвечивает лед металлом,
застыли копыта камыша...
А прорубь в пузырьках метана
парит, еще теплом дыша.
Мальки сверкают в синей
глуби,
травой зеленой пахнет ил...
О, злой мороз, ты все
погубишь –
у речки мелкой мало сил.
Быстрее бы снегом обметало
ее крутые берега.
Ведь как-то было: промерзала
до дна, и рыб не сберегла.

речка Оша

* * *

Прошла метель шальная
и выбелила лес.
Душа моя живая
и в холод ждёт чудес.
Трескучие морозы
в заснеженных лесах
мне подарили розы
на стынущих ветвях.
Любуюсь: как красивы
пушистые кусты
у ивушка сонливой –
и как они чисты!
Лес тих.
Застыл в дремоте
на ветвях холодок.
Скупую позолотой
окрасился восток.
Там солнышко несмело
над лесом поднялось
и в поле нежно-белом
огнями занялось.
И бледными лучами
засеребрилась даль.

А я брожу, скучаю –
и мне чего-то жаль.
Душа моя живая
и в холод ждёт чудес,
совсем не понимая,
что спит зимою лес.

* * *

Озябший лес
хватила седина –
от инея закуржавели ветки!
Морозец лужи высветил до
дна,
и слышен крик гусей
в полях рассветных.
И словно кем-то брошенный
снежок –
бежит, крича,
по полю куропатка!
Заиндевел у озера стожок,
шиповник на кустах
алеет сладкий.

Вот здесь,
под утро,
на петлял зайчишка –
на побелевших листьях
смутный след.
В кустах мелькнула
беленькая птичка –
а может,
первый снег?!

* * *

Приснились мне к чему-то
сани
и по снежочку первый след...
К утру погода наша манит,
пожалуй, первый снег.
Палатка нервно трепыхает,
как птица
с раненым крылом.
Лес то поет,
то завывает,
с последним распротысь
листом.
На четвереньках
из палатки

я вылезаю: ветер, дрожь...
Я в шапке, телогрейке ватной,
но продувает все насквозь!
Стою, прислушиваюсь чутко,
в лицо летит дождинок лед...
За камышами кричат утки,
собравшись в дальний перелет.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ

... В окнах – снег и свист
зимы...
Одеваю я пимы,
выбегаю на мороз,
в рукавичку прячу нос.
А на речке у обрыва –
ребетня и шум крикливый.
Кто на лыжах, кто на санках –
машет шапкой мне друг
Санька.
С горки мчит он на
трамплин...
Дзинь!..
Взметнулся снежный дым.
Санька белый, весь в снегу.
Я к нему бегу... бегу...

ЯНВАРЬ-ПРОСИНЕЦ

Засинела высь... Березы инеем
Накрылись – сучьев не видать.
Саннный след – две тоненькие
линии,
и по ним мне хочется гадать.
В белизне светящейся,
пушистой
не пойму: где поле, а где лес –
все белым-бело... Легко и
чисто!..
Просинец, ты родом из чудес.
Перелом зимы... И тонкий
запах
от полыни в воздухе повис...
Вот и след, чуть вдавленный,
от лапы –
это крался осторожный лис.

* * *

Зимний лес, полупризрачный
лес,
в белых бликах ковра-
покрывала,
Чисто так...
Чудо близких небес,
приюти мою душу усталую.
Как светло от обвальных
снегов,
как узорчивы гребни
сугробов...
Я вернулся из дальних краёв,
эти холмики – вроде
надгробий.
Я вернулся – в поклоне
клонюсь,
вдаль иду по безлюдному
полю.
И шепчу: «Здравствуй, край –
и молюсь, –
возврати мою радость и
боли!».

36. ПОЗЕМКА

ПОД НОВЫЙ ГОД

Я вылеплен насквозь из снега –
метель, круговорот!..
И кажется: не с неба – в небо
вихрь белый прёт!
Швыряет хлопья одичало
в моё лицо,
волною белою качает –
берёт в кольцо.
На шапке, куртке –
комья снега...
Мерцают фонари.
Не видно под ногами следа –
остановись!.. Замри!..

И хочется мне затеряться,
в метель уплыть...
Совсем не нужно притворяться
кого-нибудь любить.
Ведь, чистота вокруг такая!..
Такая – белизна!..
Мечта манящая, мерцающая,
зовёт!.. И жизнь – ясна!..
Душа очнулась в чудном миге:
Светись, метель!..
Всё прошлое, как в скучной
книге,
за тридевять земель.
Ресницы, брови – всё из снега,
жар щёки жжёт!..
Таким вот светлым сроду не
был –
ах, как метёт!!!

ВОЛЧЬЯ СТАЯ

Ещё снега во тьме мерцают
холодным отсветом зари,
а вдоль поскотин волчья стая
обходит задние дворы.
Вожак поджарый носом водит,
крадётся – и на крышу сходу!
Овчарник сверху разгребаёт...
За ним врывается вся стая...
... В деревне слышен лай
собак,
но зверь бесстрашен
натошак...

ФЕВРАЛЬ

В полях – метельный зов.
Там озимь, днюя и ночуя,
забытой нежностью цветов
приснилась.
Даже запах чую!
Былинки зелени густой,
заиндевав, искрят под снегом.
Я сплю – и вижу, как весной
иду вдоль тучной нивы
хлебной.
Ты поле – музыкой зовёшь,
встаёшь под синью зоревою
и спелым колосом плывёшь...
Горжусь суровою судьбою!

В МЕТЕЛЬ

Заметает дорогу метель
и буксуют колёса в кювете...

Радиаторный бак закипел –
глохнет двигатель перегретый.
Многотонный КамАЗ в снег
увяз,
и водитель, ругаясь, поносит
снег...
На сколько хватает глаз –
по дороге – заносы, заносы...
До деревни вёрст десять идти,
нужен трактор...
Как бросить машину?..
... Уже вечер,
лишь мрак
– впереди...
Снежный шквал сотрясает
кабину.

НА ВЕЗДЕХОДЕ

Замела метель в лесу дорогу,
напрямик наш путь, через
кусты.
В свете фар два следа – как
тревога!
– сразу выплыли из темноты.
Это лис здесь крался за
зайчишкой...
Вот овраг – следов любых –
полно.
Натропили звери всюду
слишком –
и от стёжек на снегу черно.
... Газик наш, буксуя
понемногу,
вылез на хорошую дорогу.

ТО ЛИС МЫШКУЕТ

Храпит рысак...
Рассветный лог...
Слегка поскрипывают сани...
Заснеженный встречает стог,
за ним – метнулось пламя.
Я различаю уши, хвост –
то – лис мышкует... знаю...

Зверь приподнялся, как
вопрос...
Вот прыгнул, снег взметая...
Вновь закружился, и – стрелой
в камыш рванулся разом...
Снег лапой роет... и спиной
свет рыжий отражает...
... Кустами, прячась,
подхожу –
на танец цирковой гляжу.

ВОЛК В КАПКАНЕ

Клык оскалив, злобным
взглядом
волк видит алый, с кровью
снег.
Нога в капкане, с цепью
рядом
чурбак и запах – человек?!
Рыча, клыками гнет
железо,
прыжок вперед – тяжел
чурбак,
капкан сильнее ногу
режет...
Сочится кровь... Вот лай
собак?
Спешит вдали уже
охотник.
Вновь волк клыками рвет
капкан,
грызет и ногу – с шерстью,
с костью...
И от своей крови аж пьян!
Еще скачок со страшной
силой –
капканом лапа
откусилась!
И волк на трех ногах,
прыжками,
исчез за плотными
кустами.

д. Шатайлы

В ЛЕСАХ ВАСИССА

Здесь редко ступает нога
человека –
иду я тропинкой
охотничьей:
тайга неприступная,
филина клетот –
богата природа урочища.

Фауну с флорой из века
в век
здесь сохранял человек.

ВНУЧИКИ

У бабушки Лукерьи
иконы, словно в церкви,
сияют на божнице
Христа святые лица!
Внизу тяжелой медью
тускнеют сундуки,
развешаны в передней
цветные рушники.
У бабушки Лукерьи
по вазам и горшкам –
где мед, а где варенье,
все это – к чаю нам.
Она нам шепчет: “Внучики,
вот шанежки, пирог...
Ах, гости мои лучшие,
послал вас, видно, Бог?!”

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ

Если хочешь весел быть –
сказкой дорожи.
Если хочешь в дружбе жить –
не жалея души.
С птичьей песней на заре
небу улыбнись,
и в метельном январе
в лето возвратись!

ЗАСНЕЖЕННЫЙ ЛЕС

Метель взмахнула рукавом,
рой искр по воздуху
развевая.
В лесу заснеженном,
пустом –
мне в белых ивах снятся
феи!
Мороз серчает и трещит.
Под утро вызвездило небо.
И первый санный след
лучист –
в нём теплота сквозит под
снегом.

По лугу к стогу след
бежит,
где снегирями куст горит!

НА ЗИМНЕМ ОЗЕРЕ

Вдоль кромки озера камыш
под снегом лёг в заломы...
Ондатры хатка...
Стукнул в тишь –
и сразу всплеск знакомый...
Из домика ныряют вниз...
... Здесь и зимой продлилась
жизнь!

ПИМЫ

Самокатные пимы –
это просто чудо!
В самый холод средь зимы
в них жарница юга.
Они мягки и легки –
в них ноге удобно:
что бежать вперегонки,
что идти сугробом...
Заводские же пимы
с грубою колодкой
не любили с детства мы –
был в них дух холодный.

КОНЕЦ ФЕВРАЛЯ

И метелил ... и буранил...
и позёмкой мчался, лих...
А сегодня как-то странно
потеплел зараз, притих...

В САВАНЕ БЕЛОМ

В надолбах льдистых,
В корявой шуге
дали речные застыли.
Пар полыньи...
В вечерующей мгле
сверху снежинки поплыли.
Снежные змейки ползут
сквозь камыш,

прячутся в ивы, в протоки...
 В саване белом могучий
 Иртыш
 спит, затаившись до срока.
 Тихо брожу я, стою не
 дыша –
 мучаясь, ищет созвучий
 душа.

В ЗИМНЮЮ НОЧЬ

Иван, бессонница заела
 и сытость – вздоху поперек!
 И заморожено метелью
 окно,
 и на стекле ледок.
 А лодки с наледью уплыли
 под снег
 на озере моем...
 Стоит в углу,
 покрывшись пылью,
 повороненное ружье!
 Сейчас бы в отпуск на неделю
 да в камыши залезть с ружьем!
 Я вспоминаю то и дело
 все наши выезды вдвоем.
 Я, как охотник,
 что-то значу:
 в природе знаю толк,
 люблю
 простор нехоженный
 с удачей!..
 Люблю охотничью зарю!..
 Люблю с тобой принять
 по махонькой
 над котелком, где есть навар,
 где в ложку с поля плещут
 запахи
 и от костра в лице пожар!..
 Мне чудится вновь:
 в отчете крае
 тетерева, слетев на ток,
 меня с весной уже
 поздравили!..

Дремлю...
 И сон мне невдомёк.

37. ДЕРЕВЕНСКИЕ КАРТИНЫ

БОЛЬШИЕ УКИ

В заснеженных даях –
 Большие Уки.
 Зелёные сосны стройны,
 высоки.
 Завьюжен бураном
 таёжный простор,
 встаёт за сугробом
 большой косогор.
 Там в чаще спрятались
 соболь и рысь,
 в снегу – глухари.
 Ветки кедров сплелись.
 Брусника и клюква алеют
 на кочках,
 и куропат белый
 на кустике квохчет.
 А лунною ночью голодные
 волки
 тоскливо так воют.
 Собаки все молкнут...
 В деревне у каждой избы
 палисад,
 здесь ёлочки зеленью
 праздно горят.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СНЕГОПАД

Снег напомнил деревню,
 январь, школу, деревья...
 ...К снегопаду причастна ты –
 в нём пришла и ушла
 в даль иную, светящуюся...
 Словно, и не была...

За окном тот же снег,
 яркий снег! Чудный снег!
 Но тебя давно нет!
 Теплоты давней – нет!
 Снег идёт целый день...
 Белизна... Белизна...
 Вижу вновь твою тень –
 ворожу у окна!..
 Снегопад! Снегопад!..
 Вспоминаю твой взгляд.

ДЕРЕВЕНСКОЕ УТРО

Луна да снег.
 Вдоль речки избы дремлют.
 Как выстрелы, потрескивает
 лёд.
 Прояснило.
 Дым вьётся над деревней.
 Собачий лай... и говор... скрип
 ворот...
 В сугробах лунных меркнут
 полутени.
 Сгорают в небе бледная звезда.
 Вот первая сорока пролетела...
 И стук пещни –
 и звон кусочков льда...

ОКОЛИЦА

Улица заречная
 уходит краем в лес.
 Дым из труб – колечками.
 Ночью тихо здесь.
 Чутко спит околица
 в сумраке берёз...
 Небо, словно молится,
 мигая сотней звёзд!

ПАЛИСАДНИК

Если кто-то ветку сажит
 возле дома, под окном –
 значит: будет палисадник
 со цветами и кустом...
 И акацией, сиренью
 расцветёт рассвет весенний!

РАННЯЯ ЗВЕЗДА

В просторе гаснет ясный день,
и, растворяясь, облака
в закатную уходят тень...
Слежу, задумавшись слегка.
Восходит ранняя звезда!
И я, когда-нибудь
уйду в иной мир навсегда,
испытывая грусть:
Что не смогу, как звёздный
свет,
послать на землю свой
привет!..

ЗИМНЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Смешно, бесполезно и глупо
мотаюсь весь день в толчее...
Крик улиц железною ступой
бьёт в уши, звенит в голове.
А вечером шагом скрипучим
бреду я домой в темноте,
и мучаюсь в думах тягучих
о той непроглядной черте.
Где будет мне всё безразлично,
где боль отойдёт к небесам...
А жизни дурные привычки
не Бог, а прощу себе сам.

НОВОСТРОЙКИ

Взметнулись белые стропила...
Затем на доски шифер лёг...
– Карниз подшит... И стихли
пилы.
А сверху флюгер-петушок!
Посторен дом. В нём окна
светят
на тёплый юг и на восток.
И не страшны – мороз и
ветер...
Вот новый сруб наискосок.
... Да, жизнь деревню
разорила,
из года в год несла разлад –
но пробудилась в людях сила!
И за крестьян я нынче рад.

СЕЛЬСКИЙ ВЫХОДНОЙ

Есть начало и конец
у любой недели:
лесоруб, кузнец и жнец
день за днём потели...
Убирали хлеб... дома
возводили всюду...

– Выходной день лишь зима
подарила людям.
Выходной! –
вот санный след
вдавленных полозьев
излучает ясный свет...
В холод – всяк моложе!
Снегири свистят в кустах,
грудки – вишней спелой...
Летним зноем стог пропах –
в шапке снежной, белой.
... Воскресенье – ты венец
дел больших и малых...
Слышен стук людских сердец –
радостных, усталых.

МАЙСКИЙ ГРОМ

Я видел неба глубину,
когда меж облаками,
натягивая тетиву –
весна гудит громами.
– Ах, первый гром,
весёлый гром
в счастливом небе голубом!!
Истосковавшись по теплу,
деревья тянутся неслышно
листочком каждым в синеву.
Берёзки откровеньем дышат!
А синева сквозит, звенит –
простор небесный приближая,
и жаворонок в нём висит
как талисман родного края!
Люблю я неба глубину,
где тает облачко, как льдинка,
где гром, нежданно громыхнув,
исчезнет в шапке-невидимке!
– Ах, майский гром,
беспечный гром
в высоком небе голубом.

ЗАСУХА

Май прошёл – и нет дождя,
никнут хлеб и травы.
Солнце жарит, не щадя
поле и дубравы.
Сенокосная пора –
луг желтеет, спёкся.
И в тени берёз – жара,
лист пожух, поплёкший.
Лишь пчелиный слышен
гул.
Ветерок хотя б подул...

* * *

Горит солома в кучах с
треском, шипя,
дымит вокруг жнивье...
Иду по кромке перелеска,
над полем кружит воронье.
Солома – корм,
а в нашем крае
нехватка вечная кормов.
Солому сохранить старались
порой по несколько годов.
С ней – биокорм,
с ней – концентраты...
Нет ничего – скота падеж!
В конторах есть дегенераты:
сожгут, сгноят все
ни за грош!
Горит солома...
В клубках дыма
мне видится в деревне дом,
где я – пацан, в краю любимом
то с вилами, то с топором.
Косил камыш своей буренке –
травы ведь не давал колхоз,
старался изо всех силенок
помочь везти ей
тяжкий воз...
О, нищая моя Россия!..
Когда же поумнеем мы,
чтоб хлеб за морем не просили,

ОСЕННЯЯ ЗАРЯ

Туман крадётся на
рассвете.
Роится мошек толокно.
В лицо холодный веет
ветер,
а на лугах темным-темно.
Исчезло безвозвратно
лето...
Последний лист слетает с
веток.

НЕЛЁГКАЯ РАБОТА

Длиннее тень.
Сошла за лес заря.
Окончена нелёгкая работа.

Устало ноют руки, и не зря –
они рубили сруб с такой охотой!
В колодец старый вставлен новый сруб.
В воде заря полоской золотится.
Пот рукавом стерев с горячих губ,
припал к бадье –
как лёд, чиста водица!
не замерзали средь зимы?

УТРО В ЗАРЕЧЬЕ

Выхожу босиком на крылечко...
Тишь и свежесть царят во дворе.
Крики чаек над сонною речкой,
и грачиный базар на бугре.
За поскотиной – поле ржаное,
слышен рокот комбайнов вдали –
что-то давнее и дорогое
в светлой дымке от теплой земли.
Вот наседка с цыплятами вышла,
спрыгнул кот-акробат с чердака,
воробьи застучали по крыше...
Загорелись вверху облака.

* * *

Речная заводь –
в бликах серебра!
Из кочкары бекас взлетает с треском.
Зигзагами – всё выше, всё быстрее!..
Крикливый чибис над собакой вьётся.
В высоком небе – нити журавлей.
Под леденящим ветром ива гнётся.

ПОГОДЕ БЫТЬ!

Плывут усталые комбайны по волнам нивы золотой...
Веселый ветерок забавно играет с девичьей косой.
Картошку с дочерью копаем.

Изгрызанные клубни есть,
кроты нарыли норки с краю,
от них ходов вокруг – не счесть.
А в небо высоко взлетают грачи – с крыла и на крыло скользят...
Примета есть такая: погоде быть!.. Нам повезло.

МОЯ ДЕРЕВНЯ

... Плывёт сквозь ночь моя деревня,
и, мучаясь тяжёлым сном,
то вспомнит пашню, то деревья,
то гриву с голубым овсом.
И слышит, как крадётcя осень,
как ветер мрак с болот приносит...

НА БЕРЕГУ ОЗЕРА

Однооконная изба на берегу у озера
меня нежданно сберегла от сумрака морозного.
Трещал в печи огонь слегка,
и лампа чуть светила.
И рысья шкура с потолка свисала и искрилась.
Мерцало на стене ружьё с надтреснутым прикладом,
и дед мне про своё житьё рассказывал с усладой.
Про птиц... и рыбу... и зверей...
Про одиноких егелей.

38. ЗВЁЗДНЫЕ ВЫСИ

НАЧАЛО ОСЕНИ

О чём молчат глухие чащи?
Страдать природе не дано – и весело дожди стучатся в её осеннее окно.
Летит с осин листва резная, багряным стелется ковром.
Кустарник плотный прорезая,
шиповник светится костром.

Не слышен шаг, не треснет ветка,
не вскрикнет иволга в тени...
Я пробираюсь незаметно в рямок...
Как сосны зелены!

ЕСЛИ МОЖЕШЬ

Если можешь – весел будь,
сказкой дорожи,
и о дружбе не забудь.
Не жалея души.
Птичьей песне на заре
в небо улыбнись,
И в метельном январе
в лето возвратись.
Первым быть в делах стремись,
не жалея подков.
Верить в жизнь не разучись
в пламени годов.

НА ЗОРЬКЕ

Плывут весенние дымки в речной рассветной заводи...
Вот первый всплеск – бегут круги
и в брызгах светят радуги!
Над рощей показался шар с отливом красноватым,
и по воде разлил пожар!..
В лугах – туман, как вата!
Проснулся сразу птичий мир со свистом, песней, криком!..
И ветер воздух освежил!
Жизнь стала многоликой.

В ЧАС ПОСЛЕДНИЙ

Я хочу, земля родная,
на смертельном том краю,
где болезнь и тьма слепая,

быть душою не в раю.
Мне не надо поднебесья...
Грех от Бога не тая,
в час последний,
неизбежный,
в милые уйду поля.
В них, в вечернем птичьем
хоре,
не мешая никому,
растворюсь я в алой
зорьке –
побеждая боль и тьму.

У ИРТЫША

Испепеляющий закат...
Сижу на камне у реки,
под плеск волны, грачиный
гвалт
мне думы осени горьки.
Я вспомнил юность: ледостав,
в руках блестит весло.
Звучали дивные слова –
куда их время унесло?
Свинцово светится залив
за кромкой камыша...
О чём спросить у голых ив
пытаешься, душа?!

ЗАПЛУТАЛ

Водит ночь меня в плотных,
колючих кустах...
До крови пальцы ног ободрал.
И усталость, как гиря,
висит на ногах.
Чу! Вдали загорелся фонарь!
Где палатка моя у реки, через
лес,
есть дорога к охотничьей базе.
Заплутал я изрядно, запутал
вот
бес,
что о базе не вспомнил ни
разу...

Через ночь, через даль
и туманную хмарь
мне лучи протянул светлоокий
фонарь!

В НЕНАСТЬЕ

Мчатся тучи, выются клубом.
И высокий березняк
ветви раскачал, как чубы...
На опушке – полумрак.
Там, в вершинах,
так дремуче
ветры стонут и поют...
Тайной музыкой могучей
наполняют мой приют.

ОХОТНИЧЬИ СНЫ

Набродившись по болоту,
я в солому заберусь
и, уставший от охоты,
в сладкий сон враз погружусь.
Под ночным прохладным
небом,
как в постели пуховой,
запах трав, цветов и хлеба
будет плыть над головой...
Коростеля грусть седая
и совы разбойный крик,
сны мои переплетая,
в сказку унесут на миг!

ЛЕСНАЯ ТИШИНА

Ночная тишь...
Лесная тишь...
Не понимаю:
спишь, не спишь?..
Звонит струна,
поёт струна
с названьем чудным:
– ТИШИНА.

НОЧЬЮ НА ЗАИМКЕ

Гром разразился майской
ночью.
И долго длился страшный гул.
Он с перекатами так мощно
лес сотрясал и в тьме тонул.
Грозу я слушал, как впервые,
и, сжавшись весь,
не смел постичь
небесной силы позывные,
природы тайной дикий клич!

С СОБОЮ В СПОРЕ

Я – наивный и смешной.
Верю в счастье и удачу...
Но душа порою плачет,
разуверившись судьбой.
Очень редко я смеюсь,
если рядом чье-то горе...
И с собою часто спорю:
«А на что же сам гожусь?..»
И в глазах такая грусть,
если вижу чьи-то слёзы...
Я грущу о невозможном –
жить легко не научусь.

ЗАГАДОЧНЫЙ ПУТЬ

С каждым годом светлее,
мудрее
предстаёт предо мной жизни
путь.
Даль заветная всё золотеет –
но не просто в неё заглянуть.
Что там, ждёт за чертой
горизонта?..
– Тяжелеет моя голова
от раздумий: что скроется
солнце,
оборвётся в глазах синева.
Неожиданней, чище, нежнее
на заре загорается высь.
Каждый миг берегу и жалею –
коротка и прекрасна ты, жизнь!

ОСЕННЯЯ УСТАЛОСТЬ

Уйду совсем...
Себя чуть-чуть оставлю,
в разбросанных по листикам
стихах...
Ноябрь... Иртыш немеет в
ледоставе...
К тебе иду я вновь в заветных
снах.
В прозрачное окно,
проснувшись,
глянешь,
и в предрассветной синеватой
мгле
вдруг оживёт стекла холодный
глянец: меня увидишь
в дальнем-далеке.
Не закрывай окна тяжёлой
шторой,
не отходи, побудь ещё со
мною...

Горят, дымят воздушные просторы – и музыка звенит в тиши ночной.

МЫ – ВДВОЁМ

Ты мирно спишь...
Какое счастье,
что рядом ты, что мы – вдвоём...
Да, грозы страшного ненастья наш обошли сегодня дом.
С тобою научились – можем ценить уют, беречь тепло.
Мы стали, с днями, к чувствам строже,
в беде и в радость – заодно!
... Ты мирно спишь...
Порукой счастья моя забота с каждым днём...
Через любые дни ненастья с тобою вместе мы пройдем.

ОСЕННИЙ КОСТЕР

Чуть отсыревший коробок я спичкою потер и чиркнул раз, еще разок!.. И запылал костер.
Горела ярко береста, сушняк вовсю трещал... Светились веточки куста, а лес темнее стал.
Огонь плясал, огонь гудел – и в рокоте огня послышалось, как кто-то пел...
Потом чихал, дразня... И, негодуя, звал... кричал... И искрами стрелял... И тихо плакал, осерчав... Согрившись, я дремал.

В ТАЙГЕ

Я сбежал из города в тайгу, и над речкой тихой ясноликой из сосны рублю себе избу, печь кладу – ведь я не лыком шитый.
Я умею многое: сошью из звериной шкуры куртку, чуни...
Для колодца выдолблю бадью, надо – и в сугробе заночую.

Я умею мастерски стрелять, сети ставить, находить берлоги...
Я – в тайге, но в голове опять голоса родных и гул тревоги.

МИР ЛЮБОВНЫЙ

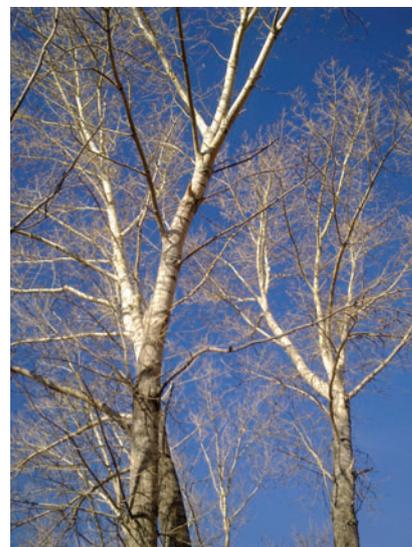
Разольётся Иртыш по весне, отзовется нечаянным всплеском...
Будут ивы купаться в волне, и утонут по грудь перелески.
Рыба в старицу выйдет метать, отложив миллионы икринок, будет в травах густых умирать, если воды обратно отхлынут.
Сотни птиц на лугах заливных гнёзда ладят, трезвонят о вечном...
Мир любовный – святая святых – пусть он будет всегда неизменчив!..

* * *

«Все впереди!..» – звучит уже насмешкою, а стук в груди день ото дня поспешнее.
«Все позади!..» – нет, это слишком строго, но блеск седин виски мои потрогал...
Надежду затая, грущу, брожу средь лета.
Да, песенка моя наполовину спета.
День катит на закат, а небо все тревожнее, и ничему не рад.
Чем дальше – невозможнее!..
А сил еще полно: работай да работай!..
Но счастье не дано измерить только потом.
Один я, одинок!..
Так, словно поздней осенью, промок в грязи, продрог – и в поле меня бросили.

Я ВЕРНУСЬ

Я вернусь, я всё-таки вернусь в ту избу, где в зыбке мать качала.
И в окно, как в зеркало, взгляжусь – и припомню всё, о чём мечталось!
В лес уйду – и меж берёз прямых на поляне красной земляничкой губы обожгу...
Сложу я стих о природе непорочной, дикой!

Я вернусь!
Что б ни было, вернусь в те леса, где жизнь меня встречала сказкой.
Где цвела святая Русь, и с красой своею повенчала...

39. СВЕТ НАДЕЖД

РУСЬ

Ты, Русь, осталась избяной...
В полях с ромашкой, горицветом меня встречаешь на рассвете в родимой стороне лесной!..
Звук реактивный в облаках просторы неба будоражит...
Вот слева – согра...
Вот – овражек...

А справа – грива, рожь в
валках...
Вот речка... Зеркальца изгиб...
Губами к роднику приник!!.

ЖУРАВЛИ

В ясный полдень в небе синем
кружат стайкой журавли.
Пригляжусь:
лишь росчерк крыльев
различаю я с земли.
Марево...
И испаренья,
как потоки, ввысь текут...
Крыльев взмах, затем –
скольжение.
По волнам плывут, плывут!
На безветрии небесном,
в синеве купаясь вновь,
чуть курлыча, грустной
песней –
дарят светлую любовь!

ВЕРНОСТЬ

Верность! – скромности
сестра...
Ей совсем не надо славы.
С верою – сильнее слабый...
С верой легче боль утрат...
Год за годом, в зной и стужу,
лжи, вранью наперекор –
устремляем к звёздам взор!
Верность всем влюблённым
служит!

РУССКОЕ ПОЛЕ

Я кланяюсь полю, рососою
омытому,
иду травяною дорожкой к
ручью...
За что, россияне, мы богом
забыты
и землю свою превратили
в «ничью»?!
А может? – Навряд ли...
Есть общее поле,
есть общее пастбище,
общий загон.
Ничейное это, чужое до боли.
Надуманый кем-то жестокий
закон.
Веками ты, Русь, завещала
мне пашни

и тучные нивы, большие
стада...
Исчезли богатства в
усобицах страшных –
лицо мое нынче горит от
стыда.

За что, моя Русь, мы
судьбой не счастливы –
такой ли сулила нам с
детства удел?
Я – сын твой,
покорный слуга, молчаливый –
но время пробило, и я осмелел!
Да здравствуй, свобода!
Надежда и воля!
Иду, как хозяин,
навстречу заре...
О русское поле,
бескрайнее поле –
ты снова, как в древность,
во мне – бунтаре!

РАБОТА НА ИЗНОС

Да, каждый день,
подаренный судьбой
уходит в сумрак, к звездам
отдаленным...
Работа на износ – борьба с
собой,
и на душе – как в роше
оголенной.
Средь седины пролысины
видны,
и тени под глазами, боли в
сердце...
Страничкой улетают мои
дни,
и все труднее радостью
согреться.

* * *

Тот залез в навоз, а тот – в
эстетство.
У соседа – творческий
запой...
Я – смешной, опять
спасаюсь бегством
от мигрени в дикий край
лесной.
Напрочь прошлое
позабываю,
освежусь я горстью из
ключа...

Буду жить я рядом с
птичьей стаей...
Любоваться небом по
ночам...

БОЖЕСТВО – ТЫ СЛОВО!

Льву Трутневу

Кем я стану? – как уйду
в мир иной, нездешний...
Может, звездочкой взойду
над землю грешной.
Может, птахой прокричу
в рошице весенней...
Может, облачком примчусь
из другой вселенной...
Кем я стану? Дать ответ
сможет только время.
А пока – гори мой свет,
сердце верой грея.
И пускай строка звеня,
дарит радость снова...
Я признаюсь, не тая:
божество – ты слово!

* * *

Пусть, что будет, я не раз
обманут.
Я молюсь на звездный,
дальний свет.
Прикоснусь к поэзии
губами
и пойму: лекарства лучше
нет!

В ЗИМНЕМ ДЕНДРАРИИ

Я гуляю по зимнему лесу,
для тебя сочиняю стихи...
Вот в кустах кто-то веточкой
треснул...
Вот щеглы просвистели,
лихи!..
Снегири на сугробе алеют.
Сосны, ели – вокруг зелено!
О весне той давно не жалею,
и, признаться, тебе все равно.
Вдоль поляны
поземка по-лисьи
заметает тропинки мои...
К неотправленным ранее
письмам
эти, несколько строчек, возьми!
с. Подгорodka

В ЧУЖОЙ ИЗБЕ

Запах сена в клети, где
теленок
чмокает губами. Стук ведра...
Кот мурлычет в ухо мне
спросонок,
писк дыпляет – все это, как
вчера!
Ты – полузабытое, родное –
вмиг воскресло, и в чужой избе
вижу столько ласки и покоя!
И иной завидую судьбе.
Колыханье тонкой занавески,
стук ухвата и заслонки звон...
От мороза в стенах, в окнах –
трески...
Музыка плывет со всех сторон.

д. Усть-Логатка

РОССИЯ, СЛАВНАЯ, ВОССТАНЬ!

Россия славная, восстань
из лжи, из нечестии, раздора!..
Сочится кровь из многих ран:
беда – к беде, за ссорой –
ссора!
Зовёт с мольбою вновь Чечня
и Карабах смятенье множит.
В Осетии вражда – резня...
И страх, с мурашками по
коже...
Братоубийство!?. Как, доколе
терпеть насилие и боли?
Россия, гордая, верни
спокойствие, надежду людям,
родство и святость сохрани –
и беженцев меж нас – не будет.

НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

Моя душа летит к озёрам,
к прозрачной, голубой воде!
– Люблю Сибирские просторы
и не забуду их нигде.
Мне даже солнечные пляжи
у моря не заменят их!..
Лежу и думаю: вояжи
к чему, не пишется коль стих!?

ПОЗДНИЕ ПРИЗНАНИЯ

Я – ничего. Терплю. Живу...
Но в сказки о добре – не верю.
Порою правду замолчу,
скрываясь незлобивым зверем..

Смотрю спокойно на закат,
и даже гром и шквальный
вихорь
меня с тобой не разлучат –
а станут музыкою тихой!
Антенной шест вознёсся
ввысь,
на нём сверкает паутина.
Все звуки к озеру сошлись
и тонут в голубой пучине...

ТОРОПЛЮ СВОИ ГОДА

Так хотелось мне всегда
в детстве, и позднее:
чтоб скорее шли года,
чтоб я стал взрослее.
Трудно рос я...
Смел и дюж,
без отца я выжил...
Пообъездил весь Союз –
был стрелок и лыжник.
Строил мост и сад сажал,
написал семь книжек...
Честь и Совесть уважал...
Был везде не лишним.
... Подустал, но как всегда,
тороплю свои года...

СТАРОРЕЖИМНЫЙ

Там – промолчал... Здесь –
Усомнился...
Глаза отвёл, не взбунтовал...
Полунеправде поклонился,
поскольку друг её сказал.
Я независим был с рожденья,
так что внутри оборвалось!?
Зачем смотрю вновь с
вожделеньем
на пыльный, старый паровоз?..
Он в тупике, спит на приколе –
жизнь стороной летит, звенит!..
... И я шепчу себе: «Доколе
угодничать, людей смешить!?»

ДЕРЖИСЬ!

Такое время, милый мой:
не сосчитать задач.
С хмельною, тяжкой головой
сопи в ду-ду, не плачь.
Под ругань, ссоры – сгоряча
не проклинай ты жизнь.
Не жди случайного плеча –
сам за себя держись!

РОДИНА

Люблю без памяти, люблю
луг золотистый, чистый,
вольный.
В разлуке, вновь в чужом краю
ты снишься мне – тобою болен.
Ты блеском трепетным горишь
в заре, туманы раздвигая.
Мне в душу ласково глядишь,
как колыбель, в цветах качая.
О, Родина!
Не дай пропасть
во тьме, вдали – свети мне,
властвуй!
Мои надежды, веру, страсть
ты не отринь – дари мне ласку.

* * *

Любимая, родная,
твой свет в душе моей!
Просторней нету края,
нет края красивей!
Люблю метель, морозы.
Люблю большой разлив,
где островки берёзок,
где отсвет грустных ив!
Люблю Иртыш могучий
в весенний ледоход.
Люблю причал под кручей
и белый теплоход.
Любуюсь хлебным полем,
вершу в лугах стога.
Суровым своевольем
тайга мне дорога.
Иду я Прииртышьем
в таёжный край глухой,
и хмелем, мёдом дышат
рассветы над тропой...

* * *

Я не смирился с лихолетьем:
ни вор, ни рэкет, ни злодей
не застили мне образ светлый
Сибири, Родины моей.
Её, унизив, рвали, били.
А, в сущности, чего я мог –
ведь не было управы, силы
на тех, кому – ни царь, ни Бог.
И всё ж осталась неделимой
душа, как русский лик святой.
Земля, которая вскормила,
за честь свою зовёт на бой!

Не раз и раньше бедовали –
такое было со страной,
но все напасти отступали,
когда народ вставал стеной.

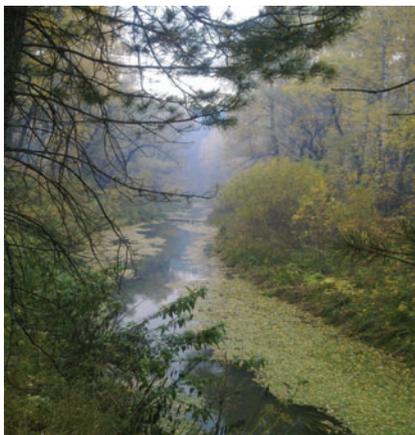
ЛУГ ДЕТСТВА

Я-то знаю: приблизится
время –
и дорога меня поведёт
в те луга, где ручей ночью
дремлет,
где полночная птица поёт.
И, как прежде, вновь в
сердце нахлынет
радость детства, рассвет
голубой...
И тропинки – судьбы моей
линии
все сойдутся за крайней
избой.

40. РОДИНА – СИБИРЬ

МОЁ ПРИИРТЫШЬЕ

Я вдоль – поперёк исходил всю
страну:
знаком с ТУ-ЮК-СУ,
с Тебердою,
на финском заливе лелеял
волну
и в «Пушкино» мчался с
любовью.
Но есть заповедная та
сторона –
в Сибири, в чащобах таёжных,
где в пади медвежьей поёт
тишина,
где встречи со сказкой
возможны.
Мое Прииртышье!?
– Отрада моя!
Былинный Иртыш, крутояры.
Волнуется хлебная нива в
полях,
и в зелени ёлки нарядны.
Немного на Север – глухая
тайга,
чуть к Югу – степные
просторы.
Здесь дом мой – и родина так
дорога!
Не надо ни Крыма, ни моря.

СИБИРЯК

Сибиряк я, скромный человек,
слов признанья попусту не
трачу.
Край сибирский – вот судьбы
удача,
не на год иль два – на целый
век!
Нежусь луговой тишиною,
наклоняю голову к цветам,
разговор веду я с резедою,
улыбаюсь ржи и василькам.
Не расстанусь с дикими
лесами,
с запахами ягод и грибов –
потому и говорю стихами
про деревья, птиц,
про отчий кров.

СИБИРЬ МОЮ, ЛЮБОВЬ МОЮ

Рождественский мороз в ночи
сквозь полушубок пробирает...
Озябший город сник, молчит...
Но предан я родному краю.
Сибирь мою, любовь мою
на Коста Рику не сменяю.
Сомненья на костре спалю
и буду ждать прихода Мая!..
Иду вдоль кромки Иртыша –
и светом полнится душа.

* * *

Ширь озерная раздвинулась
до предельной
той черты,
где синь неба в воду кинула
свет хрустальной чистоты!
Я смотрю вокруг
встревоженный,
мест родных не узнаю:

где деревне быть положено –
только тополь на краю.
Бугорки за ним да ямины,
сваленный в траве забор...
Ах, душа моя упрямая,
что увидела в упор?
Давней улицей –
дорожкой,
меж крапивы, конопли
прохожу,
как огорошенный:
– Эх, вы,
люди, как смогли
распроститься с этим озером,
неоглядной синь-водой,
с этой гривой березовой
и небесной чистотой?
Смутной горечью охваченный,
я невесть куда иду,
в край иной –
переиначенный,
сердцем чувствуя беду!

* * *

Я приду в этот дом,
я вернусь обязательно –
поздно ли, рано!
Незамеченным тихо пройду
по тропинке
вдоль речки туманной...
Я вернусь,
поздней ночью вернусь,
а вернее всего – на рассвете.
Подойду и вокруг оглянусь:
где ты, детство зеленое,
где ты?
Встретят те же ворота, забор...
и ночные пролетные ветры.
Может, ждет меня до сих пор
взгляд собачий,
как прежде приветливый.
Может, та же скворечня в
ветвях
тихо дремлет над серою
крышей?
Постучусь... мамин голос в
сенях
близко-близко с любовью
услышу.
Загорится в окне огонек
за простой занавеской
цветастой...
Я вернусь!..

Как бы ни был далек
этот дом...
И скажу тихо: «Здравствуй!..»

ЗИМНЯЯ БЕРЕЗА

*Королеву Льву Васильевичу,
Председателю Омского
представительства
«Сибирское соглашение»*

Зимняя береза в мир
волшебный
приглашает:
«Подойди, взглядишь!..»
Я доверчивым давно уж
не был –
обними, сверкающая высь!..
С веток бахромою иней светит:
от фаты иль платья кисея?..
На сережках исподволь
заметен
блеск хрустальный – словно
бы заря!
Белое нечаянное чудо
из сказаний... вьюг... из
серебра!..
Да, живым,
нам не понять покуда:
чья ты дочь, снегурочка –
сестра!?
Дышат ветки прозрачно
метелью,
непорочной детской чистотой.
Я стою... не уйду... я
медлю...
Словно перед девою святой!
Прикасаюсь вкрадчиво губами
к веточке, сережкам ледяным...
Пахнешь ты
ветрами и снегами,
обжигая божеством своим!

СИБИРЬ

С порошей первой – санный
след...
С грозой вешней –
медуницы....
Средь радостей, надежд и бед
ночами солнцем будешь
сниться.
Земли исконные пути
с грядущим свяжет мудрый
атом...

...Сибирь, тебе века цвести
в лугах, где пахнет хмелем,
мятой!
В любом поселке будешь жить
с весёлым выплясом и
свистом...
И поздним вечером грустить
с зазывной песней гармониста.

О, РОССИЯ, ДУШОЮ ВОССТАНЬ!

Раскроили по весям страну,
растасили заводы и фабрики...
Хаем прошлое и старину,
матюкаемся, пьём для
храбрости.
Кто нахалпа добра – тот и
царь!..
Рэкет, мафия – правят повсюду.
Не поможет ни чёрт,
ни алтарь...
Сжались, сгорбились нищие
люди.
О, Россия, душою воспрянь
над враждою, разрухой и
бездной.
Обогрей обездоленных,
стань
мать–защитницей
слабых и бедных.

* * *

Сторона моя родная,
в блеске радуг, в свете зорь –
ты, мне юность возвращая,
давней болью не неволь.
Те дымящие закаты
дней войны, больших потерь
иногда тоской накатят –
страшно вспомнить и теперь.
Память ту не предавая,
вновь у бездны на краю
прошепчу: «Земля родная,
я навек тебя люблю!
Так люблю твои плотины,
леса шум и звон ручья,
и весенний гвалт грачиный –
всё, чем жизнь моя полна».

* * *

Утро зеленое в речку глядит
святочной радостью!
Солнце над лесом похоже на
щит
с алостью благостной!

Маковки в росах раскрылись
едва, чудно сверкая!
В ветках березы трепещет
листва.
ввысь устремляясь.
В веточке каждой,
в овале цветка –
свет совершенства!
Вот заиграла
лучами река –
в блеске блаженства!
Мир целомудренный
в рай чистоты
вновь приглашает...
Я бы хотел быть слугой
красоты
или глашатаем...
Я бы хотел охранять неба синь,
вечность венчая...
Я возвратил бы на землю
богинь,
в мир изначальный!
Нежно на солнце трепещет
листва
в блеске зеленом –
цвет непорочности,
цвет естества
в мире влюбленном!

ВЕРНОСТЬ

Свирепые ветры насквозь
пробирают –
от них леденеет внутри...
Но с думой о лете согреться
стараюсь –
ведь рядом свистят снегири!
Я вмёрз в эту землю всем
сердцем, всей кровью,
в снегах и во льдах
растворён...
И с нежностью давней,
которой не скрою,
в родные просторы влюблён!

* * *

Целый мир я пообъездил,
тыщи вёрст исколесил,
но признаюсь вам по чести:
счастья я не находил.
Возвратился в край любимый,
не стыжусь сыновних слёз
над родительской могилой
меж приветливых берёз.

Прохожу вдоль речки сонной
и на мостике стою...
Как до боли всё знакомо
в давнем ветреном краю!
Косогор, плотина, роцца
и туманный дальний луг...
Под окном рябина ропщет
на печаль моих разлук.

СВЯТАЯ ОБИТЕЛЬ

Здравствуй, святая обитель!
Мой не заслуженный край,
внукам моим сбереги ты
этот берёзовый рай.
... Блеск многоцветный,
осенний
красит леса и поля.
Мне бы немного везенья,
разве гордился бы я?
Вечер неслышно стекает
с веток, искрится трава.
Озеро тихо мерцает...
В небе – простор, синева...
Родина, свет предзакатный
неомрачённого дня
в душу пожаром мне катит.
Ты – Божество для меня!!

* * *

Сибирь,
моя родная –
твой свет в душе горит,
мечту оберегая,
идти вперед велит!
Сибирь!
Мой край быллинный,
с тобою я – навек.
Ты – оклик лебединый,
разлив озер и рек!
Ты – древнее сказание
о таинстве лесов.
Ты – первое признание...
Последняя любовь!..

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ

На юг подайся –
степь ковыльная,
на север чуточку –
тайга...
Здесь лесостепь,
земля обильная.
Здесь свет берез,
звон ручейка.
Люблю Иртыш в большом
разливе
и светлый город –
в нем живу.

Но с детства
нет минут счастливей,
когда в полях родных брожу.
Не знаю,
что мне в них дороже:
озер ли синь, рек глубина
или просвет лесных дорожек,
где в травах ягода красна!
А может, в этот зимний вечер
милей снежинок хоровод,
и тех стогов далеких свечи,
и санный путь,
что к ним ведет?!
А может, избы те
за лесом,
дымки,
что в небо вознеслись.
– Близки мне люди?!..
С интересом
я вглядываюсь вдаль
и ввысь.
На конопле сидят чечетки
и алый рядышком
снегирь...
Любуюсь всем!
И смысл отчетлив:
все это –
Родина! Сибирь!

ОТ АВТОРА: РЕДАКТОР КНИГИ «СИБИРЬ, СТОРОНА РОДНАЯ»

В последних числах мая мне из Санкт-Петербурга позвонил мой старый, хороший знакомый Виктор Михайлович Терлеев. Поблагодарил за высланную мной книгу «Сибирский характер», как всегда наговорил кучу комплиментов.

В разговоре я поделился своими творческими планами, сказав, что заканчиваю книгу «Сибирь, сторона родная». Осталась правка, редакторская доработка. Он сразу же предложил мне свою помощь в редактировании, на что я согласился.

Потому как Виктор Михайлович замечательный литератор и публицист, редактор и издатель нескольких книг. Особенно мне нравятся его прекрасные стихи, некоторые из них я напечатал в подаренной ему книге «Сибирский характер».

Виктор Михайлович – родился в январе 1939 года, в Крутинском районе Омской области, а я родом – из соседнего района. Вместе много лет работали в Омском техникуме транспортного строительства. Дружба давняя. В 1990 г. Он переезжает в Санкт-Петербург, где у него учились сын Виталий и зять Сергей. Оба они закончили аспирантуру, стали докторами наук и достойно представляют за рубежом Российскую науку. Заметны и на Родине, имеют награды. Это его, как отца, главное достижение.

В непростой судьбе, он не смог реализовать себя как комсомольский обкомовский работник, не стал известным литератором. Причин на то много. Одна из них заключается в его характере – кристальная честность, непримиримость к холуйству и низкопоклонству, желание исправить непреодолимое. Чтобы понять всё это – привожу своё стихотворение, написанное ему к 50-летию.

*Терлееву В.М, зав. заочным
отделением ОТТС*

Вы, самобытнейший
интеллигент,
по натуре поэт и песенник.
В расцвете творческих лет
взбираетесь вверх по лесенке.
Шатки лесенки в вихрях
страстей
межусобиц и землетрясений!
Вы – добрейший из многих
людей!
Вы – чудной,
в том особая
ценность!
Вы простой –
Вам по нраву ростки
светлых чувств и правдивых
раздумий,
только вспомним денечки-
деньки
в нашем прошлом недобром,
угрюмом:
*По Сибири, по урману
без дороги, в бурелом*

СТАРИЧЬЕ

*Столбы в обрывках проводов
встречают нас при въезде.
Бурьян да ямы –
нет дворов,
и не играют дети.
Два дома в улице пустой
без окон...
За оградой
погост, кресты...
Стою немой
от мыслей безотрадных.*

*шел вперед не атаманом –
комсомольским вожаком!
В справедливость веря свято,
нараспашку, в доску свой,
ты делился с юным братством
и буханкой,
и мечтой!
Ты боялся лжи и лести,
глупых лозунгов газет,
не хотел в начальство лезти
и не верил в партбилет.
Очень часто бюрократы,
казнокрады правят всем.
Бунтовал он,
твой характер,
несговорчивый ни с кем!
Жизнь – она такая штука:
непокорных больно бьет,
своевольных вяжет круто
и пощады не дает!
И нередко в дни разноса
угасал весенний свет.
Было:
кровь текла из носа!*

*Ни наград,
ни званий нет...
Что мечталось –
отмечталось
в той гнилой,
былой поре,
но душа живой осталась
в новой нынешней заре!
Пятьдесят лет, золотую
оттесненные каймой,
есть в них грусть,
но я не скрою:
я б хотел судьбы такой!
И желаю в эту дату
дописать еще с полста
лет задорных
и крылатых –
лишь душа была б чиста!*

Ему нравились мои стихи, он их заучивал, декламировал. С восторгом говорил о деревне «Старичье», своей «малой родине», которой я посвятил стих.

*А рядом вольные луга
и с синевой озера,
шумят листвою с бугорка
березки, с ветром споря!
За гривой рям – сосновый рям
с морошкой и брусникой!..
Старичье –
душу я отдам
за блеск природы дикой.
За твой нетронутый покой
в просторах ясно-синих,*

*за этот воздух неземной
чуть с горечью полыни!..
- Вы, люди с черствою душой,
во власти беззаконной
смахнули жизнь с земли родной,
оставив мне два дома.
Так пусть они в осенний час
здесь, на охоте вольной,
напоминают всякий раз
о нашей родословной!*

От редактора: «Сибирский характер»

(СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ)

Уважаемый читатель!

Вам посчастливилось открыть книгу, которая созвучна «Повести о лесах» Константина Паустовского, «Дороге к другу» Михаила Пришвина, «Рассказам» Виталия Бианки. От названных литераторов в прозе Владимир Зензин отличается тем, что замечателен как Волшебник в Поэзии. Его книга «Сибирь, сторона родная» проникнута Рубцовским лиризмом и зоркостью, чудодейственной Зензинской Правдой!

Каждое слово Автора просеивается через сомненья и раздумья. Чтобы приковать мысли Читателя к своим, с этой целью некоторые слова он выдает порционно, т.е. пишет их по слогам, например, «память пе-ре-во-ро-шу».

Во многих стихах Владимира Зензина (порой веселых, иногда – не очень) слышится красивая музыка. Не верите? Так найдите же стихотворение «Заснеженность» – это же сама песня... Помню наши беседы в таёжных дебрях, в урманских болотах, где я старался соотносить свое миропонимание с мнением Омского Мудреца и Поэта Владимира Зензина.

К нему часто прислушивался большой Мастер поэтического пера – Тимофей Белозеров. Творчество Владимира Зензина по достоинству ценят маститые Омские литераторы: Александр Лейфер, Анатолий Грачев, Владимир Макаров, Лев Трутнев и другие. Жаль, что никогда не увидят эту книгу Ефим Беленький и Михаил Бударин... Что касается меня, то этой книгой, которую представляю, я просто-напросто очарован.

Чем же притягивает книга? Чем она завораживает? Конечно же, глубоким содержанием, ясными мыслями, правдивыми рассуждениями и поэтическим видением Природы Прииртышья. «Ну, а художественные достоинства каковы?» – спросите Вы. Отвечу. Можете не сомневаться, дорогой Читатель: книга «Сибирь, сторона родная» определено (однозначно) высокохудожественна.

Да, да... С большим волнением читая стихи и прозаические зарисовки о Прииртышье (материал подается порционно, стихи и проза чередуются), я понимал, что Автору, пусть и в творческих муках, удастся находить нужные слова, которые светились бы: то – красками художника; то – мрамором скульптора; то – музыкой скрипача; то – солнечным лучиком...

Интереснейшая книга Владимира Зензина «Сибирь, сторона родная» станет Вам, дорогой читатель, добрым советчиком и мудрым Другом, являя собою кладезь самых разнообразных познаний о природе. Она и о хороших людях, призванных беречь ее и любить. К ним и Матушке-Природе сам Автор относится с глубокой нежностью. Вот почему это трогательное слово произносится им сотни раз, говоря о том, что сама авторская душа и нежная, и ранимая, и страдавшаяся. Любое стихотворение Владимира Зензина несет Читателю не только новые знания, но и помогает понять увиденные чудеса и красоты Природы в синеве неба, шуме леса, песне волн, в плаче чибиса и чаек.

Мне, редактору, радостно представить замечательную книгу истинного Сына Отечества, всерьез обеспокоенного плачевным состоянием родной Природы. Проводя Читателя по разным уголкам Сибирских просторов, Автор бесхитростно и откровенно, часто с болью в сердце, с чувством высокого патриотизма, неустанно повторяет:

*«Люди, остановитесь, оглянитесь,
Посмотрите на варварство,
Которое творим сами.
Люди! Мы же дети одной Матери-Природы,
а есть ли на земле слово, прекраснее слова «МАТЬ»?
Так будем же ее беречь и жалеть. Любить. Призадумайтесь над тем:
Светла ли в озерах водица?..
Сколько на озере птицы?..
На Юг ли, на Север они летят?..
А... сколько у кряквы утят?..»*

Какое глубокое видение Автором различных Явлений Природы на озере и реке, на земле и в небе, на лугах и полях, в лесных дебрях! В одном из стихотворений он пишет:

*«Казалось, не серебряные ручьи
Стекают с неба,
А из земли выросли стебли дождя».*

Он видит даже неуловимые нити света, таинственный танец снежинок, внимает музыке дождя и шепоту камыша, и покоряет точностью изложения глубоких мыслей, достоверностью. В этом легко убедиться, побывав вместе с Владимиром Васильевичем на многоголосом сельском базаре, но базарная сутолка – не его стихия. Он вновь убегает в поля.

«Мне жизнь полей мудрее книг!» – восклицает Автор, счастливо наделенный многочисленными талантами, в том числе – литературным. Подтверждаю это его стихотворением «В тайге»:

*Я сбежал из города в тайгу,
И над речкой тихой, ясноликой
Из сосны рублю себе избу,
Печь кладу – ведь я не лыком шитый.
Я умею многое: сошью
Из звериной шкуры куртку, чуни...
Для колодца выдолблю бадью,
Надо – и в сугробе заночую.
Я умею мастерски стрелять,
Сети ставить, находить берлоги...
Я – в тайге, но в голове опять
Голоса родных и гул тревоги.*

Его тревожат не только заморы на озерах, высыхание водоемов, но и малая рентабельность рыбозаводов, нищета некогда богатых деревень. И вновь повторяет: «Берегите Природу от браконьерства и головоутиательства, от варварской вырубке лесов, от всевозможных пожарищ». Автор прямо-таки кричит нам: **«Возрождайте деревни! Занимайтесь земледелием! Сохраняйте леса, дающие планете дыхание».**

Привожу выдержки из моего письма, написанного после получения его книги: «Гори, охотничий костёр».

*«...Спасибо, Владимир Васильевич, за Благородство, Естество, за Совесть, за Талант!
Если бы Ты не обладал личностными достоинствами тонкого ума и чувств, наблюдательностью, то и не состоялся бы как Поэт. Твой Лирический герой – настоящий сибирский парень: Мастеровитый, Башковитый, Спортивный!!! Художественно одаренный!..
Хорошо, что не только констатируешь, но и привлекаешь внимание Читателя к острым проблемам современности. Стихи твои высоко оцениваются Знатоками и Любителями Поэзии Ленинградской области. А мы с Анной Владимировной (моей женой, у нее уже готовы 2-ой и 3-ий поэтические сборники) без слез читать Ваши удивительные стихотворения просто не можем. Сердца kloкочут, мысли вскипают, Душа замирает, источая всевозможные похвалы Тебе – Тому, чья авторская позиция так патриотична.
Проблемы, которые ставишь в своем творчестве, я поднимал в объемистом письме в «Комсомольскую Правду» осенью 1974 г. – когда свирепствовали гонения на А.Д. Сахарова. Не побоялся: один из немногих заступился за прославленного Академика. Не обошлось без окриков свыше, без запугиваний – выручил мой 5-летний комсомольский стаж, награда ЦК ВЛКСМ «За отличие в труде» и поручительство друзей из Областного комитета ВЛКСМ.
Но, вернусь к твоему творчеству. Меня всегда восхищало то обстоятельство, что Ты презирал шумиху и лжепатриотизм, крикливость. Свои замечательные стихи Ты создавал ТАИНСТВЕННО...словно сидел в камышах на лодке, а рядом безмятежно качались чучела.*

Похвально, что Успеху Твоих проникновенных стихотворений способствуют не литературные приемы Литературных Академий, а несомненный природный талант, жизненный опыт, трудолюбие, влюбленность в Родную Природу.

Как человек впечатлительный и наблюдательный, пытливый и умный, одаренный многими талантами, в том числе, и – поэтическим, Ты просто Не мог Не сочинять стихи.

А стихи твои прекрасны! Такая красота сквозит в первую очередь, у М.М. Пришвина, у С.Есенина, Евдокима Русакова, у И. Антонова, Вадима Шефнера... Ну, что ж!?. И я пишу тебе «Поздние признания» твоего таланта и слова искренней благодарности за Твои книги. Вижу в них Твой умный и красивый взгляд...

С каким сердечным трепетом читаю милые слова малой Родины: **увалы, айда, паря, пимы, выгора, рям, талы, калач, масло «рыжик» и др.** Как волнительно читаются: Старо-Солдатка, Усть-Логатка, Тюкалинск, Ялуторовск, Старичье, Крутинка, Салтаим, смородина (здесь ее называют уродливо – «сморода». А в Ялуторовске могила моей матери...).

Покоряет образность Ваших стихов, Владимир Васильевич:

Облака – сны, ондатры – торпеды, серебряное блюдо озера, вафельный жир гуся, черный жемчуг смородины, виток мечей (рога лося), концы лянлого платка, щебет ласточек беспечный...

А ритмы! Рифмы!.. (озерный – зерна, крылья – открыл я, вечерний – чернядь, не стану – полустанок, истоме – стонет, тучи – лучик, полднем – поднял и т.д.).

Как певуче произносится: «Что, березка, мне расскажешь?», «Ах, сентябрь, ты мой – кудесник», «Родина – дальних лесов кружева...»...

Читаю, вновь перечитываю: «**Осенний лес – моя любовь**», «**Неспроста поет овес**», «**Мои думы о доме, о Родине...**» и др., и др., и... не могу начитаться. **Какая тонкая наблюдательность! Какое точное выражение мыслей – «Разведрило!.. Разведрило и в мыслях, и в душе».**

Владимир Васильевич, мне известны муки поиска нужного слова. Вот почему вместе с Анной Владимировной (моя жена – поэтесса) так радуемся Вашим поэтическим находкам, многим прелестным строчкам. Сколько притягательной силы в одном таком названии «Гори, охотничий костер» – и хорошо, что обложка красочна.

В ваших стихах нерасторжимы юношеская непосредственность и мудрость бывалого человека. Читаю и вижу пушистость верб и солнечную пыль, слышу как трещат льды, ломающиеся на весенних реках и озерах, восхищаюсь разливами...

И это все. Не элементарная описательность ради рифмы. Стихи выстраданы, не надуманы. Они покоряют свежестью и чистотой, хорошим настроением, переживанием автора.

Твою чудную книгу «Гори, охотничий костер» сейчас читает редактор газеты «Голос патриотов» Василий Ив. Суворов. Васю стихи Твои, Володя, очень и очень радуют, волнуют – а это редчайший знаток поэзии... (Продолжаю писать, 28-е ноября 2004 г. 7 часов утра, г. Луга Ленинградской обл.).

...Вот только вчера виделся с Васей Суворовым – образованнейшим человеком Северо-Запада. Он дал мне и Анне книгу Ник. Старшинова (муж Юлии Друниной) «Частушки» и... опять говорили о Вашем таланте, Владимир Васильевич, о Вашей книге «Костер». Он вновь ее просил.

– Принеси, – говорит, – Владимира Зензина, так хочется почитать еще и еще...

А ведь у него дома библиотека в несколько тысяч книг. И сам он – редактор нескольких книг.

С глубоким уважением, Анна и Виктор 30.11. 2004 г.

*** * *** (продолжение)

Выйдя из Тюкалинской глубинки, из простого деревенского люда, испытал в детстве все горести и тяготы голодного военного времени (отец погиб на фронте под Псковом), Владимир Васильевич Зензин берет на себя смелость взвалить на собственные плечи тяжкий писательский труд. В своей поэтической декларации, в заключительных строчках стиха «Омская область» четко определено авторское кредо:

*...С интересом
я вглядываюсь вдаль
и ввысь.
На конопле сидят чечетки
и алый рядышком
снегирь...
Любуюсь всем!
И смысл отчетлив:
все это –
Родина! Сибирь!*

* * *

Уважаемый Читатель, как бы я ни старался сказать слова Благодарности Автору за книгу «Сибирь, сторона родная», как бы ни восхищался этим удивительным (у-ди-ви-тель-ным) человеком, я не смогу сказать о нем так, как рассказывает он сам о себе: «Писать всегда одну Правду и только – Правду» – такова клятва, таково кредо поэта и журналиста Зензина. (Снова привожу выдержку из моих старых писем к автору).

«Большинство Твоих стихотворений расцениваю как подлинно художественные, в них не только ум, но и неравнодушное сердце, а так же главное, – совесть».

*Часто пою песню Ал. Морозова:
«Возьмите карандаш
и... напишите – «Совесть»,
и вспомните: когда
Вы думали о ней...».*

* * *

Вот что автор говорит о муках творчества:

*«Я – болен, я – безволен...
Я вечно чем-то недоволен.
Как объяснить, как разгадать,
Как самого себя понять?..
...И вновь – стихи!
- Душа – в огне!»...*

Вот каково оно, пожарище стихотворчества. Чтобы лучше понять Бунтаря и Правдолюба Владимира Зензина, следует еще и еще раз прочесть главу «Свет надежд», в которой он грустно заметит:

*«Страничкой улетали мои дни...» И вновь повторяет:
«Поэзия – лекарства лучше нет!
Слово – Божество!
Стихи – когда Душа поет!*

То с улыбкой, то с грустинкой пишет поэтические картины: «Рождество» (концовка):

*«И хотел бы я в чистой рубашке
в час последний прийти на лужок,
поклониться ручью и ромашке,
из ключа выпить чистый глоток».*

И вновь беседует:

*с подснежником и озером;
с березкой и осинкой;
с вербой и васильком.*

Он рассказывает Читателям о живительной силе корня «Аир», о настойках валерианы, о клюкве-ягоде, о видах подснежника и других цветах и травах... Просит знать и помнить названия рыб и птиц, различных животных. Автор поможет увидеть жаворонка на ниточке, бабочку, летящую к оконной раме; зайца, линяющего в колке; утенка-нырка с белыми дудочками будущих крыльев и еще раз пересчитает: а сколько у кряквы утят?

И снова тревожится, горько вздыхает и печалится, видя незажившие раны на теле земли – следы человеческого варварства: весенние палы, весенняя охота, разгильдяйство и безразличие чиновников, отвечающих за экологию и сохранность природы.

Грустит ли одинокая скирда в поле, растут ли грибы-сыроежки, собирает ли лисица подранков, стонет ли лебедь одинокий, как сердится ежик, как кричит гагара – до всего есть дело неравнодушному сердцу Автора – все сказанное выше образно подтверждается многочисленными стихотворениями, такими, как «А душа болит, болит...».

Стихи покоряют дивной неожиданностью сравнений:

**Желтый птенец – одуванчик;
рыжее пламя лисицы;
белый хвостик косули – подснежник;
пар над лункой – памяти дым;
почки вербы – золото;
на осиновом листочке – шрифт лесной;
Леса – зеленый океан и т.д.**
А каковы наблюдения-олицетворения!
**Мышата чистят зубы;
куропатки играют в прятки;
танец ласточек – касаток;
в карауле стоят тополя;
куда зовешь бескрылых, птица?
Аист – джентельмен, воробьи беседуют, хвалят друг
друга, целуются...**

* * *

Уважаемый Читатель!

Не сердитесь, что наш разговор повернул вдруг в литературоведческую сторону. Ну как не сказать о звездной россыпи сибирских слов: **медунки, отава, зарод, шаньга, пимы, зипун, шабур, дровни, берданка, скрадок, няша и т. д.** И как удачно слова зарифмованы! **Лопух – пух, кусты – застыл, с весел – плесах, лысуха – глухо, прячут – горячий, бокал – Байкал, чую – ночуя, перелески – прелестный и т. д.**

Но все-таки не выразительностью художественных средств (ими восхищен тоже) покорен Редактор, а Личностью Автора, сказавшего о себе:

**«Дышу – стихами»
«Растворюсь я в алой зорьке»**

* * *

Повторяюсь: как могуч лирикой Сергей Есенин, как пленителен Николай Рубцов, как пронзительно правдив Владимир Зензин, при чтении которого то дрожь и озноб, то полынная горечь, то слезы Радости. (Привожу опять из своего письма отрывок стиха, написанного на книгу В.В. Зензина «Поздние признания»).

УЛЫБНИСЬ!!!

...Над старицей – излучиной
Плывут в даль облака...
Из солнечных из лучиков
Слагается строка.
Крапивною веревочкой
Слегка Твой стих повит,
Так мил мне, Зензин Вовочка,
Словарь твой – алфавит.
Тенис да Ик, да Старичье,
Крутинка, рыболов –
Любимых слов величие
Я постигаю вновь.
Твоя Старо-Солдатская,
Родная сторона.
Моя же – Усть-Логатская,
Чуть северней она.
Калиновка...Малиновка...
И ...Ново-Карасук.
Сто верст кому-то длинные,
Охотнику не крюк.
Мы с полными карманами
Подарков для людей,
С тобою шли урманамы,
Спортивный Володей!
Прости, как будто лезу я
К спорт-Мастеру в друзья.
Скажи – пойму, не бездарь я.
Нельзя – так и нельзя.

Замечу не без гордости
(стрельбы деталь одна) –
призером Омской области
была моя жена...
Умчались утки стаями,
Уплыли окуньки...
Как льдиночки растаяли
Крутинские деньки...
Теперь уж не воротятся –
Не ходят годы вспять,
Но на охоту хочется
Опять, опять, опять...
Вот вижу – мчишь за рыбою
На милый Салтаим, –
Пусть мы не стали глыбами,
Так не лежим, – стоим!..
Стоим за Русь Великую!
За Волгу, за Валдай!
За озеро за Дикое,
За Тюкалинский край!
Меня там помнят лебеди,
Камыш... и кулички...
Так были вы иль не были
Крутинские деньки?..
За «Поздние признания»,
За твой душевный свет.
За память и внимание
Спасибо, Друг – Поэт..

24.02.2004 г.

г. Луга, Ленинградская область

Именно этим можно было бы и закончить данную статью. Но хотелось бы познакомить Читателя с двумя пожеланиями Автору. Одно – от Анны Терлеевой. Другое – от Редактора.

* * *

Поешь ты Гимн родной природе,
Молитву – таинство творишь
И веришь, что в своем народе
Вновь Совесть предков воскресишь.
Но не горюй, Поэт, так жгуче,
Что в диком обществе живешь:
Оно у нас не станет лучше –
Ведь «Что посеешь – то пожнёшь».
Всю душу выплесни до капли,
Раздай любовь родным местам:
Гагарам, рябчикам и цаплям,
Березам, травам, камышам.
И счастлив будь, что живы птицы,
Что горлицы еще цветет,
Что бьет Родник живой водицей, –
А сердце плачет и поет.

Анна Терлеева, 14 октября 2009 г.

* * *

Земляк, талантливый пером,
Рисуй словесные узоры,
Пусть светят лунным серебром
Тобой воспетые озера.
Поэт! И Мастер по стрельбе,
Искатель Правды – тяжкой ноши,
Пусть улыбаются Тебе
Все звезды над родимой Ошей!

Редактор Виктор Терлеев,
Санкт-Петербург, 15 октября 2009 г.